

Р19Ср ИЛ1055/3.1

Р. В. А.
500

Д-г мед. Корнел Радуловић

ПЕТРОВГРАД

Башкићева 11, Телефон 28.

Д-г и Корнел Радуловић

ПЕТРОВГРАД

Башкићева 11, Телефон 28.

P 19 Спр 11055/3. А

ТЫСУѢА и ЄДАНЪ ДАНЪ

Р19Ср II. 4055/3. 4

ИЛИ

ПРИПОВѢДКЕ

СОЛІМЕНИНЕ

ТРЕЃА СВЕЗКА,

п р е в е о

ПЕТРЪ ТЕОДОСИЄВИЧЪ

Высокославне Кралѣвске Маѣарске Судейске Табуле

Заклетый Ношарій.

Tausend und ein Tag

У Б У Д И М У ,

Писмены Крал. Всеучилища Пештанскогъ

1 8 3 . 2 .

Кадъ бы ми смушно време, спудена киша,
или преяка зима, ил' жарка запара лѣта
прохожденіе забранили, онда бы се у мою
самоѣну собу зашворио, и благороднѣй-
шимъ бы дружствомъ себе увеселявао,
кое ешь дика и похвала свакогъ вѣка;
славне душе, кое су свою мудрость у поу-
чйшелне кнѣиге уписале, благородно друж-
ство, кое наше душе на перво достоин-
ство возвышава. Еданъ ме учи, какови
су обычаи дальны народа, и какве су див-
ности у дальнима овогъ свѣта часпима,
и пр.

Вишковиць,

Госта Радіславича

ЕДНОКРВНОЙ и ЕДНОУТРОБНОЙ

БРАТІИ СВОІОЙ

ТЕОДОРОУ и ІОАННУ

ТЕОДОСІЄВИЧИМА,

Художницыма Земунскимма

Госта Радіславича

аки и ждивашелъима кнѣиге ове,
и великимъ Благошворима своима

за знакъ найвеће благодарности свое
всесердно посвећуе

Превођишель

ЛЮБЕЗНА БРАЋО МОЯ

ΘЕОДОРЕ и ЮАННЕ!

За любовь искренну, съ коіомъ сте ме као старіи одъ дѣшиньспва мога предусрѣпали, и за сву благодѣшелну доброшу Вашу, кою сте ми по смерпи драге матере наше, шиляюћи ме на вышше науке, у новцу, одѣлу, и свой другой потреби, одъ уста свои опкидаюћи, и мени даваюћи, као права Браќа, и прави доброжелашельи, сердечно, безъ сваке себичноспи, чинили, и саде іошпъ чинише, увѣкъ самъ се спарао найшоплію Вамъ сердца мога благодарноссть принеши. Труды су пакъ мой свагда на то ишли, да неоцѣнимой доброши шой Вашей поведеніемъ поне моимъ ушѣху прибавимъ. Обаче, све е то слабачко и маловажно было за доказаніе опмѣнногъ уваженія Ваше къ мени добросердечноспи.

Тота самъ ради кнѣижицу ову, по любкой жельи Вашей, да сирѣчь у Нѣмачкомъ, нама на границы живећимъ особшо нуждномъ езыку веће совершенство добыемъ, съ испога езыка на нашъ Сербскій преведену, неопложно науміо браќской любви, нѣжноспи и добродушію Ва-

Вашемъ съ найискренніимъ сердцемъ по-
свѣпши , да тимъ начиномъ яснѣ
жаркостъ существуюѹгь у грудма мо-
има велике спрѹху Васъ благодарности
огня, изявимъ.

Пріймише дакле, любезна Браѹо моя,
кнѹижицу ову, коя и онако прошкомъ
Вашимъ на свѣшъ излази, у Вашѹа праве
любоби брашиньске пуна нѣдра; прій-
мише є као залогъ и свидѣпельство вѣч-
не моє, Вами признашелности, любоби и
почипанія. Нѣжностъ ми Ваша много
овдѣ говориши забранює, но ово ѹу само
на похвалу Вашу, а за изясненіє велике
моє Вами благодарности, цѣломе свѣшу
казаши, да сше ми Вы изъ свакогъ
призрѣнія онакова Браѹа, какову бы
свимъ младымъ свакогъ реда людима изъ
свегъ сердца желію.

И дальой любоби Вашой и благона-
клоности препоручуюѹи се, оспаємъ

У Будиму 1. Октомеріа 1832.

Вашъ

умилиѣйшій браѹъ

Петръ Теодосієвичъ.

ПРЕДГОВОРЪ.

Да нѣжной желѣи, и благоме совѣшу Браће мое, што се упражненія у нѣмачкомъ ѣзыку шиче, удовлетворимъ, и да ѣй освѣдочимъ, да совѣшь нѣювь у празнымъ моимъ часовима шочно испуњавамъ, кромѣ многи маньи превода, наумимъ и шаково што превести, што ѣеду они, као люди, кой школа учили нису, радо читаши, лако разумѣши и одшудъ се чему научиши моѣи. Видѣѣи припомъ, да е на свима, на Сербскій свѣшь излазеѣимъ кнѣигама, увѣкъ найвеѣе число онаковы людѣи уписано, кой су нѣима подобни, то еспь, кой су художници, купцы, и пр. и коима ниши изображеніе сила душевны, ниши раденогъ живоша нѣювогъ време допушша, да се са кнѣигама високо и сувопарно по изыскиваню предмета свога списанымъ, занимаю, а довольно къ шоме увѣренъ, да Родъ Сербскій по веѣой части радо празне свое часове у читаню забавны кнѣига проводи, зажелимъ истный переводъ мой чрезъ печатню путемъ предчисленія и другима сообщити, и ево га свимъ драгимъ моимъ Читателѣима сообщавамъ, и надамъ се, да ѣе свима, особыто пакъ оныма, кой су перве двѣ свезке читали, позволянъ быши.—У нѣму ѣе заиста читателъ драгій много лѣпы спварій наѣи, а наипаче видитъ ѣе, какво е у нѣчемъ Хінезаца, Мухамеданаца и пр. вѣроисповѣданіе, и какови су имъ обычаи. Тимъ ѣе се начиномъ упознати съ испыма народима, и не ѣе быши шуѣинаць на земљи овой. Онъ ѣе се гдѣчемъ

и насмѣяти, обаче то ће управъ знакъ быти
изображеніегъ ума и вкуса нѣговаго.

Што се езыка и правописанія пише, она-
ко самъ писао, као што опмѣнни Рода на-
шегъ списашельи пишу. Свакомъ е свое уво
судія, тако говори нашъ еданъ списашель.
Но опеть, я бы се весма радовао, кадъ бы
ме ученъ какавъ мужъ (неучени нек' свой
посао гледаю) не само у смотрѣнію езыка
и правописанія, него и самогъ превода
(предъ очима увѣкъ то держеѣи, да е и.ме-
ни хошѣши свободно было) безпристрастно
и совѣстно, границу честности не прелазе-
ѣи, крѣпизірао. Ако бы ми важне какве погрѣ-
шке ошкрыо, и ако бы поученіе нѣгово осно-
вано было, некъ е іошшъ напредъ увѣренъ,
да ѣу къ поправленія пристанищу, са узкоме-
шаногъ и бурноволнуюѣегъ се мора нашегъ
кнѣжевногъ, сва едра вольногъ сердца мога
ошпуспивши, съ найвеѣимъ смиреніемъ бѣгати,
премда многій човекъ оно, што е мнѣнію
нѣговоме прошивно, радо испина вешпомъ
вишій вѣруе, ал' опеть зато путемъ пре-
ѣашнѣи мыслий свои немарльиво ступа.

Меѣупимъ, сердечно благодарѣи како ГГ.
Совокупшительима на нѣовомъ неоцѣнимомъ
шуду, и высокой къ мени благонаклоности,
тако и свима ГГ. Пречисленицыма на нѣовомъ
жаркомъ Родолубію и просвѣщенія ревности,
и понизиѣише се свима вообще и у напре-
дакъ препоручуюѣи, есамъ, и быш' ѣу свагда

Сонародника мои

У Будиму 1. Октомвріа 1832.

испанный почитатель

Преводитель.

У Л А З А К Ъ.

Надъ кралѣвствомъ *Кашмире* владаше нѣгда Краль *Тогрулъ Бей*. Онъ е имао само едного сына, и одну само кѣерь, кои дывота свои времена бяху. Сынъ се зваше *Фаррукруцъ*, когъ юначке славе цѣо свѣтъ пушь баше, а кѣи *Фаррукнаца*, коя дражеспномъ лѣпопомъ своіомъ све пада живеѣе лѣпопице испока надвысаваше. Милина душе нѣне човека е яви обчинявала, и свакій, кой се шекъ очи свое на ню бацыши усудіо баше, шай е се часъ любовомъ къ нѣой зажегавао. — Кадъ бы годъ изъ палаше, яшеѣи на бѣломъ Татарцу изышла, народъ бы врвіо гомилама за нѣомъ, шако, да га е почестна спража нѣна съ мачемъ у руцы отбїяши морала. Найвеѣе насршаче войницы су убїяли; но нишпа зашо, многїи су радостъ нѣку налазили, предъ ногама прїнцезе умреши. Краль, да случае-ве ше уничтожи, забрани іой изыѣи изъ палаше, да е не бы выше народъ *Кашмирскїй* видѣо; но опетъ гласъ лѣпоше нѣне пукне по цѣломъ испоку. Многїи кралѣви гласомъ шимъ намамлѣни буду, и наскоро се у *Кашмири* чуе, да су изъ свїю *Азіе* *Дворова* посланицы дошли, да просе прїнцезу; но она іошпъ пре шога санъ нѣкїй снила баше, кой іой све мужкарце мерзкима учини. Снило іой се, као да види елена у замку се ухвапивша. Еленица доѣе и освободи га; но сама падне у испу замку, а елешъ, мѣсто да іой помог-

не, побѣгне одъ нѣ. — Она е мыслила, да іой е *Кезаіа*, найвѣій пророкъ *Кашмірскій*, у сну шомъ показао, да су сви мужкарцы не-вѣре, кои вѣрность жена свои неблагодар-носно наплаћую, и то твердо вѣруюћи, о-пиде къ кралю, опцу своме, и са сузнымъ га очима замоли, да е прошиву волѣ нѣне не уда. Сузе те *Тогрулѣ Беа* разжале; онѣ іой се *Кезаіомѣ* закуне, да е ни какавъ принць, ако сама не соизволи, задобыти не ће, и шако се Принцеца успокои, твердо наумив-ши, свакомъ принцу соизволенѣ свое опрећи.

И заиспа многе Принцеве опбіе. — То у-плаши *Тогрулѣ Беа* да шолікіи кнезови, у-вређени неповольнымъ принцеце опговоромъ, на освету не помысле, и рашъ му не обяве. Мыслећи пакъ, да е поступку принцезиномъ дойкиня нѣна *Солімена* узрокъ, заповѣди ову дозваши, коя му на пытанѣ опговори, да е мерзосни принцезиной спрамъ удапбе само санѣ нѣкій узрокъ, и приповѣди му га до конца. А мыслишь ли, запыта е онда краль, е л' іой можно памешъ поврапити? Ако ми шу чесни пуцу бригу, опговори на то *Со-лімена*, наложити хоћешъ: то самъ у до-брой надежди. Я знамъ силу пріятны при-повѣдкій; съ нѣима ћу умилно принцецу за-бавляши, и доказываюћи іой у нѣима, да е вѣрны любовника бывало, довести' ћу е до шога, да ће вѣроваши, да ій іошнѣ има.

Кралю се шай планѣ допадне, *Солімена* найзгоднію за извершенѣ памѣре свое прилику повреба, и заключи, да увѣкъ пре полдне,

кадъ принцеца у купѣль уѣе, шпогодь іой приповѣда. Чимъ дакле супра данъ *Фаррукиаца* у купѣль уѣе, а *Солімена* проговори: знамъ, сѣйна кнегиньо, приповѣдку єдну шуну особышы чуда, ако ми допустишь време ши съ ньомъ прекрашити, она бы ше заисша провеселила. — Дворянке нападну съ молбомъ своіомъ на принцецу, коя допусти, и *Солімена* почне одъ приликѣ овако:

Принць *Калафъ*, и *Турандоша*
Принцеца *Хінезска* :

Принць *Калафъ* быо є сынъ старогъ нѣкогъ владѣпеля *Ногаіски Татара*, *Тімурташа*. Повѣспница нѣговы времена говори, да є онъ све оногъ вѣка принцеве лѣпотомъ, бысприномъ ума, храбросцю, и ученосцю надвысивао, и называ га юнакомъ *Азіе* и *Феніксомъ* ишлока. То є права истина, да у 18. години своіой веѣь себи равна на свѣшту ни є имао. Онъ є быо душа свою совѣшованія опца свога, и *Ногаіске* є *Татаре* мудрымъ своимъ у рашу предводенѣмъ свима сосѣдима спрашне учиню, шако, да се ови ни кадъ усудити не смѣдоше, увредиши *Татаре Ногаіске*. Таково є было спанѣ кралѣвине *Тімурташеве*, кадъ се посланикъ *Султана Карізманскогъ* у двору му появи, и на первомъ саслушанію (аудиенціи) рекне, да Господаръ нѣговъ годишній данакъ одъ *Ногаіски Татара* ишне. Ако се пакъ плаћати усрошиве, да ѣе съ воискомъ на нѣи напащити. *Тімурташъ* скупити совѣшникѣ, кои узъ

Калафа те мысли буду, да *Каризманцыма* съ войскомъ на сусрѣшъ иѣи треба. То се и учини. Но у бипки войвода *Циркаскій* изне- вѣри *Калафа*, союзи се съ *Каризманцы*, и об- коли *Ташаре Ногаіске*. Обаче *Калафъ* се крозь непріяшеля прошуче, и побѣгне, знаюѣи, да ѣе за нымъ потера иѣи, странпушицомъ ку- ѣи. Нечаяный повратакъ иѣговъ проспе об- щій страхъ, и жалоснѣ по двору опца иѣ- говога, кой іошпѣ веѣма у очаяніе падне, кадъ му гласъ доѣе, да є *Султанъ Кариз- манскій* све *Ташаре* изсѣѣи дао, и да се съ особыпомъ берзостю къ престолномъ граду приближує, намѣривши пвердо, *Тимурташе- во* колѣно смертно искорениши, и цѣлу кра- лѣвину себи покориши. Онда *Тимуртаиѣ* шпо берже са семеіомъ своіомъ, узевши дра- гоцѣности свое, бѣгати почне, и упути се къ великой *Бугарской*, да кодъ кнеза каквогъ прибѣжище попржи; но дошавши среѣно до *Кауказа*, удари шу на иѣга чеша разбойника, и све чешыри спопине мамака иѣговы изсѣ- че, све му благо опме, и само иѣму, шо еспѣ *Тимурташу*, жени му *Елмацы*, и сыну, *Принцу Калафу*, живопѣ пошпеди, и опшу- сти іѣ. Ови онда ядикуюѣи поѣу пѣшке пре- ко непознаша и пуста предѣла, пашеѣи се свакояко и мучеѣи. — Идуѣи шако єданѣ данѣ, и ублажаваюѣи се мыслию, да ни су опи перви кнезови на свѣту, кое є бычѣ суда *Божіегъ* посшигао, и да *Богъ* власть има кру- не узеши, и оцешѣ іѣ поклониши, угледаю градѣ єданѣ, доѣу до иѣговы враша, но спы-

V

деѣи се прашни, зноявни, и полунагіи у иѣга уѣи, сѣдну у хладъ подь велико едно дрво, да чекаю докъ се не смеркне. Ту доѣе и нѣкій спараць изь града, и сѣдне, когь они за име града запытаю. Име є граду, рекне спараць, Іаікъ; шо є престолный ове землѣ градъ, но продужи далѣ — вы ми се изь далека чините, кадъ шо пышаше? — Еспь, ошговори *Тімуртаиѣ*, мы смо изь Карізма, и живили смо у приморю Каспійскомь. Терговцы будуѣи, поѣемо съ многи други у Капшакъ, но нападну насъ разбойницы, и поошимаю намъ што годъ смо имали. Прешли смо Кауказъ, и дошли овамо, не знаюѣи, кудъ насъ ноге носе. Спараць, сожаленіе у несреѣи ближнѣга свогь осѣхаюѣій, поднесе имъ куѣу свою за прибѣжище, и кадъ се посумрачи отведе іѣ шамо. Куѣа му бѣше мала и проста, но чиспа и по добромь вкусу уреѣена. Онъ се за вечеромъ поднапіе, и веселеѣи госте свое пружаше се свакояко, да имъ нещасіе изь главе избіе. Та ни сте вы перви пупници и терговцы, рекне имъ, кое су разбойницы поробили. И самномъ є шо исто было, кадъ самъ у младости изь Музела у Багдадъ ишао.

То изрекши, приповѣди имъ цѣло жишіе свое, казавши имъ, да є сынъ *Бін-Ортока*, краля Музелскогь, и да му име *Фадлалла*, додаваюѣи у приповѣдки и шо, како су га Бедуіни на пупу у Багдадъ ухвашили, и за дрво, да одъ глади скаплѣ, привезали, и како є Небо, кое намѣре людске, ако се га

свешомъ вольомъ и ѿговомъ не слажу, уничто-
жава, жени Арамбашинной сожаленіе у сердце
улыло, коя дође, опрѣши га, и пусти да
избѣгне; како е се случайно у Багдаду са *Зе-
мрудомъ*, кѣрю иѿкогъ Муаффака, знаш-
ногъ гражданина оженію, пошомъ се у Му-
зель врашію, и круну (будући му оцаць,
чувшій да е Бедуинима у руке пао, одъ жа-
лосни за нѣмъ пресвискао бяше) одъ спры-
ца свогъ пріймію; и како му е найпослѣ же-
на, кою е као душу свою любію, умерла,
— Кадъ ми *Земруда* умре, шако е *Фадлалла*
жишіе свое свершивао — круну предамъ о-
пешъ спрыцу, узмемъ доста блага, опидемъ
у Мекку, и поклонимъ се гробу Пророко-
вомъ, а одшудъ овамо у Гаікъ дођемъ, гдѣ
пугуюћи за *Земрудомъ* моіомъ, ево већ бли-
зу 40. година као просшъ грађанинъ живимъ.

По свершешку приновѣдке ше легну сви
спавати, а сутра данъ чимъ сване спреме се
на врапъ на носъ бѣгуицы нашіи на пупъ, и
прешавши преко Иршіна, допру за иѿколико
дана да *Берласки Татара*. Ту е *Калафъ* ми-
лостыню просію, на надницу излазію, и шако
родителѣ свое раію. Еданъ данъ надницу
изышавши да спражи, ухваши случайно изгу-
блѣногъ сокола, кой *Кану Берласкомъ Алин-
кверу*, принадлежаваше, за кое га Канъ по
исканю иѿговомъ съ при милосни обдари:
опцу му и машери новъ шапоруъ близу свога
начини, и обрече се раниши ій и одѣвати до-
кле годъ живе; иѿму пакъ даде коня и мачъ
дѣвне лѣпосте, и іошшъ къ шоме весма лѣпо

одѣло, и кесу пуну новаца. Видѣвши *Каларѣ* родишелѣ свое да су на безбѣдномъ мѣ-
 спу и да имъ ништа не оскудѣва, замоли іѣ,
 ше га опусте, да пуше у *Хіну*, ерь у
 сердцу свомъ чувствоваше, да га тамо вели-
 ка нѣка среѣа чека. Родиселѣи му допусте,
 онъ среѣно у *Пекинѣ*, градъ пресполный
Хіне, доѣе, и за преноѣ баку єдиу замоли,
 коя га прійми, и на различна му пышаня и
 шо рекне: да є *Хінезскій* краль *Алтунѣ* —
Канѣ изряданѣ кнезь, кой подданике свое,
 као дѣцу свою любви, а ови опешѣ нѣга лю-
 бе, као дѣца опца свога. Но, спокойсшво
 му живоша — тако продужи спарица далѣ —
 нарушава единица кѣи нѣгова, *Принцеца Ту-*
рандота, кое обчиняваюѣу лѣпоту найвештїи
 у ишоку живописцы ни су моѣни по досто-
 янїю у живописи предспавиши. Духа є пакъ
 тако изображеногъ, да не само све, што се
 за кнегиню єдиу прїшои, зна, него є іошшѣ
 научена и многимъ спраннымъ єзыцыма, зна
 численицу, землѣмѣрїє, землѣописанїє, нау-
 ку мудролюбїя, и правдословія, чїшала є при-
 шомъ законе, и нравспвеницу законодавца
 нашегъ *Берингхуціна*. Садѣ іѣ є 19. година,
 но поболѣла є се была плакаюѣи и шужеѣи,
 што є опаць за наслѣдника краля *Өібешскогъ*
 хшѣде удаши. Лѣкари, узрокъ болѣшице
 дознавши, кралю яве, да ѣе му кѣи умрети,
 ако речь свою на прагъ не узме. Краль лю-
 беѣи є сувыше нѣжно, не само, да просїѣца
 овогъ опбїє, него іѣ се іошшѣ са закле-
 швомъ обвеже, да ѣе по вољи нѣной дѣло-

ме народу свомъ обзнанити, да Принцеца само онога Принца за мужа узети хоће, кой іой буде знао на упыте нѣне предъ законцыма исправно опговорити, кой пакъ по не бы знао, а усудіо бы се просити є, да є рада, да му се глава у дворишшу палапе опсѣче. Веѣ су многіи спранни Принцеви, намамлѣни гласомъ лѣпоше нѣне у Пекинѣ дошли, и главе свое оставили. Као млади люди, кои обычно само добро о себи и разуму своме мысле, усудили су се были предъ Принцецу изыѣти, да іой на пышаня опговараю, но надежда ій у помъ превари: Ешо овай часъ звона звоне, и она шруба, кою чуешъ, нишша друго не значи, него да нѣкогъ Принца таковогъ на губыште вуку. То є, као што чуемъ, *Принцъ Самаркандскій*. Вече є было и *Калафъ* похити шаки у дворъ краљвъ, да самъ собомъ види, и заиста, реченый Принцъ погублѣнъ бѣше. *Калафъ* случайно живопись Пр. Турандоше у шай махъ одъ нѣкогъ добывшій, неушолиму желю у себи осѣши, да покуша самъ на Принцезине уныше опговорити. Врашивши се домащицы, опкрые іой намѣру свою, коя га приклиняши почне да по не чини, но *Калафъ* сутра данъ опиде у дворъ, и прошавши крозь много сога, доѣе у саалу гдѣ *Алшун-Канъ*, сѣдеки на престолу, подданике свое саслушаваше. Краль, чимъ га снази, пошлѣ шаки, видѣки га да є спраноземацъ, Мандарина къ нѣму, кой му рекне: Краль жели чушишко си; и шша ѣешъ. А *Калафъ* му опговори: Яви краљу Господару швome, да самъ я Кральвиѣ, и єдинацъ у опца, и да му желимъ зепъ быши.

Алшун-Канъ опговоръ Принцевъ саслушавши и пр.

П Р І Н Ц Ъ К А Л А Ф Ъ

И

ТУРАНДОТА, ПРИНЦЕЗА ХИНЕЗСКА.

(Продолженіе *)

Алтун-Канъ отговоръ Принцевъ саслушавши, промѣни бою; на кралѣвско му се лице смершна блѣдоспъ навуче; таки прекине Аудіенцію; оппусти савъ Народъ куѣи, сиѣе се съ Прела и приближи къ *Калафу*. Продерзльивый юноша, рекне му, знашъ ли ты за ону заповѣспъ мою, и за нещаснѣ судбу свію оны, кои су упорно при томъ оспаяли, кѣеръ мою, *Турандоту*, да задобыю?

Знамъ Господару, отговори Сынъ *Тимуршашевъ*, познаемъ цѣлу обширноспъ опасноспи, у кою се ставлямъ; очи су ми свѣдокъ быле погубленія Принца *Самаркандскогъ*, но ужасна свію тій Принцева смерпъ, кои су себи са суешнымъ изумленіемъ лѣпу

1

Ту-

*) Почешакъ приповѣдке ове прадставлѣнъ є украшко.

Турандошу заслужиши ласкали, дражи само желю мою све выше, да се достоянь при-
 сяжанія нѣногъ покажемъ.

Какво бѣснило, возрази Краль, — шекъ
 што е Принць еданъ у цвѣту свои година
 живошъ изгубіо, а ево веѣь другога, да ис-
 то щасшіе искуси, — чини се, као да они
 нѣко увеселеніе у пожертвованію своме на-
 ходе, — о! да жалостна заслѣплѣнія: Доѣи
 къ себи Кралѣвићу, не буди тако разсып-
 ливъ съ крвлю сердца швога; казати ти мо-
 рамъ, да си ми ты выше соболѣзнованія улыю,
 нежели сви твои предшественицы, у серд-
 цу момъ осѣхамъ, да се яка къ теби на-
 клоность пораѣа, и свашта бы съ драгомъ
 вольомъ учинію, само да те одъ пропасши
 спасемъ; молимъ те иди, врапи се у Дер-
 жаву опца швога; не задаи му смертне те
 ране, да му гласъ доѣе, да Единца свогъ
 выше видѣш' не ѣе.

Господару, рекне Калафъ, сладко се ве-
 селимъ, што изъ собствены величества
 твогъ уста чуемъ, да самъ шако среѣашъ,
 и теби се допадамъ. Одшудъ среѣно пред-
 возвѣщаніе изводимъ. Може быши да е Не-
 бо, пронушо спраданіяма, коя Принцезина
 лѣпота причинява, наумило мене употребити,
 да имъ предѣль положимъ, и сошимъ
 да живошу твоме покой обезбѣдимъ, покой,
 кой се привужденіемъ дѣла чиниши, коя ти
 су неповольна, узмуѣе. А знашъ ли ты
 веѣь, хоѣу ли я на упыте, кои ми се пред-
 ложе

ложе рѣво опговориши? или какву ти извѣспность имашь, да ѣу я морати умрети? — што други тамный Турандошине бесѣде смыслъ изслѣдиши не могоше, зарь е не возможно, да и я у нѣга проникнемъ? — Не, Господару, примѣрь ньювъ не ѣе ме побудиши, да се чести, зешомъ швоимъ названъ быши, опкажемъ.

О несреѣный Принцу, опговори Алшун-Кань, дубоко, смуѣень; живошь ти е швой шегопанъ. Сви любовницы, кои пре тебе овамо доѣоше, да на проклете вопросе кѣери мое опговараю, тако су исто говорили; сви се надаше, шайный смыслъ докучиши, а ни еданъ не бяше у соспоянїю. — Ахъ! и ны ѣешъ жертва быши самоповѣренїя швога, — іошть ше еданпушь молимъ, сыне мой, буди увѣренъ, да те избавиши желимъ; не уничпожавай своемыслиемъ швоимъ добро мое миѣнїе. Ма колико мудрости имао, не уздай се, — ты се варашь, да ѣешъ шаки на упыше Принцезине опговориши моѣи, но знай, да ти ни поль чепверци часа дозволѣно быши не ѣе на размышленїе, — тако законъ гласи. Ако онай махъ правый опговоръ не дашь, кой одъ Доктора, као у шоме послу Судїя, одобренъ не буде, шо ѣешъ као смерти заслужанъ проглашенъ, слѣдуюѣу ноѣ на губишше повученъ быши. Кралѣвичу! удали се, па разсуди, шта си наумїо чиниши; съ мудрымъ се людма посо-
 1 * вѣшуй;

вѣшуй, размысли се и самъ о томѣ, и доѣди супра, да ми рѣшеніе свое явишь.

То рекши, остави Принца, кой се весма смуѣненъ изъ Палате крене, ерь іошпъ до супра у юшпу чекаши мораде. Кралѣва бесѣда ни найманѣ га у намѣри нѣговой поколебала не быше; онъ доѣе къ Домаѣицы своей безъ да е се и найманѣ одъ опасосши, у кою се спавиши хотяше, уплаціо быо. Къ Баки дошавши приповѣди іой, шта е се у Двору збыло; а она онда іошпъ еданпушь све свое краснорѣчіе упошребил, да га одъ намѣре опвраши; но ново покушеніе по онако іой среѣно за рукомъ изыѣе, као и сва преѣшанія, и будуѣи, да іой се чиняше, да она съ шимъ само веѣма младогъ госпа свогъ распалюе, и у намѣри нѣговой веѣма га ушверѣуе, уѣуши найпослѣ сасвимъ.

Супра данъ опиде Калафъ опешъ у Дворъ кралѣвъ, и заише, да га Алшун — Кану прияве, кой га у найудалѣніой горњицы дочека, ерь нехшѣде, да при разговорѣ нѣномъ свѣдока каквогъ буде.

Дакле, Принцу мой, проговори Краль Хінезскій, ил' да се радуемъ, ишо ше данасъ видимъ, или да се смушимъ, — де рецы, съ каквымъ си ми намышляемъ дошао?

Господару, опговори Калафъ, я самъ іошпъ при оной желѣи, коя ме е юче оживлявала. — Іошпъ кадъ самъ первый пушь предъ шебе изынао, све самъ веѣе разсудіо быо, и іошпъ самъ непрестано намѣранъ,
ону

ону испу смершь оперпити, кою су мои соревнъивцы искусили; ако Небо съ моіомъ судьбомъ иначе уредило ни є.

При шимъ речма груне се Краль у груди, раздере Кафшанъ свой, и чупаши почне браду. О, како самъ несреѣанъ, выкне, што се у мени къ младиѣу овомъ такова наклоносшь породе, — смершь свію оспалы ни є ме тако яко возбуждавала, као само помышляй, да и тебе она испа судба чека! — Ахъ, сыне мой, продужи Алшун — Канъ далѣ, загерльвивши га съ потокомъ суза, предай се шуги моіой, ако су ми доказа-шельсхва слаба, и немогу сердце да ти дирну! Осѣхамъ, да ће онай испый ударъ, кой ће ти главу, одъ трупине расшавиши, сердцу моме смершну рану задаши! Прикли-нѣмъ те, одрецы се припяжанія свирѣпе кѣри мое; ты ћешъ у Свѣту шысуѣу други Принцеца наѣи, кое ћеду у сосшоянію быши, заслуге швое припознаши; а што си упоранъ, и не оканешъ се просиши нечовека, когъ задобыши не ћешъ. Оспани, ако ти є воля у Двору моме; буди первый по мени у Царшву; найлѣпше робкиѣ некъ су швое; свако избыліє некъ ши живошь краси, накрашко, я ћу те као Сына могъ сма-траши, само се окани побѣде Турандошине, да се срадуемъ, да самъ крвожедной кѣри моіой едну поне жершву одшергао.

Сынъ се Тімуршашевъ весма обрадує збогъ пріятельсхва, и соучасшія, кое му

Ал-

Алпун — Канъ указываше, ал' опетъ му на то опговори; Господару, допусши, да покушамъ опасность, одъ кое ме задержати желишь. Што е она веѣа: то ми е нужднѣе покушати ю; да, іошпъ ти и то признапи морамъ, да се и сама Принцезина свирѣпость пошайно Любви моіой улагуе, и велико ми е веселѣ, што мыслимъ, да самъ може быши я еданъ измеѣу смершны, за когъ е среѣа ша задержана, да надъ гордомъ Принцезомъ шомъ побѣду одержи. — Именомъ ше Неба заклинѣмъ, не прошивослови плану далѣ, по комъ да се управлямъ, и слава ме, и среѣа живоша мога позыва; ерѣ безъ Турандоше живипи не могу.

Видѣши Краль, да е Калафъ непоколебимъ, све се веѣма збогъ того смуши. Ахъ, превеѣ дерзкій юноша, рекне му, пропасть ти е извѣсна, ерѣ се гинуши за кѣрю моіомъ не ѣешъ да манешъ. Небо ми е свѣдокъ, да ништа пропустио нисамъ, да быши намешъ само преокренуо. Ты совѣше мое опбацуешъ, и волешъ се жертвовати, ижели ме послушати; не ѣемо дакле выше о томъ говорити; скорымъ ѣешъ ши награду лудогъ посшоянства швога пріймити. Дозволявамъ, да предузмешъ на опыте Турандошине опговарати; но опетъ пре того морамъ ши ону почестъ указати, коя по обычаю Царства мога свакомъ спранномъ Принцу, кой доѣе да союзъ самномъ попражи, присшои. —

Съ шимъ речма зовне Поглавицу первогъ Еунухскогъ Кора, заповѣди му Калафа у Палату *) наслѣдногъ Принца опвеспи, и двѣспа му Еунуха на послугу даши.

Текъ шшо Принць Ногаіски Татара у Палату приспѣ, епо ши найопимѣниіи Мандаріна, доѣу да га поздраве, шо еспѣ, клекувши на едно колѣно и главу до землѣ сагнувши, еданъ за другимъ говораше: Кралѣвиѣу, ево свагдашиѣгъ слуге сіяшелногъ колѣна швога, дошао е, да ши по приспшойности почитаніе свое укаже. Онда поуспаю сви, даду му поклоне, и удале се опепѣ.

Меѣу шимъ заповѣди Краль, чувствуюѣи, да га е Сынѣ Тімурташевѣ, когъ е сожалѣвао, сасвимъ обузео, да му наймудріегъ, или поне найславніегъ Профессора (Наспавника) кралѣвскогъ Коллегіума (учебногъ заведенія) свогъ зову, комъ овако рекше: Учишелю, новѣ еданъ Принць дошао е овамо, да кѣерь мою за супругу иште; я самъ свашта упошребію, да га заплашимъ, но ни самъ у спаню быю; желію бы дакле, да га шы краснорѣчіемъ швоимъ одъ намѣре нѣгове опвратишь; шога самъ ше ради овамо дозвоао.

На-

*) Палаше кралѣва Хінезски сазыдане су у различнымъ опдѣленіяма, и будуѣи, да Алтун - Канѣ никаква Сына не имаде, у часпи оной двора, коя е за Наслѣдника опредѣлѣна была, нишко не обышаваше.

Наспавникъ краля послуша, опиде къ *Калафу*, и позадуго се съ нѣмъ у разгово-
ру задержи; враши се попомъ къ кралю, и
рекне му: Господару, ни е могуће младогъ
Принца шогъ наговориши. Онъ само жели
Принцезу заслужиши, или умреши. Кадъ веѣъ
видимъ, да ми е суешна надежда посшоян-
сшво му побѣдиши, будемъ іошпъ пышлю-
бивъ дознаши, осланя л' се упорсшво нѣгово
на шшо друго, него на Любовь; почнемъ дакле
съ нѣмъ о различнѣйшимъ предметима го-
вориши, и наѣмъ га тако научена, да самъ
се удывіо. Онъ е *Мухамеданацъ*, и види ми
се, да е са свима вѣре те предметима шочно
ушознашъ. Ако величсшву швومه право мнѣ-
ше мое казати морамъ: шо мыслимъ, да
ако е и кой Принцъ на упыше Принцезине
онговориши кадаръ, шо е заисша овай.

Ахъ Ушиселю, выкне краль, шы ме вос-
хищавашъ съ бесѣдомъ швоіомъ! о, да бы
се Небу допало, да ми *Калафъ* зешъ буде;
чимъ се первый пупъ взору моме указа, о-
сѣшю самъ, да самъ му преко мѣре наклоиъ.
Та моя наклоносшь часъ е по часъ распла,
и нишша тако яко не желимъ, него да среѣ-
нии буде одъ други, кои су пре нѣга кѣерь
ми просили.

Добрый *Краль Хине* незадоволяиъ съ
шимъ, шшо е найболю желю свою Принцу
поднео, покуша іошпъ и Духове, кои Не-
бу, Сушцу и Мѣсецу предшое; придобы-
ши. Заповѣди, да се явне молишве чишаю,

и у Храмовима торжествене жертве прине-
 су; припомъ іошть нареди, те се Небу
 єданъ воль, Сунцу єдна коза, а Мѣсецу єдно
 свинче заколѣ. Попомъ заповѣди у Пекінгу
 явно прогласити, до обштинне рукодѣлаца
 свешковине держе, у помъ смотрѣнію, да
 Принць, кой кралѣву кѣерь проси, среѣанъ
 буде, и ню задобыє.

Послѣ молитвѣй и жертвѣй пошлѣ *Краль
 Хінезскій* Канцлера свога къ Принцу, те му
 яви, да приправанъ буде слѣдуюћій данъ на
 упыше Принцезине отговараши. Припомъ яве
 му и то, да ѣе у Діванъ отведенъ быши, и
 да су Особе, кое ѣеду дружство шо сочи-
 ваши, веѣь заповѣспѣ пріймиле, шамо у о-
 предѣлѣный часъ доѣи.

Колико є *Калафѣ* рѣшимъ быю, дѣло
 шо чудно издержати: ал' опешь безъ немира
 ноѣь не проведе: часъ биспромъ остроумію
 своме повѣраваюѣи, надаше се среѣномъ дѣ-
 ла исходу; часъ опешь повѣреніє шо изгуби,
 и предсшави себи срамошу, ако Діванъ оп-
 говоре иѣгове отбацы. Често припомъ мы-
 сляше о Елмацы и Тімурташу, ахъ! узда-
 нувши, говораше, ако умремъ, шша ѣе ми
 съ Ошцемъ и Матеромъ быши?

Данъ га у збунѣнымъ чувспівованіама
 шимъ запече. Звукъ звона, союженъ съ ве-
 ликомъ лупомъ бубиѣва внимателность му
 присегне; онъ себи вменяваше, да іно бѣва,
 да се Совѣшницы сазову, и мысль свою воз-
 выси къ Мухамеду. Ахъ, великій Пророче,
 рек-

рекне, ты станѣ, у комъ се налазимъ, видишь; ты духъ мой познаешь, научи ме, хоѣу л' предъ Диванъ изыѣи, или къ кралю опиѣи, и казати му, да ме опасность заплашава?

Єдва што ше речи изговори, а веѣь осѣпи, како му све спаранѣ нѣгово изчезну, и дерзкостъ му се обнови; усшане дакле и обуче Кафтанъ и япунже одъ ружичнорумене свиле са златны цвѣшовы, кое му є *Алтунѣ* — *Канѣ*, заедно съ цыпелама и чарапама одъ плавешне свиле послао быо.

Кадъ се обуче доѣу шестъ *Мандарина* у дугимъ и широкимъ одъ *Кармажин* — црвена сукна хальинама у собу нѣгову, и почемъ га и ови, као они юче, поздраве, рекну му, да ѣй є Краль послао, да га у Диванъ опведе. *Калафѣ* поѣе за нѣима. Идуѣи преко Двора крозь двоспрукій редъ войника, доѣу у єдну Саалу, гдѣ выше одъ тысуѣ пѣвача и свираца наѣу, кои сви скуца у своя орудія свираху, и особышый шумъ причиняваху. Одшудъ напредъ у саалу другу поѣу, у коіой Великій Совѣшь собранъ бѣше, и коя се са внутрєньостію палаше союжаваше.

Сєе особе, кое су при торжеству шоме нуждне быле, сѣѣаху веѣь подъ небама одъ различне бое, коя су у округъ око Саале у нѣкомъ узвышенію понамѣшмана была. Найопмѣнїи *Мандарини* посаде се на єдну спрану; на другой спрамъ нѣи сѣѣаше *Канцлеръ*
съ

съ Профессоры Кралѣвскогъ Коллегіума, и съ многи Докторы, кои мудроспѣ припознаша быше. На средѣ саале уздигнуша бяху два Престола на сребрномъ подножію. Принцъ се укаже, и цѣло га опшѣно и учено собраніе то са свима высокопочитанія знацыма поздравилъ, безъ да єдне рѣчце проговори, єрь свакій одъ нѣи, очекиваюћи да краль дође, дубоко молчаніе наблюдаваше.

Сунце се башъ раѣаше; чимъ перви величественогъ свѣшила шогъ зрацы на землю падоше, отворе два Еунуха са обѣ стране завѣсе на вращима, коя у внутрѣнності палате воѣаху, и шаки за шимъ Краль, а за нѣимъ Принцеца изъ нѣи изыѣу. Турандота носяше одъ лѣпе са златомъ прешкане свиле хальину, и покрывало одъ исте матеріе закланяше іой лице. Нѣи се обое попну преко петь сребрны степеній на свое престоле, и почемъ посѣдаю, укажу се двѣ младе верло лѣпе дѣвойке, ошъ кои єдна са Кралѣе, а друга са Турандотине стране узъ Престоль спану. Обѣ су быле робкинѣ изъ Алпун — Кановогъ Сераіла; груди имъ бяху откывене, а у ушима имаше велике бисерне ободце. Свака одъ нѣи держаше у руцы перо и папура, и приправна быше оно написати, што іой Краль заповѣди. Сви присушствуюћи при улазку кральвомъ поустаю са свои сѣдишта, и остану шако съ благоприсстойноспю и полузатворенымъ очима споећи. Самъ Калафъ очима

ма звѣраше, или шша выше, онъ само Принцезу гледаше, и нѣномъ се царскомъ спасу дывяше.

Кадъ Краль Мандаринима и Докторима сѣсти заповѣди, клекне еданъ одъ оны шесть, шшо *Калафа* допрашише, и съ нѣимъ одъ прилике пепнайствъ коракляи предъ Преспотима спояше, на едно колѣно, и прочиша нѣко Писмо, у комъ се исканѣ спранногъ Принца Принцезу *Турандоту* за жену содержаваше. Попомъ устане, и рекне *Калафу* да Краля съ пры поклона поздрави, когъ *Принцъ Ногайски Татара* съ тако великомъ благоприспойностю учини, да се *Алтун* — *Канъ* задержати не могаше, да му се не осмѣне, за знакъ, съ каквомъ га милиномъ гледи. Садъ се Канцлеръ са сѣдишша свогъ дигне, и прочиша скорбну ону заповѣствъ, коя све продерзльиве Просіоце, кои на упыте Принцезине сходно ошговориши не знаю, на смерть осуѣиваше; попомъ се окрене къ *Калафу*, и рекне му: Кральвиѣу, садъ си башъ чуо, подъ каквымъ само условіемъ Принцезину руку добавиши можешъ; ако представленіе опасности впечатлѣніе какво у души пвоіой чини, шо ти є іошть свободно ошступиши.

Не чини, ошговори *Сынъ Тимурташевъ*; награда, коя се овдѣ задобыши може лѣпша є, нежели да се нѣ малодушно манемъ.

Краль *Калафа* справна видѣши, да на упыте *Турандотине* ошговара, окренувши

се къ Принцези рекне іой: кѣри моя, на тебе є редъ да говоришь, предложи дакле младомъ Кралѣвиѣу овомъ упыше, кое си за цѣга измыслила. О, кадь бы дуси, коима смо юче жертве прицели, благоволи, да онъ смыслъ бесѣде швое докучи.

Пророкъ ми є Якмунъ Свидѣшель, опговори Турандоша, да ми є весма жао гледаши, гдѣ толикіи Принцеви умираю. Али, зашто су шако упорни, и не попушѣаю, него башъ хоѣду, да я нѣова будемъ? зашто ме не оставе, да мирно у Палати моіой живимъ, не докучаваюѣи се свободе мое? Знай дакле, дерзкій шы Юшоша, продужи она далѣ, окренувши се къ Калафу, даши ни є свободно што му драго пребацыши ми, ако и шы будешъ морао, као и швои соревнѣивцы грозну смертъ оперпиши; ты си самъ пропасши швое узрокъ, ерь я не ишшемъ, да ме шы просишь.

Лѣпа Принцезо, опговори *Принцъ Ногайски Татара*, све то я знамъ, што ми годъ хоѣшь да кажешъ; но предложи ми само, ако ти є воля, упыше швое, а я ѣу се потрудиши нѣовъ смысао да погодимъ.

Некъ є шако, рекне на то *Принцеза*, и продужи бесѣду свою далѣ, уздигнувши се на прешолу своме, шоржеспвенымъ гласомъ овако:

Дрво оно, на комъ смертна дѣца
Цвѣшь свой губе, к' шомъ спаро є зѣло;
Но

Но ниши' запо, све се подмлађуе
 И са єдне само увѣкъ спране,
 Листье свое къ свѣшилѹ окреће,
 А друга є у то доба шамна,
 Кано углѣнь, ниши види сунца,
 Одеблява, кадь годь цвѣшь понесе,
 И човеку показуе вѣке
 Свию шварій. У зеленой кори
 Тогь дрвета удублява с' лагко
 Име какво, ал' га ни є наѣи,
 Чимь с' осуши кора и поблѣди.
 Кажи дакле, можешь докучиши,
 Шна овоме дрвету приличи?

Пресреѣань є, лѣпа Краљицо, робь
 швой, отговори *Калафѣ*, ако га друга каква
 шамнїя загонешка не чека. Сшаро дрво шо,
 кое се непресшано понавля; на комь родь
 человеческїй распи и прецвѣшава, и когь ли-
 стье са єдне спране сунце шражи, а съ друге
 одь нѣга бѣжи — єсть година, са своимь
 днима и ноѣима.

Онъ има право, повычу Докшори, —
 шо є година.

„Познаешь ли, —
 Започне *Прїнцеза*, по другїй путь на пре-
 сполу усшавши:

„Познаешь ли ты ікону на споду нѣжиноме,
 Коя сама себи свѣшлосшь, и блишанѣ дає,
 Свакїй часакь другчїя є, а свѣжа є свагда,
 Свѣжа свагда, слушай добро, и іош' ко том'
 цѣла,

У простору сасвимъ шѣсномъ спои уздигну-
ша,

Околиномъ весма маломъ еспіе опасана;
Но сва кол'ка величина, коя т' возбуждава,
Чрезъ шу само іконицу теби е позната. —

И можешъ ли ты іошпъ мени казаш' саде за
Крісталлъ,

Комъ у цѣни ни е раванъ драгій каменъ ни
еданъ,

И кой свѣшли, а свѣплоспъ му ни е ни
кадъ ожегла;

Цѣлу Крісталлъ шай вселену посисава у себе,
Само небо у нѣговомъ кругу пуномъ дывоше
Красно бива ображено, и зраке су ко шомъ
све,

Што изпушѣа често лѣпше, нежел' што е
прійміо? —

Нѣжна ікона та, опшѣща Принць, на
коіой се у найманѣмъ кругу Неизмѣримоспъ
представля; и онай Крісталлъ, у комъ се
ікона та изображава, естѣ Око, — швое око
еспъ, кое іошпъ красніе зраке одъ себе вра-
ѣа, него што е пріймило, кадъ ме съ люб-
вомъ погледа.

Доктори су подскакивали одъ радости о-
добраваюѣи му опговоръ, — но *Турандота*
познавши, да е побѣда надъ *Калафомъ* не
ѣе тако лагко, као надъ предшественицы-
ма нѣговыма снаши, весма се смуши, и за-
ключи, никаква средспва не поштедиши, са-
мо да га сащре. Подигне се дакле по шреѣій
пушъ, и рекне: Ка-

„Како е' она сиварь называ,
 Мало людій, што — и цѣни,
 Но нишш' зато, она краля
 Краси руку найвећегъ,
 Вредъ, да чини направлѣна,
 Найсроднїя съ мачемъ е,
 Крви нигда не пролива
 Опетъ чини чудеса,
 Ограбила ни е ни когъ
 А богапспва дае свимъ,
 Свѣпъ е ссобомъ савладала
 Живошъ чини раванъ, шихъ,
 Темель Царспвам' найвећима
 Она еспъ положила,
 Найстаріе и градове
 Сама она зыдала;
 Но нигд' рата ни е она,
 Вѣруй мени зажегла,
 Свакомъ благо буд' Народу,
 Повѣрава кой се ньой.

Незадовольна сошимъ, што му е
 последню ту загонешку предложила, скине
 іошшъ, да га са свимъ збуни покрывало до-
 ле, и покаже собранію сву лѣпошу лица свогъ
 спыдомъ іошшъ и люпиномъ узвышену. Гла-
 ва іой е была съ природнымъ цвѣтемъ посве-
 вешно украшена, а очи іой ясніе одъ звѣзда
 свѣшляху; она шаколѣпа бѣше, као сунце, кадъ
 са свомъ своіомъ свѣплосшю крозь гуспѣ
 какавъ облакъ продре. При смопрѣнїю несрав-
 ниме лѣпоше ше, Калафъ умѣсно да на во-
 просъ

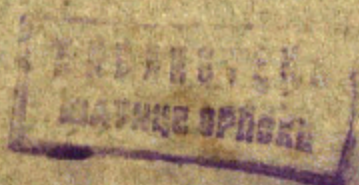
прось ошговара, занѣми, и буде недвижимъ. Онай часъ у цѣо Диванъ, кой велико съ Принцемъ соучастіе имаѣше, страхъ уѣе, и самъ Краль преблѣди мыслеѣи, да и овай веѣъ пропаде.

Но Калафъ се изъ забуне повраши, у кою га смолрѣніе Турандошине лѣпоте поставило бяше, и ублажи собраніе речъ свою починаюѣи овако: Опрости лѣпа Принцезо, што самъ едно пренуѣе занѣміо быо. Я самъ мысліо, да ми е предъ очима едно одъ оны небесны сущесшва, коя су найлѣпшій украшай мѣспа, Правовѣрныма по смерпи обреченогъ. Ни е ми заиспа можно было, толику лѣпосту видѣши, да се не забунимъ. Буди дакле добра, и де, повтори онай мало часъ мени предложеный вопросъ. Я га се выше не опоминѣмъ. Лице е швое учинило, ше самъ све заборавіо.

Турандоша вопросъ свой повтори, а Калафъ іой ошговори: Принцезо, сшварь она, кою мало ныи уважава, кою нишпа манѣ краль Хінезскій свакій первый данъ у години чести удостои, орудіе, не толико вредишело, колико кровь пролываюѣій мачъ, — и кое е цѣлу землю савладало — ешъ плугъ.

Ясно одобрение загерми у Дивану. Мандаріни, и Доктори обяве, да е ошговоръ правъ, и преиспуне Принца похвалама.

Садъ се Алшун — Канъ са Престола свогъ подигне. Кѣери моя рекне Турандоши, признай,

знай, да си побѣдена, опважи се, ше руку побѣдителю твоему пружи. Сви други не бяху у спаню на еданъ единый поне вопросъ твой отговориши, а овай имъ, као што видишь свима смисао погоди.

Юшть онъ побѣде надамномъ одержавши е, отговори Принцеа покрывши се покрываломъ, да забуну свою, и сузу, коею нехопице изъ лѣпы очю печеху, сакрые. Юшть ъу му я друге упыте предложиши, да ми сутра на нѣи отговори.

Того быши не ѣе, рекне Краль — не ѣу я дозволиши, да ты нѣга безъ престанце запышкнешь, едино, што ѣу ти дозволиши, естъ, да му у овай махъ юшть еданъ вопросъ предложишь.

Принцеа то отбѣе, ерь као што говораше, къ тому приправна не баше, него приклиняше Отца свога, да юю допущенѣ не опрече, сутрашний данъ нове Принцу вопросе предложиши.

Нигда ти я выше того дозволиши не ѣу, рекне юю люпито *Краль Хинезскій*. Ты си наумила Принцевоме остроумию замке меѣати, а мое е найвеѣе старанѣ опдавна веѣь было, мерзку ону заклетву разрѣшиши, кою погазиши слабъ самъ доспа быю. Ха, Свирѣпа, ты за крвлю жеднишь, и смерть ти е твоеи просюца наймиліе позоріе, краљица пакъ, мами твоя, умерла е одъ шуге, гледаюѣи перво ужаса позоріе, и ощущаваюѣи нещасіе, што е тако свирѣпо дѣше на свѣпъ
роди-

родила. Я самъ (та шо ти ни є непознано) я самъ, пао самъ быо у мушно шежкосердіє, одъ кадъ самъ несреѣна слѣдствія доброте мое, што се исполненія желѣ твое тиче искусію. Благодареніє буди дусима, кои небомъ владаю, сунцу и месецу, коима жершве и молишве мое благопріятне бяху,— у Палати моіой не ће выше губышта подигнути се, коє є и твое и мое име свѣшу гнусно учинило. Принць овай добро є на упыте, коє си му предложила, опговорію, и я садъ цѣло ово Собраніє пышамъ, „ни є ли праведно, да ши онъ супругъ буде?“ —

На шо се међу Докторы и Мандаріны ясанъ незадовольства жуборъ дигне, и *Колмо* предузме речъ, говореѣи Кралю овако: Господару, величество твое ни є выше обвезано ономъ заклетвомъ, кою си одъ себе дао, заповѣсть ону свирѣцу испунявати; редъ є садъ на Принцезу дошао, да она речъ свою одержи; обрєкла є сирѣчь ономе руку свою даши, кой буде на упыте нѣне точно опговориши знао; Принць є овай загонетке нѣне ко удовольствію цѣлога *Дівана* разрѣшио: она дакле речи своіой вѣрна мора оспати, ерь є иначе безсумнѣно Дуси, кои надъ вѣроломствомъ стражу чуваю, казниши не ћеду закосниши.

Турандота ни рєце не говореѣи, оборила бѣше главу на колѣно, и чиняше се найсвирѣпіє смуѣна быши.

Калафъ шо смотри, падне предъ *Алшуи-Кана* и выкне: Великій Кралю, когъ прав-

да и доброта Царство Хінезско славно дичи, іошпъ єдну милоспъ имамъ одъ тебе да измолимъ. — Я веѣь видимъ, да є Принцеца у очаяніє пала, што самъ среѣанъ быо и смысао упыша нѣны погодіо, а много бы іой миліє было, да самъ и я смершь заслужіо. Будуѣи дакле, да се она толико одъ мужкараца ребри, и да се и поредъ задаше речи успручава моя быти: по ѣу се я свію права надъ нѣомъ задобыены опреѣи, ал' подъ шимъ условіємъ, да она мени на єданъ само вопросъ, кой ѣу іой предложити, ошговори.

Цѣло се собраніє речма шимъ удыви. Да Принць полудіо ни є? запышкиваше єдандругога, кадъ се усуѣує оно на коцку меѣати, што є са опасносшію живота свога задобью? — ил' се може быти нада, да ѣе такову загонешку измыслиши, кою оспроуміє Турандотино не ѣе моѣи разрѣшити — онъ є заиспа морао паметь изгубити. — И Краль се исканю помъ весма зачуди и рекне: Кралѣвиѣу, еда си добро измѣріо речи те, што ти се садъ изъ уста измакоше? — Єсамъ Господару, ошговори *Принцъ Ногаіски Татара*, и заклинѣмъ те, да ми милоспъ шу не опречешъ.

Не ѣу, ошговори Краль, но произышло одшудъ шта му драго, я само являмъ, да є заклетва моя разрѣшена, и да ошсадъ ни каквогъ Принца не ѣу даши погубити.

Онда се сынъ Тімурташевъ *Турандоти* окрене и рекне іой: Лѣпа моя, ты си бесѣду мою чула и премда по суду мудрогъ собранія

ОВОГЪ

овогъ рука швоя мени принадлежи, ништа
манѣ, я ти свободу швою повраќамъ и тебе
се отпрычемъ — шта выше я оѣу велике ша-
кове драгоцѣносши да немамъ, ако ты у
спаню будешъ на вопросъ, кой ѣу ти пред-
ставити, правично отговориши; но и ты се
заклещи морашъ, да ѣешъ добровольно, ако
ти шо не возможно буде, щаспїе мое люб-
вомъ швоіомъ наградиши.

Хоѣу Кнеже, отговори *Турандота*, я на
то пристаємъ и свимъ ти се, што ми є най-
свещѣе, заклинѣмъ, и цѣлый овай соборъ за
свѣдока клеще мое узымамъ.

Цѣо Диванъ жельно очекиваше упышъ
Принцевъ, ниш' є душе какве у саали было,
коя му се не ругаше што се безъ нужде у о-
пасносшь: *Турандоту* на ново изгубиши, спа-
вля — нишко живый не одобраваше му шу
нѣгову продерзлвливосшь.

Лѣпа Принцезо, почне *Калафѣ*:

„Когъ порѣкла, и какво єсть име
Принцу ономъ кой принужденъ бѣше
Служиш' яданъ као робе сужный,
Да обдержи живопъ себи бѣданъ,
И іошпъ къ шоме пословат' мораде,
Терепъ носиш' за малену плапу;
А саде є на верх' свое жель,
Несреѣнїи ал' є, нежел' бѣше.“

Турандота мало промысли, па онда му
рекне: Невозможно ми є овай ма' на упышъ
швой отговориши, но я ти се обѣќавамъ да-
ѣу ши сушра име Принца шогъ казати.

Ни

Ни самъ я оплаганя искаю Принцецо, опговори іой *Калафъ*, а и неправо є, да ти га допустимъ, но опетъ, и шо ѣу ти дозволиши, надаюѣи се, да ѣешъ по шомъ съ доброшомъ моіомъ задовольна быти, ниши ѣешъ се вѣше затезати супруга ми быти.

Она треба, а и мора се опважиши, рекне *Алтун-Канъ*, ако на даный іой упытъ опговориши узнеможе, и некъ се не нада, да ѣе, ако се и болѣспна быти притвори одъ младоженѣ ушеѣи. Да ме заклетва моя не принуѣава последню іой милоспъ шу учиниши; шо бы волѣо видѣши да умире, нежели младогъ овогъ Кнеза опбити; а каквогъ бы любведоспойніегъ мужа она и кадъ нашла? Съ шимъ речма сиѣе са преспола, оппусти собраніе, и врати се у внутрєньостъ Палате са Принцецомъ, коя єдва чекаше у собу свою доѣи.

Чимъ Краль *Диванъ* распустити, соберу се сви Докшори и Мандаріни око Принца, и спану до неба возвысиваши похвалу опспроумія нѣговогъ. Я се дывимъ рекне єданъ, швоме исправномъ поняшю. — Нема рекне другій, заиспа, нема ни Баккалауреа, ни Лиценціата, да, ни самогъ Доктора, кой бы опспроуміи быо одъ тебе. Сви пре тебе овамо дошавшіи Принцеви далеко манѣ мудросши одъ тебе имаѣаху, и мы се сви побѣди швоіой радуємо. *Калафъ* на све спране посла имаѣаше, да свима, кои се око нѣга нагомилали бяху честитаюѣи му, благодари; на конаць га опетъ шеспъ оны Мандаріна, кои га у
Совѣ,

совѣта собраніе допрашили бяху у Палату напругъ отвѣду, а межу шимъ прочіи Доктори разыѣу се куѣи, но неспокойно, испышиваюѣи све єднако вопросъ, одъ Калафа *Турандоти* предложенъ.

Принцеца *Турандота*, кою двѣ найвѣрніе робкинѣ пратише, у собе свое дошавши сбацы покрывало съ лица свога, пружи се по Софи и преда се презѣльной своіой шуги. Спыдъ и люпина изражена іой на лицу бяху, очи іош' мокре одъ пошайны, у Дивану исплаканы яда, проливаху на ново пошокъ суза. Цвѣѣе, съ коимъ іой глава украшена баше, сачупа доле, и разбаруси лѣцу косу свою. Двѣ оне Любимице робкинѣ покушаю утѣшиши є, но она имъ рекне, да се бадава не шруде. Оставте ме, выкне, поштедите суєшногъ шруда вашегъ, я не ѣу ништа да чуемъ, осимъ гласа очаянія мога, ни какве я утѣхе не познаемъ, осимъ мои суза и смущенія мога. Ахъ, какво ли ѣе супра посрамлѣніе мое быти, ако у собранію найвѣѣи Хінезски Мудраца признапи узморамъ, да у спаню ни самъ наупышъ му опговориши. — Є ли шо она пыша ѣеду они поругателно, є ли шо она богатоумна *Принцеца*, што каже да све зна, и да є и найшежа загонешка за ню єдна лагкостъ? — Ахъ настави уздышуѣи далѣ, они сви соучасивую съ младымъ Принцемъ шимъ, видѣла самъ, како сви поблѣдише, и уплашише се, кадъ се сумняши чиняше, а свима очи отъ радости засіяше, чимъ смыслъ вопроса мога

пого-

погоди, — я ћу и не сносиму тугу доживѣти, да ћеду они сви играши одъ радости, кадъ признамъ, да самъ побѣђена. — Ахъ! да велике за мене жалости што самъ до погъ дошла, да они надъ срамнымъ моимъ признаніемъ пріумфіраю.

Владѣтельница моя, рекне іой на то една одъ Робкиня, умѣсто, што се іошпъ найпре мучишъ и срамоту, коя те очекуе на найужасніи начинъ себи представляшъ, ни е ли болѣ да о средствама мыслишъ, како ћешъ е одъ себе отвратиши? Е ли то, што ти е предложіо башъ тако тежко, да ты са свомъ памећу и остроуміемъ швоимъ, кое имашъ, не можешъ отгоненути?

Не могу отговори *Турандота*, то е спварь не возможна, еръ ме пыша:

Когъ порѣкла, и какво еспъ име
Прінцу ономъ, кой принуђенъ бѣше
Служит' яданъ као робе сужный,
Да обдержи животъ себи бѣданъ,
И іошпъ къ томе пословаш' мораде,
Терепъ носит' за малену плашу;
А саде е на верх' свое желѣ,
Несрећни ал' е, нежел' бѣше. “

Я знамъ да е онъ самъ Прінцъ тай, но я га не познаемъ, како ћу дакле казати, како му име и одъ когъ е рода?

И опетъ си владѣтельница моя, отговори Робкиня, у Дівану Прінцу обрѣкла, да ћешъ му га супра именовати, а еси л' се поне надала, да ћешъ обрицанѣ то испуниши моћи?

Ни

Ни чему се я надала ни самъ, рекне
Принцеца, я самъ само времена искала да ра-
діе одъ жалости скаплѣмъ, нег' што срамо-
шту мою признамъ и супруга Принцева быши
узморамъ.

То є насилно опваженіе, опговори Роб-
киня; добро я знамъ да мужа нема, кой бы
тебе достоянъ быо; но опенъ признапи мо-
рамо, да спранный овай Принць особыте даре
има; нѣгова бы лѣпопа, нѣгово благородно
поступянъ и нѣгова мудрость поне требала,
да ти га милымъ учини.

По правди ѣу о нѣму реѣи, пресѣче іой
Принцеца речъ, ако є кой Принць на свѣшу,
кой заслужує да га милымъ окомъ погледимъ,
то є заиста овай — да! признапи вамъ мо-
рамъ, пре нег' што самъ му упыте мое
предложила, сожалила самъ га и узданула самъ
уочивши га, и, што ми се нигда случило ни
е, мал' што ни самъ пожелила, да исправно
на упыте мое опговори. Истина, у онай самъ
махъ збогъ слабости мое поцрвенила была, но
гордосшь моя побѣду одержи, и остроумни
опговори нѣгови све ме веѣма прошиву нѣга
возбуде; а одобренія знацы свію присуписшву-
юѣи Докшора тако ме свирѣпо мучише, да
ништ' нѣга ради осѣѣала ни самъ, ниши осѣ-
ѣамъ, осимъ волненія найгорчіе мерзости.
Ахъ несреѣна *Турандото!* умри берже одъ
шпыда и люпине, што си младиѣа нашла,
кой те срамомъ облаже, и хоѣе да те на-
пера жена да му будешъ.

При

При речма шимъ грону іой сузе на ново;
у якої шуги своіой подере хальине, и выше
негъ єданпушь хпѣде лѣпе образе свое изгреб-
спи, и са шимъ дражеспи свое, као пра-
вѣй изрокъ спрадана свогъ наказати, но
Робкинѣ, чуваюћи є одъ бѣснила, задерже є,
и свашта употребе, да бурю сердца нѣна у-
шаложе, али всує. Принцеца нехпѣде ни речце
упѣшителне чуши и шысуѣкрасно призыва-
ше смершь, да є одъ посрамлѣнія освободи.—
Принцъ Ногаіски Татара пливаше међу шимъ
у милини и веселю, пушь восхищенія о изре-
ченію Дивана; онъ се сасвимъ преда надежди,
да ће сутра данъ любезницу свою добыши.

Краль изъ собранія саале у собе свое до-
шавши, пошлѣ по *Калафа*, да се съ нѣимъ
о догађаю дана шогъ разговара. Сынъ Тимур-
ташевѣ похипа на заповѣсть Монархову ша-
ки къ нѣму, и онъ га найнѣжніє загерльи
говорећи: Оди сыне мой, оди изчупай ме изъ
немира у комъ се налазимъ — я се боимъ
кѣи ће моя на заданый іой одъ шебе вопросъ
опговориши — зашто си се у опасность спа-
віо, да предмешъ любви швое опетъ изгу-
бишь?

Господару, опговори *Калафѣ*, не старай-
се, не возможно є, да ми она Принца шогъ
именує, єрь шо самъ я самъ, ниши ме ишко
у Двору швомъ познає.

Речи ме швое ублажаваю рекне Краль:
исповѣдамъ ти, верло самъ се забринуо быо,
єрь є *Турандота* весма оспроумна и духомъ
окре-

окрепна, па самъ се за тебе и задержкшо быо. Благодареніе небу, шы ми покой враѣашь, ерь ако и есть *Турандоти* сваку загонешку погодиши лагко, но заиспа ни коимъ начиномъ не ће она моћи име ти погодиши. Яше че ѣу выше продержзльивымъ называти и признаемъ, да е оно, што самъ я као несмотреностъ взырао, шекъ ново доказателство велике мудрости швое, кое си употребіо да свакій изговоръ кѣри моіой, руку ти свою опрѣи, одузмешь.

Онда се съ *Калафомъ* вопросу шомъ, кой е овай Принцези задао, насмѣе, и спреми се у довь изыѣи да се развесели. Обуче се у лагкъ узаный кафтанъ, спрпа браду у кесу одъ црне свиле, и заповѣди Мандаринима приправиши се, да за нымъ иду. Заповѣди припомъ и *Принцу Ногаіски Татару* ловачко одѣло даши, и почемъ у хитоспи нѣколико загогаи поеду, крену се изъ палате. Мандарини, сѣдеѣи на сѣдиштама одъ слонове кости са златомъ извезеныма и са богапымъ покрылавалама заспрымъ, иѣаху напредъ; свакогъ одъ нѣи носило е шесть людій; двойца ушла съ бычевы напредъ, а двойца за нѣи са сребрнымъ таблама у руцы, на кои са съ велики словы сва нѣова достоинства написана бяху. Нѣима е слѣдовао Краль и *Калафъ* у отвореной одъ црвена Санделдрвеша осіоницы, на коіой перво писмо Кралѣвогъ имена и многе фігуре и живошынѣ сребромъ коване бяху. Нѣи су носили 20 Оффіцыра.

Два

Др. мед. Корнел Радутовић

Фтизиолог

ПЕТРОВГРАД, Башинѣва 11, - Тел. 28.

Два Генерала изъ *Алтун-Канове* войске ишла су са обѣ стране съ велики щиповы у руцы да сунчане зраке отвраћаю. А три тысуће шкопаца заключаваху свисту.

У полю чекали су веѣь ловцы са соколовь Краля, кой чимъ шамо доѣе, ловъ се препелица започне, и траяше до захожденія сунца. Онда се Краль са свомь своіомь пратнѣомь у напредь описаномь реду у Палату врати. На єдномь одь дворишта бяше множество свилены шапора разапето, исподь кои бяху мали лѣпо углаѣени аспали, са свакоякимь єломь понамѣштани. *Калафѣ* и Мандарини сѣдну по примѣру Кральвомь за єдань особыный аспаль, узь кой многіи служительи спояху. Сви заєдно почну свакій по єдну чашу одь *Пірінче* вина пиши пре, нег' што мессе ести почеше, — шада пакь єдоше, безь да су выше пили.

По єлу опведе *Алтун-Канѣ* Принца у єдну велику ясно освѣплѣну саалу, гдѣ сто лице у различне редове понамѣштане предсказываши чиняху се, да ѣе се шу нѣка позорище на игра предспавляши. Мандарини сви за нѣма поѣу; Краль имь мѣста подѣли, и рекне *Калафу*, да се покрай нѣга на нѣкій одь црн дрвеша, златомь украшений пресполъ посади.

Кадь сви посѣдаю онда изыѣу пѣвачи и свирачи, и почну опвеѣь умилно свираши. *Алтун-Канѣ* превеѣь *Хінезску* музику уважавашюѣи чась по чась *Сына Тімурташевогѣ* запышкываше, како му се допада и весма се обра

дуе, кадъ е *Калафъ*, да му шекъ по вољи учини, преко свегъ, што е и кадъ о музики муо, узвысаваше. Послѣ концерта удаде се пѣвачи, и мѣсто учине нѣкомъ дрвеномъ изредно испослованомъ слону, кой художестве- номъ нѣкомъ справомъ на єданпуть у средѣ саале изъ землѣ изыѣе, и шесть играча исплюе, кои съ мѣста опасне свое скоке чиниши поч- ну. Ови бяху погошову голишави, цѣла нью- на одеѣа состояше се у лагкимъ опанцыма, широкимъ одѣ индїйскогъ плашна ногавица- ма, и капи одѣ *Брокаде*. Почемъ окреп- ность шѣла свога у найзачуѣенимъ группама и прочемъ игре художеству покажу, увуку се опеть у слона, и овай у дно саале ушоне. Онда изыѣу комедіанши и представе игру, коіой содержаніе *Краль* пропише, насумце.

Ноѣ е веѣъ, докъ су се тако веселили насшупила, и далеко зашла была. Онда *Ал- тун-Канъ* и *Калафъ* усшану, и ониду у свое себе да сппочину, а и *Мандаріни* шо исто учине.

Калафа ушкоплѣницы, носеѣи злапне свѣѣнике са свѣѣама одѣ саала змінногъ, у себе иѣгове опведу. Онѣ се управъ сладосши на у колико му немиръ, съ коимъ е на часъ, кадъ ѣе предѣ *Диванъ* ступиши изгледао, дозволяваше, предаши спремаше, кадъ ал' при лазку свомъ у ложницу младу нѣку особу женску, у широку одѣ црвене са сребрнымъ свѣѣемъ прешкану хальину обучену, смопри. Преко ше хальине имала е другу мало ужу

одѣ

одъ бѣлогъ Аплаза са злашомъ извезену,
съ рубініма и смарагдима посупу. Лагкѣ у
брадачъ са бисеромъ и сребрнымъ везомъ
скифенъ, покрываше іой само одну частъ
главе тако, да іой се лѣпа коса, художествен-
нымъ цвѣтемъ преплетена, и у кудрама п
рамены высеѣа видѣши могаше. Што іо
се спаса и лѣпоте пицаше, ништа ни си
изузымаюѣи Принцезу Хінезску лѣпше и совер-
шеніе одъ Младе ове видѣши, кою *Сынъ Тимур*
ташевъ у ложницы своіой около полноѣи за-
спаде, ниши бы и онъ ненаказанъ дражест-
нѣне гледаши могао, да му сердце лѣпошомъ
Турандотиномъ обузето не баше. А како бы
любезникъ нѣнъ другу и погледаши могао?

Дама *Калафа* смолривши, подигне се с
софе, на кою сѣла баше, и гдѣ іой покрывал
стояше. По прилично великомъ главе покло
ну рекше: Кралѣвиѣу, чудишь се знамъ
што жену овдѣ налазишь; ерь безъ суми
познашо ши є, подѣ како ужасномъ казни
забранѣно є живеѣимъ у Палапи овой мужкар
цыма и женама саспаяти се; но важности
спвари, кою ши объявиши имамъ, учинила є
те самъ све опасности презрѣла. Умешн
самъ и среѣна была, све предпріятію момъ н
супрошъ спавляюѣе се незгоде надвладати
Ушкоплѣнике, кои те послужую придобыемъ
и тако ево у ложницу швою доѣмъ, ниши
ми садъ выше шта остає, него да ши іошн
узрокъ бриге мое кажемъ, а шаки ѣешь га
чупи.

Вспу-

51
Вступленіє шо внимателносшь *Калафа*
обвеже, ниши се онъ сумняши могаше, да
му Госпа, коя се толико опважила и къ нѣ-
му дошла бѣше, ствари одъ особыше важно-
сти казаши нема. Замоли є дакле, те о-
дешъ на софу сѣдне, и онъ се узъ ню посади.
На шо Госпа говориши му почне овако:

Господару, одшудъ мыслимъ да почеши мо-
рамъ, да самъ сирѣчь кѣи *Кана* єдногъ, кой
Алтун-Кану данакъ плаѣаше. Пре нѣколи-
ко година имаѣаше оцаць мой сердце данакъ
му не плашиши. У воєно свое искусство и
храбросшь воинства свога превеѣь уздаюѣи
се съ мѣста се приправи, да при нападенію
землю свою брани. *Краль Хіне*, огорченъ на
мѣлосшь нѣгову, пошлѣ на нѣга найхрабріегъ
и найискусніегъ войводу свога са сильнымъ во-
инствомъ. Оцаць мой, ако є и быо много
лабїи, поѣе му на сусрѣшь; обаче по крова-
вой на рѣке нѣке бреговима битки, *Краль*
войвода буде побѣдшель, мой пакъ Оцаць
нысуѣомъ удараца уязвлѣнь умре іошпъ за
реме битке, но при умираю заповѣди жене
вое и дѣцу у рѣку побацати, да имъ гор-
у сужаньсшва судьбу зашпеди. Вѣрни нѣго-
и, коима онъ благородну ову, ал' и свирѣпу
аповѣсшь даде, речи му испуне, и вергну
е съ *Машеромъ* моіомъ, сесшромъ и съ два
раша, кой се нѣжне младости свое ради
ошпъ у собама женскимъ налазаху, у воду.
— *Хінезскій* войвода доѣе у шо исно шрену-
е на мѣсто оно рѣке, гдѣ смо мы у шо
поба-

32
побацани были, и гдѣ намъ е свимъ жалоси
ну нашу судьбу искусити перебало. Свирѣпо
позоріе то возбуди у нѣму сожаленіе, и онъ
свакоме одъ войника свои награду обѣща, ко
ма што одъ оспашка фамиліе побѣженог
Кана спасе. — Многіи Хінезскіи копяницѣ
упадну у рѣку не взыраюћи на нѣну берзину
и потераю конѣ на мѣсто, гдѣ се мы ст
таласима борисмо, и на комъ веѣь много
трупине пловяху. Они нѣколико одъ овъ
на суво изнесу, но сва имъ помоѣь за проче
осимъ мене всуе буде. Я сама сама іошпи
дысала, кадъ су ме на землю мешнули, а о
спали су сви веѣь мертви были. Войвода ве
лико о опоравленію моме попеченіе носяше
башъ као да сама му за увеличаніе славе нѣ
гове нужна была, и као да бы робство мо
Тріумфъ му возвеличило. Онъ ме доведе о
вамо и представи Кралю, опдавши му о у
спѣху военогъ посланія свога рачунъ. *Алтун*
Канъ преда ме кѣри своіой *Принцези Туран*
доти, коя двѣ до три године млаѣа одъ ме
не баше.

Ако и ни сама іошпъ године дѣшинсшва
прешла была, алъ сама опетъ увидѣла да
сама Робкиня, и да ми е по спаню момъ вла
дати се нужно. Тако сама дакле учила се
ѣуди нѣной, спарала сама се милоспъ нѣну
прибавити, и попеченіемъ и услужностію бу
демъ толико среѣна, те ме и пріашельн
цомъ своіомъ учини. Одъ шо доба дѣлимъ
повѣреніе нѣно съ другомъ едномъ одъ свѣп

логъ порѣкла дѣвойкомъ кою е шакоѣе гроз-
на судба нѣна робкинѣомъ учинила.

Ахъ, опрости Господару, продужи *Непо-*
зната ша далѣ, не замѣрай приповѣдки о-
вой, коя ништа съ цѣлю, коя ме къ шеби
привуче, взаимно нема. Мыслила самъ да ш'
казаши морамъ, да самъ *Рода племенита*,
да веѣе къ мени повѣреніе задобыешъ; ерь
важно сообщеніе, кое ѣу пи учиниши, шако-
во е, да бы му опвеѣь мало вѣровао, кадъ
бы га изъ уста обычне какве Робкинѣ саслу-
шао, — шша выше іошпъ и я не знамъ ако
и есамъ Канова кѣи, хоѣу л' у спаню быши
увѣриши те. Принць когъ су дражеспи *Ту-*
рандотине очарале, да л' ѣе онъ вѣроваши мо-
и оно, што самъ му приповѣдиши наумила?

Принцезо! пресѣче е Калафъ, не меѣи
уже на муке пышлюбіе мое, заклинѣмъ те
казуй, шша о *Турандоти* казаши имашъ? —

Господару ошговори *Непозната*, *Туран-*
дота е намыслила „*потайно те дати убити.*“

При речма шимъ падне *Калафъ* на праж-
ке на софу, и полежи мало време, подобанъ о-
моме, кога громъ смлаши.

Племенита Робкиня, коя смущеніе Прин-
цево предвидѣла бяше, рекне му: не чудимъ
е што те е се ужасна вѣспъ ша тако яко
доснула, и добро видимъ колико самъ узро-
ка имала бояши се, да шо вѣроваши не ѣешъ.

Праведно Небо! выкне *Калафъ* изъ забу-
е свое нѣшто мало поврапивши се, есамъ
и те я добро разумѣо? е ли Принцега злодѣ-

ліе такво учинити кадра, — како е можно да она тако свирѣпо што науми?

Казаш' љу ти отговори *Непозната*, како е она до безчовечногъ заключенія погъ дошла. Данасъ у юшру идућой изъ Дивана, гдѣ самъ я на спепенма престола иѣногъ спояла, падне смертна мука на сердце збогъ тамо догодившегъ се. У собе свое кадъ дође, обузме е найдивльія мерзоспи и бѣснила буря. Подуго се о вопросу, кой си іой задаше промысли, и будући да прикладна на нѣга опшвѣта измыслиши не умѣде, предаде се очаянію. Ниши самъ я, ниши е друга нѣна *Фаворіткinya* пруда пошшедила за ублажити яку болѣшицу нѣну. Мы свашпо упопробимо за улыши іой блага о теби чувшвованія, похвалимо іой *Лѣпому* швою и *Разумѣ* швой, и наговараши е спанемо, у мѣсто што се прекомѣрно смуѣуе, болѣ да се опважи руку свою шеби даши. Но она намъ љупиши заповѣди и пошокъ клепвій на мужкарце изъ уста іой лѣпы пошече. У сердце е најлюбвездосшойни не дира выше, нег' најружни и најлућій. Сви су мужкарцы, — тако намъ е говорила — презрѣнія досшойне упваре, за кое я нигда нишпа осимъ гнушенія чувшвоваше не љу. Што се *Принца* шиче, кой ме за жену ишше, на нѣга осимъ свію највыше мерзимъ, и ако никаква средшва не наѣмъ да га се опросимъ осимъ убійшва, — што љу га убиши даши.

Намѣри шой проду жи племенородна Робкиня далѣ, я самъ се са свомъ снагомъ противуставила была. Я самъ нещасна слѣдствія нѣна представляла; предспавляла самъ іой и неправду, кою ѣе и надъ побомъ и надъ собомъ учиниши, и праведно оно гнушеніе, съ коимъ ѣе е сви слѣдуюѣи вѣкови споминяши. Ни друга она Фаворітскиня пропустила ни е са мною се союзини, и къ моимъ доказапелспвама іошпъ и друга важніа додаши, но савъ нашъ говоръ безплоданъ буде, ниши смо е мы могле одъ намѣре те нѣне отвратиши. — Налогъ е дала вѣриымъ нѣкимъ шкопцыма, супра кадъ изъ Палате швое у Диванъ поѣешъ, да те убію. —

Ахъ безчовечна Принцезо! — ахъ подмукла *Турандото!* повыче *Принцъ Ногаіски Татара* тако си заръ нѣжностъ нещасногъ Сына *Тимуршашевогъ* наградиши наумила? *Казафъ* ши е се заисна гаданъ учинію, кадъ га се найцрнѣимъ злочиніемъ освободиши волеши, нег' му руку даши, и усреѣиши га, — ты си радія саму себе обезчестиши, нег' судьбу швою съ моіомъ соединиши. Боже мой! изъ каквы ли е особеины и чудны догаѣаи живошъ мой составлѣнъ. Колико самъ се мало часъ чинію да зависши доспойну среѣу уживамъ: шoliko самъ се опетъ садъ у бездну нещастіа спропошпао.

Господару, рекне сіапелна Робкиня, ако шебо на тебе незгоде и попушѣа, ал' баръ

ни е наумило, да подь нѣма скаплѣшь, ерь те о прешеѣимъ ши опасносима извѣщава. Шпа іошпъ, — оно е само было, кое е мысао шу у мене уселило да те избавимъ, ерь я ни самъ само дошла, да те о запепой ши замки извѣспимъ, него ево и средспва, да одь нѣ упечешь. Посредспвомъ нѣки шкопаца я самъ спраже Сераіла придобыла, кое ѣеду ши исходь изь Палате олакшани. Будуѣи пакъ, да ѣеду те по бѣгству швоме безсумнѣно пражиши, и докучиши, да самъ я шоме поводь была: шо самъ се рѣшила съ шобомъ изь проклетшого овогь Двора, кой ми выше нег' едань узрокъ на нѣга мерзиши дае, удалиши се; — веѣь и шо, што самъ Робкиня у нѣму научило ме е мерзиши на нѣга, а опъ како е *Турандота* съ шобомъ свирѣпо посшупаши почела, іошпъ ми е се веѣма огадіо. —

У спрани едной града, — наспави *Непозната* по малой почивапелной далѣ, — у спрани едной града спое коньи, и чекаю насъ; дай да бѣгамо, и ако е можно до обласпи колѣна *Берласкогь* допремо. Крвь, коя у жилама моимъ пече, союжава ме съ Принцемъ обласпи ше, съ Каномъ сирѣчь *Алинкверомь*; онъ ѣе се весма обрадоваши, кадъ Сродницу свою, одь окова гордогь *Алтун-Кана* освобоѣену види, и шебе ѣе као избавишеля мога дочекаши. Подь нѣговомъ зашптомъ мы ѣемо мирно, и среѣние, не жели овдѣ живѣши; мени ѣе се, одь перешного

ногъ двореня освобожденной лѣпша будущность осмѣиваши, а ты Господару, ты бѣшь мож' да шамо Принцезу наѣи, коя бѣ довольно лѣпоше имаши, да любви швое достойна буде, и коя бѣ, умѣсто да те радіе жертвует, нег' супруга ти буде, само шу бригу водиши, како бѣ ти се допасши, — да Принца шаковогогъ, какавъ си Ты, среѣннымъ учини. — Да не губимо времена, него што берже да се удалимо, да насъ восходеѣе сунце веѣь далеко одъ Пекинга наѣе.

Лѣпа Принцезо, отговори Калафъ, вссма ти много благодарши имамъ, што си ме одъ опасности, коя ме овдѣ чека, избавиши хошѣла. Но зашто не могу изъ признашелности изъ Робства те избавиши, и *Кану Берласкомъ*, Сроднику швоему, отвесши! — Каква бы шо радость за мене была, да ше у разширене руке нѣгове предамъ, и да се съ шимъ одъ мога нѣму обвезапелства искупимъ; но кажи сама Принцезо! може л' ме овако испредъ очію *Алтун* — *Кановы* неспаши? Шта бы онъ о мени судіо? безъ сумнѣ, морао бы мыслиши, да самъ му у Дворъ дошао, само да тебе украдемъ, и докъ бы я бѣгао, да кѣри нѣговой злочиніе едно зашпедимъ, обшужіо бы ме онъ, да самъ Право Госпопріймства повредіо. Преко шогъ признаши ти морамъ, да ако є *Принцеза Хіне* и свирѣпа, зато опетъ слабачко сердце мое на ню не мерзи, — шта реко? не мерзи? — ахъ, ша я є обожавамъ, сасвимъ самъ волюи
іой

іой покоранъ, и — ако є башъ убити ме
рада, жертва іой є ево гошова,

Принцеца Татарска видѣвши *Калафа* оп-
важена, радіє умреши, нежели съ ньомъ по-
бѣѣи, почне плакати говореѣи: Є л' могу-
ѣе, да смерть предпоставляшъ благодарно-
сти єдне Принцезе, коіой окове разрѣшити
можешъ? ако є *Турандота* и много лѣпша одъ
мене: ал' я за накнаду имамъ човечніе нег'
она сердце. Ахъ, Кнеже мой, юшросъ кадъ
си у Диванъ спупіо, сва самъ се за шебе уз-
деркшала, и побояла самъ се, да не ѣешъ
на упыте проклеше *Турандоте* опговориши
моѣи, а кадъ си Горду шу надвладао, другій
ме опешъ обузме препенъ. Я нишша не су-
мняюѣи поумамъ, да ѣе она гледаши како
годъ на драгоцѣиоми живошу пивоме да се
покуси. Ахъ Принцу мой, заклинѣмъ те,
опомени се дана твои, и немой се предавати
бурномъ пожеланію томъ, збогъ когъ смерти
у очи гледишъ, безъ да преблеѣуешъ — о,
да те слѣпа Любовь опасность презырати
не дражи, одъ кое се сва пресемъ. Попу-
спи мало стараню, кое ми сердце за шебе
осѣѣа, и де! да обоє незакосняваюѣи дуже,
Палату ову оспавимо, у коіой найлюѣе му-
ке терпимъ.

Принцезо моя, опговори *Сынъ Тимурта-
шевъ*, ма' ми каква несреѣа предспояла, я
се къ нагомъ бѣгспву томъ опважиши не
могу. Ты имашъ, я шо признаемъ, доволь-
но дражести, да освободителя твого награ-
дишъ,

дишь, и живопись му усладишь; но я се на сребу родю ни самъ; Судбына ми моя заповѣда *Турандоту* любиши, успркосъ гнушенію, кое спрѣбу мене чувствуе. Я бы, удалѣнь одъ нѣ, полагаю само чезнуо.

Айде де! выкне Госпа лютишо са сѣдишта свога устаюћи, а ты остани *Неблагодарный!* — не удалявай се одъ пребыванія, содержающаго сладко веселѣ твое, и, ма га ты и кровлю швоіомъ покропио, я те выше къ бѣгству принуѣавати не ѣу; ерь видимъ да ши се бѣгство съ єдномъ Робкинѣомъ не допада. Кадъ ты у дну сердца могъ чисташъ, — шо и я у швое глєдимъ: премдаши за *Принцезомъ Хінезскомъ* ако пламшишь, ништа манѣ любовь те къ нѣой слабіе зауспавля; него неблаговоленіе къ мени.

Съ шимъ речма *Дама* покрывало пребацы, и удали се изъ ложнице Кнежеве.

Калафъ остане по Принцезиномъ оплазку, у великой забуни на Софи лежећи. Хоѣу л' вѣроваши, говораше у себи, што самъ садъ ешо чуо? зарь тако яко чѣовекъ свирѣпъ быши може? Но ахъ! како бы се я іошпъ сумняо? — нещасшна Принцеза ова гнушава се одъ злодѣлія, кое е Она намѣрна учиниши, и дошла е да ме опомене, а и сама, нѣомъ изявлѣна чувствованія, поуздани суми сведоцы чистосердечія нѣногъ. О, свирѣпа кѣери наиболѣгъ одъ свію кралѣва! — како ши, е' можно даре, съ коима те е Небо снабдѣло, на проклетый тако начинъ злоу-

злоупотребити? — Боже сильный! како си могао безчовечною Турандоти тою дражести даши, којма човекъ прошивостати не може, или, зашто си јој тако свирѣпу душу поредъ заслѣпляваюће лѣпоте дао?—

У мѣсто да нѣколико часова оппочине, и нове силе добые, проведе Принцъ оспатакѣ ноћи предавши се најцрнѣимъ мыслима. На послѣдакъ се већ и пробуђеный данъ укаже; звукъ звона, и шумъ бубнѣва заѣчи, — и мало часъ дођу шесть Мандарина, да га као и первый данъ у Совѣтилище опведутъ. — Онъ корачаше преко Двора гдѣ шѣлохранишница кралѣвска у редове намѣшпена бјаше, мыслиши, да ће живошъ свой овдѣ изгубити, и да га люди, којма е Принцеца погубленіе нѣгово наложила, овдѣ већ чекаю; но опетъ далеко одъ сваке предосторожности удалѣнъ, спупаше онъ као какавъ на смертъ опважавяюћи се човекъ далѣ, и чиняше се у внутренности душе свое да оклеванѣ убійца свои обшужуе, но опетъ преко цѣлогъ Двора пређе, безъ да шко на нѣга нападе, и дође шако у перву Саалу Дивана. Ха! рекне онда у себи, безъ сумнѣ ово ће бити мѣсто, гдѣ ће се крвава Принцезе заповѣстъ испунити, и шаки се обазре на све спране. Свакій, кой му у очи паде, чиняше му се убійца нѣговъ бити, ал' опетъ све далѣ иђаше, докъ у Саалу не дође, гдѣ державный Совѣтъ держанъ бјаше, безъ да е очекиванный смертный ударъ одъ кога прійміо быо.

Докшо-

Доктори и Мандаріни сви бяху већь подь
 небама своимь. Само е іошть Кралю доћи
 пребало. Какавъ ли е плань Принцезинь,
 пышаше се Калафь, хоће л' мож'да сама да
 сведокь смерши ми буде, и предь очима оп-
 ца свога погубити ме да? — да ни е краль
 свирѣпоспи нѣне соучастникь? — шта о
 шомь да мыслимь? — да се ни е збогь без-
 човечія свога покаяла, и заповѣсть смерши
 мое на прагь узела? —

Међушимь, докъ е Принць у грозной не-
 извѣспноспи шой тако быю, опворе се вра-
 та изь внутреньоспи Палате, и Краль, а
 за нымь *Турандота* уђе у Саалу. Обое се
 попну на Престоле свое, а Принць *Ногаіски*
Татара стане у ономь испомь опстоянію,
 као и первый дань, предь ньи.

Чимь Калао спази, да е Краль већь сѣо,
 окрене се *Калафу*, и запыта га: еда ли се
 опоминѣ, да е обѣћао *Принцезе* се опказа-
 ши, ако она на упышь задаши исправно оп-
 говори. Опоминѣмь се, рекне Принць, и на
 ново попверди, да се само подь шимь усло-
 віемь чеспи опказуе, зепь кралѣвъ быши.

Калао се *Турандоти* окрене говорећи: а
 н ты велика Принцезо, и ты знашь, коя те
 закleshва веже, и коіой се подвергнути мо-
 рашь, ако Принца не именуешь, когь е име
 одь тебе оскано, да кажешь.

Краль, швердо увѣренъ, да она на у-
 пышь *Калафа* ни е опговорити кадра, Прин-
 цезо, рекне кѣри своіой, досна ти е вре-
 мена

мена было мыслиши се о томъ, што се одъ тебе изыскуе, али башъ да си и цѣлу году дана о томъ мыслиши се имала: то мыслимъ, да бы и поредъ свегъ остроумія твоего опешъ на послѣдку признала, да е то една неизслѣдима спварь. Будући дакле да на упышъ Принцевъ ошговориши не можешъ, предай му се добровольно, и испуни ми желю, кою осѣхамъ, да га сирѣчь као зета могъ загерльимъ; онъ е достоянъ супругомъ се твоимъ назваши, и по смерти моіой Царствомъ Хінезскимъ съ тобомъ управляши.

Господару, ошговори *Турандота*, зашто мыслишь, да я на упышъ одъ Принца ми заданый ошговориши не знамъ? — ша то ни е тако тежко, као што ти держишь; — ако самъ я юче поругу одъ нѣга надвлана быши, оперниши морала, то садъ опешъ иштемъ, де ми се честь укаже побѣдоносіе надъ нѣмъ торжесшвоваша. Рада самъ продерзльивогъ младића тогъ посрамиши, кой тако изко о уму момъ суди. Некъ повшори упышъ свой, а я ѣу на нѣга ошговориши.

Принцезо, возрази *Принцъ Ногаіски Татара*, пытамъ ше дакле:

„Когъ порѣкла, и какво ешь име
Принцу ономъ, кой принуѣенъ баше,
Служит' яданъ, као Робе сужный,
За обдержан' живопъ себи бѣданъ,

И іошпъ к' шоме пословап' мораде,
 Терепъ носип' за малену плашу;
 А саде є на верх' свое желѣ,
 Несрећни ал' є, нежел' бѣше. “

Прінцъ шай, опговори Турандоша устпав-
 ши са Сѣдишта свога, зове се *Калафѣ*, и
 єсть *Сынѣ Тімурташевѣ*.

Како *Калафѣ* име свое изречено саслу-
 ша, изчезне му руменило съ лица, на очи му
 се гуспа нѣка маглуштина навуче, онесвѣспи-
 не, и падне на землю. Краль и цѣло Со-
 браніє изъ плашнѣ нѣгове заключивши, да є
Турандота заиста Прінца, когъ є име одѣ-
 нѣ искао, именовала, преблѣди, и яко се
 збуни.

Ты ни си добро погодила, рекне *Калафѣ*
 прудомъ Мандаріна изъ несвѣспице свое по-
 врашивши се, и къ *Турандоти* окренувши
 се, ты ни си добро погодила, красна Прін-
 цезо, *Сынѣ Тімурташевѣ* ти є на верху свое
 надежде; онъ є съ нѣга доле пао, ниши ѣе
 се выше игда на нѣга понепи.

Допушѣамъ, опговори *Турандота*, да
 выше ни си на верху надежде швое, но опешъ,
 ты си Прінцъ, кой умаюѣи да си на нѣму,
 несрећни си, нежели пре. Зато Кнеже, у
 мѣсто да се речма препиремо, признай болѣ
 добровольно, да си права швоя надъ *Туран-*
дотомѣ изгубіо. — — Я ти дакле руку мою
 опреѣи, и оставиши ше могу, да се люпинъ,
 што си є проиграо, — ал' опешъ явно пи
 овдѣ

овдѣ исповѣдамъ: я сасвимъ другчіе о теби мыслимъ; пріяпельство, когъ те Отаць мой удоспоява, и собствена швоя опличія нагоняваю ме, да ти супруга будемъ.

То кадъ рекне заечи Саала одъ радостне выке съ тысуѣу Принцезины похвала, и будущегъ супруга нѣногъ. Докшори и Мандаріни поступакъ Принцезинъ одобре, и краль на ню полеша. Ахъ кѣри моя, загерльвивши є рекне, намѣре се друге лапипи ни си могла, коя бы ме среѣнимъ учинила. Съ нѣомъ бришешъ зло оно впечатлѣніе, кое суранія дѣла швоя на духъ народа мога учинила, и сладость опцу даешъ, кою є давно одъ тебе очекивао. Да како кѣри моя, мерзосшь, кою си спроѣу людій изявльивала, природи прошивно гнушеніе шо, одузело ми бѣше сладку надежду, и кадъ крови мое Принца одъ тебе роѣна видѣши. Но на среѣу неприродно чувствованіе шо данасъ се оконча, и што ми іошпъ све желѣ мое краси, єспъ, што изъ благоволенія къ младомъ овомъ юнаку, кой ми є преко свега міо и драгъ мерзосшь шу погажавашъ. Но кажи намъ продужи далѣ, како си име Принца овогъ, кой ти сасвимъ непознапъ бѣше, погодиши могла? съ каквымъ си га чародѣйшвомъ докучила?

Господару, ошговори *Турандота*, ни самъ я нѣга чародѣйшвомъ, него наравномъ по све вешпиномъ докучила. Єдна моя робкиня ошиде ову ноѣ къ Принцу, и доспа
лу-

лукава буде, те одъ нѣга шайну шу изчу-
па. Онъ же ми опростиши, што самъ пре-
вару шу употребила, будући е ни на какво
зло преокренула ни самъ.

Ахъ! возлюблѣна *Турандота* моя, вык-
не *Калафъ* съ восхищеніемъ, ел' могуће, да
тако блага чувспвованія спроѣу мене имашь?
— изъ какве ме ужасне пронаспи къ себи
на найвышшій верхъ земнога блаженства пе-
нѣшь. Ахъ, како самъ неправеданъ спрамъ
шебе быо; докъ си шы найлѣпшу ми судьбу
справляла, допле самъ те я за найцрню из-
даю кадру вменявао. Преваренъ найгадни-
омъ, духъ ми помрачаваюћомъ басномъ, на-
градю самъ Доброшу твою съ недоувѣрені-
емъ. О како желя у мени пламши, при но-
гу швои неправду мою изкаяши.

Залюблѣный *Сынъ Тимурташевъ*, хпѣде
се и далѣ у нѣжне речи, и пошверѣиванѣ лю-
бови свое излыши, но Робкиня га нѣка, до
садъ за *Турандотомъ* споявша, пресѣче. Она
изыѣе на средъ Саале, и привуче цѣлогъ друж-
ства очи на себе; уздигне покрывало свое,
и таки е *Калафъ* позна, да е она исша, коя
е прешедшу ноѣ у ложницы му была; лице
іой смерпномъ боіомъ полывено бѣше, очи
укочене, и чиняше се, као да нѣшто спра-
ховишо у себи кува. Сви зрительи упру по-
гледъ свой са удивленіемъ, и спрепѣимъ
оčekиванѣмъ на ню. *Алтунъ* — *Канъ*, подо-
бно другима, желянъ бѣше видѣши е, шша же
започеши; а она се шекъ *Турандоти* окрену,
Прин-

Принцезо, рекне іой, време є, да те изъ заблужденія твоего изчупамъ. Ни самъ я къ Принцу опишла была да опъ нѣга тайну имена нѣгового измамимъ, ниши самъ коракъ тай учинила, да ти служимъ, него мое собственне корысти ради опважила самъ се на шо. Я самъ хпѣла, изъ Робства се освободиши и любовника твоего украси; све є веѣкъ къ бѣгству нашемъ справно было, но Онъ ми предложеніе мое осуєши, или болѣ да рекнемъ, Неблагодарный тай, нѣжностъ мою презрѣ, премда ни каквогъ кушаня пошпедила ни самъ, да ти га одшергнемъ; — я самъ му гордостъ Твою съ найцрнѣомъ боіомъ описала, и шпа вышеказала самъ му, да ѣшь га данасъ убиши даши. Но всує самъ я срамоту злочинства на шебе товарила. Вѣрностъ му ни како поколебати не мого. Онъ зна у како самъ га бурной спраси оставила, а очису му свѣдокъ были забуне мое и шуге. Любoreвнѣива, и очаяваюѣи, врапила самъ се была у собу твою, и са подмуклымъ пріяшельствомъ придобыемъ себи привидну нѣку заслугу кодъ тебе, повѣраваюѣи ти стварь, коя ме садъ срамотомъ прешрпава. Ни самъ я збогъ шогъ, да те одъ посрамлѣнія избавимъ, Принца ти овогъ име сообщила, коему се ускипившемъ, и зауспегнуши се немогавшемъ изъ уста измаче, него надаюѣи се, до ѣшь се ты, као супостапъ мужскогъ пола како тако обрадоваши, што ѣшь *Калафа* отбацыши моѣи. Съ шимъ самъ се надала

мени тако ужасну свезу разкинуши, али будући, да ми се вештина осуеши, и ты се опважила еси съ Принцемъ вѣичаши се: по ми другоꝝ ни каквоꝝ убѣжища не остае, осимъ овоꝝ —

То рекши извуче мачъ исподъ хальине, и забодѣ га поздраво у груди свое.

Цѣло се собраніе дѣло то видѣши окамени, а и Алтун — Канъ яко се уплаши. Камафу радость изчезне, а Турандота изъ свеꝝ герла выкнувши сиѣе съ престола, и поперчи Принцези Татарской у помоѣ, да, ако е могући, живопъ іой спасе. Друга она Принцезина робкиня съ шомъ испомъ намѣромъ приперчи, неманѣ и остале двѣ, шшо цернило и папуръ носяху, — но пре іошпъ, неꝝ шшо до Несреѣнице dospѣду, извуче она, као да первый ударъ поузданъ не бѣше мачъ изъ ране свое, и убоде се по другій пупъ; и тако све шшо су учиниши могле, было е, да падаюћу шрупину нѣну у наручія своя прихваше.

Аделма! выкне Принцеза Хінезска плакаюћи, драга моя Аделма, шша учини? — Варъ си до шога доћи морала! — Зашп' ми ове ноћи сердце швое не отккры? да си ми казала, да живиши не можешъ, ако се я за Принца удамъ, коя бы ми жершва за шакву Соревнѣивку шежка была?

При шимъ речма отвори племенородна Робкиня очи свое, кое іой смерпъ затворили веѣ почела бѣше, окрене се скорбно къ

Ту-

Турандоти и рекне, *Принцезо*, што бы, бы, я преспаємъ живиши, и спрадаши. Не оплакуй Судбу мою, него шта выше похвалюй, бодро мое опваженіе, съ коимъ самъ се изъ двогубогъ Робства избавила. Окови *Крала Алтун* — *Кана* падаю съ мене, као и окови любви, кой су ме іошпъ веѣма пишшали. Я самъ науку *Ксакса* *) съ машернымъ млекоомъ посисала, зато се не чуди, да самъ кадра была дѣла оваковогогъ. — То рекне, па уздане изъ свегъ сердца, и умре.

Мандарини и Докшори сожаленія достойнымъ скончаніемъ *Аделме* лѣпе бяху пропущи, *Турандота* се у сузама топяше, а *Калафа*, кой себе као виновника скорбногъ позорія того сматраше, яка пуга обузела бяхе. А и добрый *Краль Хіне* весма смущень бяхе. Несчастна *Принцезо*, говораше онъ, *Единице*, и драгій ошашче пропадшегъ славногъ коѣна княжескогъ, шта ти е позвоало, што су те изъ бѣснующи паласій избавили? Ахъ! среѣнія бы была, да си іошпъ онай данъ судбу твою окончала, у кой е и несреѣный ти *Опаць Кейкобадъ*, *Кань Каталанскій*, и цѣло племе твое сапрвено было. Да бы баръ по прохожденію крозь свидешъ паклій **) опеть при первомъ душе

ши

*) По Вѣроисповѣданію *Ксакса* послѣ смерти ниши има награжденія, ни наказанія.

**) Найвеѣа частъ *Хінеза* вѣруе, да има 9. *Паклій* крозь коя душе проѣу, и онда ошешъ у шѣлеса уѣу,

ти пушешествію као княза каквогъ кѣи оживила.

Алтун — *Канѣ* незадовольи се само тако нещасшіе лѣпе *Принцезе Аделме* оплакивати, него іошпѣ заповѣди велелѣпный іой погребѣ справити. Мертво іой шѣло опнешено буде у ошдѣлѣну нѣку Палату, гдѣ та у богате бѣле *Хальине* обуку. Пре него шпо є у *Сандукѣ* метну, приближи іой се *Краль* са сви свои дворски чиновницы, поклоне се предѣ нѣомѣ, и проспу око нѣ благоноія. Онда є затворе у *Сандукѣ* одѣ *Алой* дреша, когѣ на нѣкогѣ вида престоль пошаве. Престоль є шай единствено за то єдномѣ Палате дворишпу уздигнушѣ быо. У остане преко єдне цѣле недѣлѣ; свакій данѣ долазаху жене *Мандаринске* одѣ главе до рогу у жалбе одѣло увыєне, и свака іой пошпыри поклона изясняваюѣи найвеѣу шугу чини. Послѣ *Церемоніе* ше, кадѣ данѣ, одѣ великогѣ звѣздочпеца кѣ погребу нѣномѣ оредѣлѣный, приспѣ, метну *Сандукѣ* на єдна ребромѣ окована, и завѣсама, на коимѣ житыиѣ изображєне бяху, зашперша колеса. єнію кола шій принесу жертве, да бы се спро-

уѣу, но съ различнымѣ щасшіємѣ, — найсрєкнїє *Душе* пошпану шаки *Люди*, — другє пошпану живошца, коє съ човекомѣ подобья імаю; а найнесрєкнїє узму видѣ шшица на себе, не надаюѣи се, да ѣе при первомѣ шествованію опєшѣ *люди* моѣи пошпати.

спроводъ щасливо окончао. Сандукъ съ мирисавкама покропе, и онда се спроводъ у движеніе стави. Три є дана ишао збогъ обрядова, и нуждногъ одмора, докъ ни є на брдо дошао, гдѣ су гробнице кралѣва Хінезски быле; єрь *Алтун — Канѣ* управъ хопяше, да пепео Принцезе Татарске кодъ костію племенородны предкова иѣговы почива, а и *Турандота* изъ Любви къ своіой Фаворішкни. Ошца свогъ моляше, да нещасной Аделмчеснѣ шу укаже.

Кадъ спроводъ къ брду доѣ, скину сандукъ съ кола, на коима є дошлѣ донешенбыо, и мепну га на друга, іошнѣ драгоцінія. Онда заколю быка, съ мирисавымъ виномъ поспу, и друге жершве земљи приису, молеѣи є, да шѣло Принцезино добровольно у себе прійми.

Кадъ се тако спроводъ сверши, променсе Дворянства Хінезскогъ ношиво, скинсырѣчь одѣло жалбе, и веселѣ попече за скорнымъ занимањяма. *Алтун — Канѣ* заповѣди, шна ѣе се за Сваибу *Турандотину* правиши, и докъ се прочи съ шимъ бавишпошлѣ посланике ко колѣну *Берласколѣ*, Кана *Ногаіски Татара* извѣсте, шна є у Хіни збыло, и да га замоле, да съ Принцезомъ — женомъ своіомъ — шамо доѣ.

Све веѣъ приправлѣно буде, и онда вѣнчанѣ са свимъ великолѣпнємъ сверши, въ высокомъ доспоинству обоєгъ младенца испои. Принць *Ногаіски Татара* не доб

Учишелъ *) — Краль се явно изясни; да за доказаніе почитанія къ Зепу своме, онъ му дужность оппушѣа, кѣри нѣговой обычна поклецываня чиниши.

Цѣо є мѣсець у Двору само позорищне игре и веселѣ видѣши было; у граду такоѣе шоржеспвоване бяху свакояке веселости.

Спокойно Любезнице свое пришняжаніе, ни найманѣ любовь *Калафа* не захладньиваше, а и *Турандоту*, коя досадъ мужкарце съ онако опорымъ презрѣніемъ предусрѣташе, шако качества любведоспойногъ супруга нѣногъ обузела бяху, да га преко свегъ на свѣшу миловаше. На крашко по нѣовомъ вѣнчаню враше се Посланицы Краля Хінезскогъ съ подобрымъ дружспвомъ изъ *Берласа*; Ерѣ не само кралѣвскогъ зєпа Родишелѣи съ нѣима доѣу, него и Принць *Алінкверѣ*, кой, за учиниши *Тимурташу* и Принцези *Елмацы* вѣѣу почестѣ, заключіо бѣше съ найопмѣніомъ Двора свога Господомъ, у Пекінгъ іѣ допрашиши.

Принць младый о пришествію нѣовомъ извѣшпенѣ, не пропусти на сусрѣтѣ имъ изыѣи, и срѣтне іѣ башѣ на врашы Палаше.

4 *

— Тко

*) У Хіни є обычай зєповима Царскимъ два спара Мандаріна за Учишелѣ даши, кои іѣ у свему, шшо є Принцу едномъ знаши нужно, насшавляю. Преко шогъ примѣшиши валя, да доклѣ годѣ кѣи Царска не роди, *Фумма*, — нѣнѣ обрученикъ — обвезанѣ еспѣ повседневно чешыри шупа предѣ нѣомъ поклєкнуши.

— Тко бы могао описати радосшь, кою е чувсшвовао, видѣши опешь Опца и машерь свою; а нѣово опешь узоноденѣ при угледу любимогъ сына свога. Дуго време полеже они єдно другомъ у обяшїама. Сузе радости, кое прольваху, и *Хінезце* и *Татаре* тако яко возбуде, да ни єдно Око суво не оспаде.

По нѣжномъ герленю шомъ, поздрави *Ка-лафѣ* *Кана Берласкогѣ*, и обяви му предъ сви-ма, како га е яко доброта нѣгова возбуди-ла, шшо му е Опца и машерь у *Хіну* до-прашїо. На то му *Прінць Алінкверѣ* ошго-вори, да е, не знаюѣи за високо достоїнство *Госпїю* свои, присшойне почеспи указаши имъ пропусшїо, и другимъ начиномъ погрѣшку свою поправиши не знао, него доказанїемъ овымъ свое преданости.

Канъ Ногаїски Татара и Супруга нѣгова возблагодаре *Кану Берласкомъ* на прїяшель-ству нѣговомъ, и опиду пошомъ у *Алтун-Ка-нову Палашу*, гдѣ *Монарха* шогъ у первой *Саали*, нѣи очекиваюѣа, застану. Онъ їй све редомъ изгерльи, и прїяшельски предусрѣшїне, ошведе їй у малу єдну собу, и изказавши *Тїмурташу* радосшь свою, шшо га кодъ се-бе види, и како е га се щасшїе нѣгово верло сердца коснуло, обѣѣа му, да ће све, шшо му силе допусше, употребїши, да га на *Сулша-ну Карїзманскомъ* освети. Обѣѣанѣ то не бяше у вѣшарѣ, ерь іошпѣ онай испый данѣ изда *Краль Хінезскїй* на све *Царства* свога *Провїнціе* заповѣсть, да войнике, кои се у
гра-

градовы налазаху, на *Езеро Балжуту* пошлю, будући да то мѣсто за совокупленіе спрашногоъ воинства свога, кое къ подпоможенію *Тимурташевомъ* подигнути хощѣде, опредѣліо бяше. — Канъ *Берласкій* предвидѣвши рашьшай, и драговольно и самъ узъ нѣга приспашти желећи, да *Кана Ногаіски Татара* опешъ у Царство нѣгово умешне, іошпъ е при полазку первомъ войводи своме наручію, да на перву заповѣсть къ походу (*Marsch*) готовъ буде. Садъ му дакле по вѣспнику на *Езеро Балжуту* ићи заповѣди, и то што берже може.

Докъ су войницы *Алтун* — *Канови* къ воинству принадлежавши, но іошпъ по градовы Царства разшркани, на пупу къ совокупленія мѣсту были, постара се међутимъ Краль свакимъ начиномъ, Госте свое што найболѣ угоспити. Свакомъ одъ нѣи да особышу *Палашу*, и велико число ушкоплѣника одреди имъ за послугу. За почестну пакъ стражу опредѣли 2000 людій. Свакій е данъ нова торжества чинію, и свакояко се шрудію, погодиши само, шта ій развеселиши може. —

Калафъ, премда съ тысућу други предмешта посла имаѣаше, старку свою заборавіо не бяше, него шта выше съ умиленіемъ се опоминяше сердечногоъ соучасія нѣногоъ са Судбомъ нѣговомъ. Заповѣди довести е у *Палашу*, и замоли *Турандоту*, да добру старицу ту у свишу свою прійми.

На-

Надежда, *Тімурташа* и *Елмасу* на ново обузевша, помоћу Краля Хінезскогъ на Прешоль свой іошпъ еданпупъ спупипи, учини, ше они претерплѣна спраданя мало по мало забораве, а лѣпый ій Принць, когъ *Турандота* међушимъ роди, преиспуни радости. Рожденіе дѣшета шогъ, кое Назывъ (*Titel*) *Принца Хінезскогъ* добые, буде по сви градовы проспраногъ Царства шогъ съ найвећимъ шоржеспвомъ прославлѣно.

Явна веселя іошпъ не бяху окончана а вѣспницы гласъ донесу, да е се войска са свію спрана Царства скупила, и да е и Кана Берласкогъ воинство на *Балжуту* приспѣло. Таки се удали *Тімурташъ*, *Калафъ* и *Алинкверъ*, да на войску пођу, гдѣ све къ нападенію приправно нађу. Седамъ спопина тысућа очекиваху заповѣспи нѣове, съ коима се упупе у *Катану*, а одавдѣ у *Кажгаръ*, и продру найпослѣ у Державу Султана *Каризманскогъ*.

Князь овай о нѣовомъ приближенію и числу, по посланымъ му одъ повелишеля пограничны градова нѣговы вѣспницыма, извѣщень, умѣсто да се тако велике непрятельске силе уплаши, преправи се мужеспвенно, да е храбро дочека, и іошпъ шпа выше, умѣсто да се ушверди, дерзко имъ са 400,000. людій, кое хитро сакупіо баше, у голомъ полю на сусрѣпъ изыђе. Обѣ се войске кодъ *Коенде*, гдѣ се и битка започне сусрѣпну.

Са стране Хінезске заповѣдао е *Тімуртаиш* крыломъ деснымъ, Принць *Алінкверѣ* лѣвымъ, а *Калафѣ* бѣше у среди. Сулшанъ десно свое крыло вовѣри едномъ одъ найискуснѣи Войвода нѣговы, посшави Принца Карізманскогъ Принцу Ногаіски Ташара на супрощъ, самъ пакъ задержи крыло лѣво, кое е изборъ Кавалеріе нѣгове содержавало.

Канъ *Берласкій* започне битку съ рапницыма колѣна свога, кои као мужеви, на кое око владѣтельско гледи, и свѣдокъ е дѣла нѣовы, берзо редове десногъ иепрѣятельскогъ крыла продру. — Но крыломъ шимъ заповѣдаюћій Генераль скупи на ново войнике свое. — Ни е шако чиніо *Тімуртаиш*; Сулшанъ се бѣсно на нѣга успреми, Хінези падну у нередъ, и веѣ успупаши хошѣше, кадъ ал' епо ши *Калафа*, кой о збывшемъ се шу извѣщенъ, и бригу за среду старомъ нѣкомъ Хінезскомъ войводи предавши, са езгромъ воинсшва свога Опцу своме у помоѣ долеши. За мало шренуѣа промѣни се позоріе, — лѣво Карізманско крыло буде продршо, редови се опворе, и цѣло опдѣленіе у нередъ посшави. Сулшанъ наумивши побѣдѣши, или умреши, ушне се шако, да ни вѣроваши неможешъ, да само рапнике свое опешъ скупи, но *Тімуртаиш* и *Калафѣ* времена му къ шоме не осшаве, него га са свію страна обколе, а меѣупимъ и *Алінкверѣ* десно крыло надвлада, и побѣда за Хінезце буде опсудна.

Сул-

Султану *Каризманскомъ* другою пута не оспаде, него да пушь себи крозь *Непріяшелъ* разкрчи, и къ каквомъ годъ спраномъ *Принцу* отбѣгне. Еръ побѣжденія свога преживити не хшѣде, ниши се отважиши выше могаше, све свое славе лышенъ, народу се свомъ указаши. Слѣпо дакле упадне у найгустѣе гомыле бѣснующе борбе, и непрестане борити се, докъ мершавъ на землю межу безчислене прупине не клоне. Сынъ нѣговъ, *Принцъ Каризманскій*, ту испу судьбу искуси. Двѣста тысућа бяху поубіяны, и у робство отведены; оспапакъ пакъ спасеніе свое у бѣгству попражи. И *Хінезцы* много людій изгубе; но ако е бипка и крвава была, была е баръ и отсудна. *Тимуртаиъ* Небу за среѣный успѣхъ овай хвалу принесе, и пошлѣ вожда єдногъ у *Пекинѣ*, да *Кралю Хінезскомъ* извѣсше да, — попомъ пакъ продре у *Загатай*, и освои поглавиный градъ *Каризманскій*.

У граду прогласиши заповѣди, да ни е науміо у богатство или у свободу *Каризманаца* дираши, него е само радъ, будући да га е *Небо* Господаромъ учинило престола неприятельскогъ, себи га задержати, и зато да отсадъ обышашельи *Загатайскіи*, и осталы земаля *Султана Каризманскогъ*, Сына нѣговогъ, *Принца Калафа*, као владѣтеля свога признаю.

Каризманцы, огадивши веѣ господаранѣ последиѣгъ княза свога, и увѣрени, да ће
Ка-

Калафове заповѣсти блажіе быши, подвергну се добровольно, и прогласе младогъ Принца шогъ, заслуге нѣгове признаваюћи, за Султана свога.

Тимуртаишъ, докъ е младый Султанъ Каризманскій све нуждне наредбе чинію, за ушвердити силу свою, узме меѣупимъ одну часть войске Хінезске, и што берже може врапи се у Державу свою. *Ногаіскіи Татари* дочекаю га као вѣрни подданицы, кои съ восхищеніемъ правогъ свогъ владѣтеля опетъ имати желяху. Но Канъ не буде съ шимъ задоволянъ, што е се на ново на Пресполь свой попео, него обяви абіе *Ціркассима* рашъ, да невѣршво, Принцу Калафу у Іунду учинѣно, на нѣма освещи. Умѣсто да га подчиненіемъ ублажиши покушаю, скупе они у хитосни войску, те му на супрошъ спану; но онъ ій побіе на главу, и прогласи се кралѣмъ *Ціркассіе*.

По славной той надъ *Ціркассима* побѣди врапи се *Тимуртаишъ* у *Загапай*, гдѣ Принцезе: *Елмау* и *Турандоту* зашече. Нѣи е *Алтун* — Канъ као двѣ Кральице са свимъ великолѣпіемъ у *Каризмо* опвести было дао.

То е было конаць несреѣны догаѣан Принца *Калафа*, кой добродѣтелию своіомъ любовь и почитаніе Каризманаца придобые. — Онъ е дуго, и у миру надъ нѣма владао, ниши е игда супругу свою миловати престао, коя му роди Сына, кой послѣ нѣга Султаномъ Каризманскимъ поспане, ерь Принца Хінез-

Хінезскогъ воспішао бѣше *Алтуи* — *Канъ*, наименовавши га наслѣдникомъ своимъ. *Тимуртаиъ* и *Елмаца* дане свое преживе у *Аспрахану*, *Канъ* пакъ *Берласкій*, пріймивши и одъ нѣи и одъ Сына имъ све возможне Благодарности знаке, кое є великодушно пріятельство нѣгово и заслуживало, повуче се са остаткомъ воинства свога напрагъ у *Берласъ*. —

Дойкиня *Принцезе Каширскє* свершивши Повѣсть *Принца Калафа*, запыта *Дворянке Фаррукнацыне*, шта оне о нѣой суде. Све одногласно рекну, да є весма пріятна, и да имъ се *Калафъ добродѣтеланъ* *Принць*, и совершенъ *Любовникъ* быти чини.

На шо *Принцеза* рекне: што се мене шиче, я га налазимъ, да є выше суешанъ, нежели залюблѣнъ, мало несмысленъ; — съ едномъ рѣчию, онъ є оно, што ми данасъ *Младиѣмъ* называмо. — Смапраюѣи пакъ старога *краля Музелскога*, добраго *Фадлалу* — продужи смѣшеѣи се далъ — признаши вамъ морамъ, да є весма нѣжанъ и вѣранъ супругъ; умѣсто да за *Земрудомъ* таки умре, волѣо є онъ іошпъ 50. година живиши, да є оплакуе.

Айде де, рекне *Солімена*, кадъ ши ни *Калафъ* ни *Фадлала* іошпъ довольно нѣжни ни су, шо ѣу ши ако дозволишь, приповѣдиши *Повѣсть Краля Дамаскога* и нѣговога *Везира*; може быти да ѣе ши она удовлествориши.

Дозволи м'їу съ драге волѣ , опговори
 Принцеца , — Дворянке мое весма милую
 Прицовѣдке швое , ниши имъ я радости ше
 забраниши могу , да те слушаю. Испина є ,
 шы умиляте ствари изображаваши умешъ ;
 но *Солімено* , — любезна моя *Солімено* , ма
 шы и найкрасніомъ и найсяйніомъ боіомъ
 мужкарце мени начерпавала , опешъ увѣкъ
 крозь шу швою живопись погрѣшке нѣіове на
 полѣ вире.

Онда *Солімена* почне овако :

КРАЛЬ

КРАЛЬ БЕДРЕДДІНЬ ЛОЛА,

и

нѣговъ Везірѣ Ашалмулкѣ,
съ додапкомъ скорбный.

Бедреддінъ Лола, краль Дамаскій, имаѣаше великогъ Везіра мужа опвеѣъ честна, когъ Повѣспница нѣговы времена довольно хвалиши не уме. Онъ се зваше *Аталмулкѣ*, кое у езыку предѣла шогъ „*Дарѣ Кралѣства*“ значи, и заиспа лѣпогъ шогъ имена свога онъ сасвимъ доспоянъ бѣше. Неупрудимо ревностанъ у служби краля свога, имаѣаше остроуміе, комъ се нипта подкраспи не могаше, ясно проицапелство и проспрану науку. Припомъ, сви му се народи дывяху, како несебичанъ, и одъ други просты спраспій сасвимъ чиспъ бѣше. Везірѣ пакъ „*скорбный*“ прозванъ бѣше, што се обычно у памну вѣку шугу погруженъ быши виѣаше. Онъ увѣкъ озбылянъ бѣше, ма се и найсмѣшніе што у Двору пригодило, нип' га є ишко смѣшеѣа се видѣо, кадъ и найпріятніе спвари слушаше.

Нѣкій данъ забавляше се краль у соби своіой съ нѣиме, и приповѣдаше му изъ гласа смѣюѣи се чудно нѣко дѣло, кое башъ

онай

онай махъ дознао бѣше. Везіръ пакъ тако
га озбыльски слушаше, да се *Бедреддінъ* на нѣ-
га разсерди. Ты си, рекне му, сасвимъ чудне
ѣуди, погледъ ти є увѣкъ мушанъ, и ша-
манъ, и за овы 10. година одъ како си кодъ
мене, іошпъ ни єданпушъ на лицу швоме ни
найманѣгъ знака радости видѣо ни самъ.

Господару, рекне Везіръ печуди се по-
ме. Свакомъ є своя пуга, ниши има ка-
квогъ на Свѣшу безъ неволѣ човека.

Неправо си ошговоріо, возрази краль, —
єрь безъ сумнѣ шы пошайну нѣку болѣшицу
чувспвуєшь, па заръ опешъ реѣи морашъ, да
су сви люди теби подобни? А мыслишь ли
за цѣло, да є то шако, што си рекао?

Єсшь Господару, рекне Везіръ, то є опре-
дѣлѣна судба Адамовы Сынова. Сердце наше
ни какве совершене радости чувспвовати не
може. Заклучи самъ одъ себе на друге.
Єси ли шы совершенно задоволянъ?

Ха! выкне *Бедреддінъ*, што се мене
каса, то є сасвимъ што друго. Я не могу
срѣханъ быти, єрь непріятели имамъ, кои
покою моме преше; шереть бриге пуногъ
владѣнія лежи ми на рамены; безчисленный
немиръ раздроблява ми душу; и узмуѣе по-
кой живоша мога, но я самъ освѣдочень, да
у свѣшу безконечно множешво граждана има,
у кои срѣни дни радостно, и безъ сваке по-
мѣшане горести пропичу.

Но

Но Везіръ пошверѣиваше, што є и найпре пошверѣивао шако, да му краль, видѣнъ га миѣнію своме яко прилеплѣна, рекне: Ако свакій човекъ одъ неприятноспій изузешъ и ни є: ниша манѣ баръ свакій се у шугу свою шако изгубіо ни є, као ты. Признаши ти морамъ; ты у мени велико пыполюбіє возбужуєшь, докучиши, шпа те є скорбнымъ сиваломъ учинило. Кажи ми, зашто сасвимъ безчувспенъ спрофу любкогъ смѣшеня, ша оно найкраснію дражеспъ дружебногъ живоша сочинява?

Послушатъ ѣу те Господару, ошговори Везіръ, и ошкрыпъ ѣу ти причину шайны моєспраданія: ево слушай, приповѣдишъ ѣу ти повѣспъ живоша мога. То рекне, па започне овако:

Повѣспъ Апалмулка Везіра

съ придашкомъ скорбногъ и

ПРИНЦЕЗЕ ЗЕЛІКЕ БЕГХУМЕ.

Я самъ Єдинаць (тако почне *Апалмулкъ* богапогъ єдногъ у Багдаду Іувелѣра. Ошадъ мой, кой се *Коая Абдалла* зваше, ниша невоспишаніє моє не пошпеди; іошпъ ми ураной моіой младоспи да учишелѣ свію наука, кой ме у Мудролюбію, Правдословію и Вѣроисповѣданію наспавляху. Пре свега пакъ пуспи ме обучиши различнымъ єзыцыма, кой се

се у Азіи говоре, да бы, ако кадъ по цѣлой
 часпишой Свѣта узпушумъ, свакоме вразу-
 мишеланъ быти могао.

Као сви млади люди, любіо самъ и я ве-
 селѣ и раскошность. Отаць мой то съ ве-
 ликимъ неспокойствомъ примѣшивши, почне
 ме мудрымъ представленіями одъ того оп-
 враѣши; но — какво впечатлѣніе причи-
 няваю мудре опчине речи у лагкоумномъ сы-
 ну? — я речи нѣгове съ равнодушіемъ саслу-
 шамъ, или шна выше, назовемъ ій бунцанѣмъ
 срдипе спароспи. Еданъ данъ поѣе Абдалла
 у вершъ самномъ у шешню, и по обычаю
 своме хулеѣи живопъ мой рекне ми: Сыне
 мой, добро самъ примѣшио, да су ши сва
 моя опоминанія несносна само, и да ше ни
 мало не поправляю; Скорымъ ѣешъ шы опъ
 несносногъ надгледателя овогъ освобоѣенъ бы-
 ши. Смерть ни е веѣъ далеко опъ мене; я
 ѣу у бездну вѣчноспи ушонупи, и велико
 ши богатство оставиши, чувай се добро, да
 га злонеупошребишь; ако ли ше пакъ не-
 среѣа пошера, ше га распешъ, а шы при-
 бѣгни къ овомъ дрвешу, што у средъ верта
 видишь, вежи за єдну опъ нѣговы грана ядно
 какво уже, па избѣгни шимъ начиномъ одъ
 свію незгода, кое узъ сыропыню иду.

И заиста, онъ накрашко за шимъ умре,
 као што е и предсказао быо. Я га велелѣп-
 но погребемъ, и узмемъ онда имѣніе нѣгово
 подъ мою руку. Наѣемъ сумму грдну, и
 помыслимъ, садъ се могу свободно наклоно-
 спи

спи моіой къ веселю предаши. Умножимъ дакле число служителя мои, и привучемъ свѣграда младиѣ къ себи; часпи самъ чинію, и падао у свакояку раскошносшь, шако, да мало по мало Очинсво мое изпрошимъ. Пріяшелъи ме наскоро осшаве, а служительи мои сви еданъ за другимъ опиду опъ мене. Каква промѣна у спаню моме! духомъ клонемъ опоминяюѣи се, ал' касно, последньи мудры речій опца мога. Ахъ! повычемъ, како ли самъ здраво заслужанъ жалосшногъ овогъ, у комъ се налазимъ, спаня мога; — ша зашто я непослуша мудра Абдаллиногъ поученія? Ни е оно безосновно было, шшо ми имѣніе сачуваши препоручиваше. Та има л' свирѣпіегъ спаня, него кадъ онай човекъ нужду терпи, кой зна шша е избыліе. Но последньій му поне совѣтъ презрѣши не ѣу; да самъ живошъ себи узмемъ, ако до скудосши доѣмъ. Ево самъ веѣъ dospѣо, и совѣтъ ѣу му послушаши, кой е онако исто мударъ и полезанъ, као и другій шшо е; еръ ако куѣу, коя ми іошпъ одъ свега препиче, продамъ, шо ѣе ми едва нѣколико година само праяти, да се изранимъ, па шша ѣе онда самномъ быши? Принужденъ ѣу быши милостыню просиши, или опъ глади умреши. Шша садъ да изберемъ! ша болѣ ми е шаки се обѣсипи, еръ бержимъ пушемъ душу одъ свирѣпы мыслий тій опросиши не могу.

То рекнемъ, па поѣемъ уже купиши, и похишамъ у вершъ. Приближимъ се къ дрвешу,

вешу, кое заисша къ концу моме верло способно быши виѣаше се; довалямъ подъ нѣга два велика камена, попнемъ се на нѣи, пружимъ руке, па уже за велику едну грану вежемъ, пошомъ другій край око врата спегнемъ, описнемъ исподъ ногу каменѣ, и полюлямъ се у воздуху. Замка, кою самъ швердо замкнуо было, удавила бы ме была; но грана се, за кою ядно уже везано бѣше, прешезаюѣемъ е шерешу успупляваюѣи, одъ шпабла одломи, и самномъ о землю лупи.

Съ почепка се весма смупимъ, што самъ се бадава трудіо обѣсипи се; но погледавши на грану, коя ми шако рѣаву услугу учинила бѣше, спазимъ на велико мое удивленіе, гдѣ нѣколико драги каменя изъ нѣ испадоше, и та е и она, и цѣло шпабло издублѣна. Попишамъ у куѣи сѣкиру попражипи, и подѣчемъ дрво, кое рубінима, смарагдима, и другимъ драгоцѣностима напуцѣно наѣемъ. Берзо замку съ врата отрѣшимъ, и съ очаянія преѣемъ на живу радоснѣ.

У мѣсто да се преѣашномъ раскошномъ живошу опешъ предамъ, опважимъ се, шерошину Опца могъ предузети. Ни самъ неѣжа было у нѣой, и могао самъ се здраво наѣаши, да ѣе ми добро за рукомъ поѣи. Сошзимъ се дакле съ два друга Гувелѣра Багдадѣка, кои у мысли бяху съ шргома своимъ у Ормѣ поѣи. Тако сва три поѣемо у Базру, гдѣ лаѣу погодимо, и навеземо се у заливу, ме града шогъ на себе носеѣемъ.

Живили смо у најболѣмъ согласію; а ла
 ѣа намъ, поспѣшнымъ вѣспромъ шерана, лаг
 ко паласе просѣцаше. Нѣколико дана у ве
 селю проведемо, и пушъ намъ се плавані
 веѣ скоро свершио бѣше, кадъ ме оба мо
 терговине содруга на весма грозный начин
 поуче, да се ни самъ съ отвѣѣ чешным
 людма сдружіо. Готово смо до края залыва
 допрли были, и скоро на суво да изаѣемо.—
 То насъ развесели, и у шой веселоспи не по
 шпедимо ни найизбраніегъ вина, съ коим
 смо се у Базри снабдѣли были. Я се добр
 поднаіемъ, и заспимъ око полноѣи, сасвим
 обученъ на Софу легнувши. Текъ што дру
 гови мои виде, да самъ дубоко заспао, а он
 ме у наручія своя узму, и хитше крозь про
 зоръ лаѣе у море. У морской ми е бездн
 смершъ наѣи шребало, и не докучуемъ, ка
 ко е могуѣе, да и послѣ чудна шогъ догаѣа
 живимъ; — но море се бѣше узволновало,
 паласи, као да имъ Небо прогуташи ме з
 бранѣваше, опнесу ме на подножіе нѣко
 брда, кое съ ѣдне спране у пристанище уд
 раше. Шпа іошпъ выше, я се наѣемъ с
 свимъ здравъ и неповреѣенъ на морскоме бр
 гу, гдѣ остапакъ ноѣи у благодаренію Бо
 за избавленіе мое, комъ се довольно начуд
 ши не мого, проведемъ.

Чимъ сване, узпужамъ се съ великом
 мукомъ на вершину брда, кое верло шпр
 ношпе ошѣке имаѣаше. Тамо наѣемъ мно
 изъ сосѣдспива землѣдѣлце, кои се съ одлам
 нѣмъ

нѣмъ крїстала изъ ушробе брда занимаху, и попомъ га у Орму продаваху. Приповѣдимъ имъ, изъ какъве е опасности живопъ ми мало часъ умакнуо, и шо се нѣима, као и мени чиняше, да е се само чудомъ каквымъ збыши могло. Добре ове душе, имаюћи соучастіе са судьбомъ моіомъ, подѣле самномъ ело свое, кое се изъ Пиринча и Прое сосстояше, и опведу ме у великій градъ Ормъ, чимъ переше свое крїсталомъ наповаре.— Я опидемъ у госпилницу да пребывамъ, гдѣ первый у очми падшій предметъ еданъ опъ мой содргува бѣше.

Онъ се чиняше весма зачуѣенъ быши, видѣћи човека, о комъ мысляше, да е давно морскомъ каквомъ чудовищу рана бѣо, и похипа содругове свое пошражиши, да имъ пришествіе мое яви, и съ нѣима се договори, како ѣеду ме предусрѣспи. Верзо се они ушомъ согласе, и мало за шимъ ешо пи едногъ за другимъ у дворъ, у комъ самъ сшояо. Проставши мимо мене учине се, као да ме нигда видѣли ни су.

Ха! издапелъи вы, выкнемъ, Небо е пакостну намѣру вашу осуепило,— ево ме, іошпъ супротъ вашей свирѣпости живимъ, шаки ми драго мое каменѣ дайше, не ѣу выше да самъ съ шако гаднымъ зликовцыма у союзу.

Умѣсто да се на речи мое заблену, намерште се они люшишо, и безъ свакогъ ми спыда, о шы лопове бѣдный, рекну; шы ва-

ралицо една! тко си ты, одкудъ си? какво е драго каменѣ? какво теби принадлежеѣ имѣніе у насъ?

То рекну, па ме изудараю нѣколико пупа съ шшапомъ, а кадъ имъ почнемъ прешипи, да ѣу ій Кадіи тужипи, ухипре они пре мене, и ошиду къ нѣму. Поклонивши му се до землѣ, и давши му драгоцѣносши нѣке на поклонъ, кое су на шай конаць може быши опъ мои собспвены понели, рекну му: Буктыньо правде! Свѣшило, кое таму неправде разгонявашъ! къ теби прибѣгавамо; мы смо слабачкіи спраноземцы, кои смо съ край свѣта у послу нашемъ терговачкомъ овамо дошли, е ли садъ дакле право, да насъ разбойникъ еданъ вреѣа, и хоѣешъ ли дозволиши, да намъ онъ са злымъ своимъ измышленіемъ оно опима, шшо смо мы са тысуѣу мука, и са опасностю живопа нашегъ приобрѣли?

Тко е шай човекъ, запыта *Кадія*, на когъ се тужипи?

Господару, опговоре издайницы, мы ни ти га познаемо, ниши смо га кадъ видѣли.

У шай махъ приспѣмъ я къ судіи, а они, чимъ ме смопре, повычу изъ гласа: ево га, Господару, ево кукавице и безсрамне злоѣе, кой е доста безочанъ у палапу твою доѣи, ниши се бои погледа швога, кой бы требао, да кривце плаши. Великій Судіо! прійми се невиносши наше.

Я се къ *Кадіи* приближимъ, да и я шшо рекнемъ, но не имадо поклонъ какавъ да му
пру-

пружимъ, и шако ми невозможно быше са-
слушаня кадъ нѣга добыши. Тихость и по-
шоянство мое, кое ми свѣдокъ быше совѣ-
сти, чиняше се занешеномъ духу нѣговоме
доказателство безспыдности, те шаки слу-
жишельима заповѣди, да ме у шамницу ошве-
ду. Они по почно испуне. — Докле самъ я
у оковы быо, враше се нѣгдашии други
мои побѣдоносно у гостилницу, твердо мы-
слеи, да те ми веће чудо нужно быши, да
изъ руку Кадійны избѣгнемъ.

По свой прилицы и не бы я шако лагко
изъ шамнице, као изъ залива морскогъ избѣ-
гао, да се и ту нѣко обстоятелство не умѣ-
ша, кое ми се повшорително као очевидный
Божіе благости знакъ укаже. Тежацы они,
шпо ме у Ормъ допрашише, случайно дозна-
ду, да самъ у шамницу бачень; соболѣзнова-
ніемъ возбуждени опиду добри люди шии къ
Кадіи, приповѣде му, како су ме нашли, и
све му ясно размерсе, шпо самъ имъ на брду
приповѣдао. Судія на то нѣово приповѣданіѣ
опвори очи, покае се, шпо ме саслушао ни
е, и заключи ствари той у прагъ уѣи. По-
шлѣ дакле у гостилницу попражиши оба она
перговца, но нѣи шу выше не быше; они се
лаѣе свое дограбили бяху, и веѣь опловили,
еръ и поредъ свегъ заслѣплѣнія судійногъ, не
быше ій престао живошъ мой обезпокояваши.
Нагло бѣгство то допуни увѣреніе Кадійно,
да сирѣчь я неправедно у шамницы сѣдимъ;
освободи ме дакле, и я садъ величественый
успѣхъ

успѣхъ союза мога съ честны шій Іувелѣры
познамъ.

Умакнувши и мору и правди, пребало
бы, да самъ себе као човека каквогъ взырао,
кой Небу доспа благодарити има; но у ша-
ковоме самъ се положенію налазіо, да самъ
за то слабо и маріо, што самъ живошъ са-
чувао. Безъ новаца, безъ пріятеля, безъ вѣ-
ре (*Credit*) до шогъ самъ дошао быо, да и-
ли одъ милосердія шуѣегъ живимъ, или се
глади предамъ. Изыѣмъ изъ Орма, незнаю-
ћи, шта ће самномъ быши, и поѣмъ къ
полю Дарскомъ, кое међу брдама, и заль-
вомъ Персійскимъ лежи. Тамо дошавши на-
ѣмъ карванъ Терговаца изъ Хиндоспана, кой
се ту устаніо бѣше, намѣраваюћи путь у
Ширу предузети. Я се съ нѣима одружимъ,
и маломъ послугомъ, кою самъ имъ чиніо,
добыемъ средства израниши се. Доѣмъ съ
нѣима до Шире, и ту заостанемъ. Краль
Шах-Тамасъ бѣше шада са дворомъ сво-
имъ у граду шомъ.

Еданъ данъ, идући изъ велике Мошее у
госпитлицу, гдѣ самъ обитавао, примѣшимъ
нѣкогъ Оффіцера Краля Персійскогъ. Онъ
бѣше верло лѣпогъ спаса, и богато обученъ.
Гледаюћи ме весьма примѣшлливо, Младићу, за-
пыта ме найпослѣ, изъ кое си землѣ? видимъ
добро, да си шуѣинаць, и не вѣруемъ, да у из-
обылію живишъ.

Я му отговоримъ да самъ изъ Багдада,
а што се живлѣна шиче, реқнемъ му, да онъ
верло

верло добро погађа; па му онда цѣло мое жи-
вѣе обширно приповѣдимъ. Онъ се чиняше
не само да ме внимашелно слуша, него и не-
щаспїю моме да живо соучастїе покланя.

Колико ти има година? — запыша ме.

Садъ самъ у девешнайстой, шако му оп-
говоримъ, и онъ ми за собомъ ићи заповѣди.
Идући предамноу упуши се управо у Кра-
лѣвску Палату, у кою съ нѣмъ заедно кадъ
уђемъ, опведе ме у красну опвећь собу и
запыша, како ми име? *Хассанъ*, опговоримъ
му. Послѣ нѣколико вопроса други, на кое
опговори мои задовольни му быши виђаху се,
Хассане рекне ми, злощаспїе твое мене воз-
буждава, и радъ самъ ти Отаць быши; знай,
я самъ *Капи - Ага* *) Краля Персїйскогъ.
Мѣсто едно за Пажа у *Касоди* **) празно є,
я шебе бирамъ, да мѣсто то попунишь;
ты си лѣпъ, младъ, краснообразанъ, ниши бо-
лѣгъ изабрати могу. Нема садъ ни єдногъ
Касодали ***) когъ ты лѣпымъ швоимъ из-
гледомъ, не бы надвысію.

Я *Капи - Аги* на доброти нѣговой захва-
лимъ. Онъ ме подъ защищенїе свое прїйми,
и да ми хальине, какве Пажи носе. Науче ме
свимъ моимъ дужностима, кое шако оппра-
вля-

*) Чиовникъ у Двору, кой Кралѣве себе над-
гледа, и, по ршшешствїю каквогъ Пажа, другогъ
изабрати мора.

**) Соба Кралѣва.

***) Тако се Пажи, кои су изъ Кралѣвы соба зо-
ву, они цакъ кои су изъ други соба другоячїе се зову.

вляши почнемъ, да наскоро благонаклоносшь мои надзырателя придобьемъ, и зацщипелю моме честь и радость учинимъ.

Како свимъ пажима, шако и свимъ у Двору чиновницыма подь смершномъ казнио забранѣно бѣше обноѣ по опредѣлѣномъ нѣкомъ часу у вершу Сераила заосташи, будуѣи се у шо доба често жене Кралѣве шешаху. Еданъ данъ самъ самцышь шамо будемъ, о-поминаюѣи се мои спраданиа. Скорбнымъ шимъ разсмошреніама предамъ се шако яко, да и не смошривши време пренебрегнемъ, кое є мужкарцыма за удалѣніе прописано было. Найпослѣ се изъ сшиваня мога шергнемъ, и во-ображеваюѣи себи, да опредѣлѣный часъ далеко веѣ быши не мора, понаглимъ шшо бер-же до Палаше допреши, кадъ али на савишкку єдногъ ходника *Дамы* нѣка предъ очи ми и-зыѣе. Она величественъ спасъ имаѣаше, и супрошь цѣлой помрчини ноѣной примѣшимъ, да є млада, и лѣпа.

Ты весма нагло шерчишь рекне ми, а шта те къ шоме гони?

Я основне причине мое имамъ, ошгово-римъ іой, и ако си шы изъ Палаше, о чемъ се не сумнямъ: шо ши причине те не могу быши непознаше: Ты знашь, да є мужкарцы-ма по опредѣлѣномъ времену овдѣ у вершу быши забранѣно, и да се онай са живошомъ игра, кой заповѣсшь шу пресшущипи усуди се.

Ты веѣ касно на удалѣніе швое мыслишь ошговори Госпа, часъ є веѣ прошао; — по

ты среѣи твоею благодарю, што те е овдѣ задержала, ерь безъ того не бы ме могао су- срѣсти.

Ахъ, да несреѣна мене! повищемъ, ни о чемъ другомъ, него о новой опасности, у ко- кой ми животь пливаше мысли. Зашто се я дадо да ме ноѣ овдѣ запече?

Ушишай се рекне Госпа, смущеніе ме швое вреѣа. Заръ ти се не треба; о несреѣи шво- кой ушѣшиши? погледай ме, я ни самъ спаса ружна, ниши старія одъ 18 година, а што се лица шиче, ласкамъ себи, да ми и оно на- грѣно ни е.

Лѣпа Госпо, ошговоримъ, ако ми шам- ина ноѣна частъ одну дражестій швои и са- крыва: нишша манѣ выше ій у тебе налазимъ, нежели е за обчинши ме шуждно. Али спа- ви се само у мое спанѣ, па ѣешъ заиста са- ма признаши, да е оно весьма жалосшно.

Истина е рекне она, да опасность, у ко- кой си, управъ смѣшеѣ се образе души шво- кой представляши ни е кадра, али опешъ, пропасъ твоя ни е може быши сасвимъ ша- ко извѣсна, као што е ты воображавашъ. Краль е добричина и може ти опростиши.

Тко си ты лѣпа Госпо? запытамъ е; — я самъ *Касодали* . . .

Заиста; престѣче ме она, ты за Пажа ед- ногъ досна озбыльска разсмотренія чинишъ, ниши бы ій самъ *Атемадолетъ* (великій ве- зиръ Перс:) болѣ чиню. — Бѣруй речма моимъ и не старай се за оно, што ти се супра прие-
годи-

годиши може; ты што не знашь, небо е само за себе што знаши задержало; може быти да е већь спазу какву приправило, по којой ћешь изъ сумнѣ те изшепаше се. Заборави дакле будущность, и занимай се исключительно съ настоящностью. Кадъ бы ты знао само што самъ я, и какву ши велику честь чудный овай догађай чини, умѣсто што бы сладка ова пренућа съ горкимъ разсмотреніама ожучавао., держао бы се за найсрећниегъ међу людма.

Найпослѣ улагиваня Даме те разтераю ми препеть; помышляй на очекиваюћу ме казнь мало по мало излепи ми изъ ума, предамъ се савъ ласкапелной, задапой ми надежди, и тако ни нашто выше не мысля, него прилику ову упопробити. Загерльимъ дакле Госпу вапрено, но она далеко одъ шога да нѣжность мою возврапи, опскочи опъ мене выкаюћи изъ гласа, и на ма' укажу се 10. до 12. женски, кое у чоповы сакривене разговоръ нашъ слушаху,

Садъ самъ већь лагко разумѣши могао, да е се Дама, коя ме онако любезно предусрѣте, самномъ само пишрала. Вообразимъ себи да е што робкиня каква *Принцезе Персійске*, коя за развеселеніе свое спварь шу самномъ почела бяше. Све іой Госпе на выку нѣну гроотомъ смѣюће се похишаю у помоћь, и наћу е, гдѣ мало одъ спраха, кой самъ іой прицино, деркће,

Кале-Каіро, рекне іой една опъ нѣи, и-машъ ли волѣ, скорымъ се опешъ шако заба-вляши?

Немамъ, не, опговори *Кале-Каіра*; не ѣе ми се по другій пушъ шо збыши; я самъ за пытолюбіе мое доста наплаћена.

Садъ се робкинѣ око мене скупе, да ша-лу свою са недоумѣніемъ моимъ проводе. Пажъ овай, рекне една, нѣшто е мало ва-шренъ, и за дѣла залюблѣна роћенъ. Ако кадъ сама ноћу у верпъ шешаши се доћемъ, желила бы, да ти каквогъ лућегъ одъ нѣга не наћемъ.

Ако самъ и быо пажъ, нишпа манѣ под-смѣхъ нѣіовъ свакогъ шренућа недоумѣніе ми повышаваше, и само самъ съ шугомъ по-вшораваяуће се кликошанѣ нѣіово слушао. Да су ме задиркивале, па да самъ преко выше спрашльивъ быо, не бы се већма спыдиши могао.

Нѣколико имъ се и примѣчанія подкраде о часу удаленія изъ верша, кой самъ часъ я пренебрегао быо; рекну, да бы шкода была, кадъ бы пропаши морао, а и заслужуемъ да ми живопъ избеае, будући самъ услугама женскимъ верло преданъ. Напослѣдку окрене се она, кою самъ чуо да *Кале-Каіромъ* зову, къ другой нѣкой, и рекне: Ты си Принцезо, коя о судби нѣговой шреба да заповѣдашь; хоћешъ ли дакле да га жалостной шой судби нѣговой осшавимо, или да му помогнемо?

Треба

Треба да га изъ опасности, у кою є пао, спасемо отговори Принцеца, я хоћу да онъ живи и іошпъ шта выше, да се чудногъ догађая тогъ дуже опоминѣ, учинит' ћемо му га іошпъ пріятніимъ. Отвѣсти ћемо га у мое собе, за кое се до данашнѣгъ дана іошпъ ни какавъ мужкараць похвалиши не може, да ій є видѣо. Таки се удале двѣ робкишѣ, да женско одѣло донесу и мени га предаду. Обучемъ се у нѣга, и помѣшавши се у свитиу Принцезину, одпратимъ є у собе нѣне, кое многимъ мирисавымъ свѣћама освѣтлѣне и сладка мириса пуне бяху. — Собе ми се те шако богато и скупощно украшене быти виђаху, као и Кралѣвске; злато и сребро скоро зыдове закланяше.

Ушавши у Собу Принцезе *Зеліке-Бегхуме*, уочимъ на средъ нѣ на ћилиму 15. или 20. велики четвероуголны сѣдишша одъ Брокаде у наокругъ помећаны. Све се Госпе на нѣи посаде и мене понуде да и я сѣднемъ. Онда *Зеліка* заиште штогодъ къ опоравленію, и на ма' шестъ стары не башъ тако богато, као оне што сѣђаху обучены робкиня изыђу, подѣле међу насъ бѣлосвилне мараме, и мало попомъ донесу у великимъ одъ зелена порцелана чиніяма салапу одъ згрушеногъ млѣка, сока цѣпронскогъ и изрѣзаны красшаваца справлѣну. Донесу припомъ кашику єдну Принцези изъ кокносова клюна изрѣзану, и она перва пуну кашику салапе узевши єђаше, да послѣ кашику первой съ де-

сна до нѣ сѣдехой, она по исто, што и вла-
дѣтельница нѣна учини, и тако се цѣло друж-
ство уоколо съ ономъ испомъ кашикомъ по-
служи, докъ у чини ништа не остане. Он-
да намъ б. оны робкиня чисте у кристал-
нымъ чашама всде донесу.

По ужини той забава тако весела поста-
не, као да смо вина и воде одъ урмій пили.
Кале - Каира, случайно или мож'да хошими-
це (по не знамъ) наспрамъ мене сѣднувши,
погледаше ме кадкадъ осмѣиваюћи се, и чи-
няше се, као да ми очима показуе, да ми ону
у павишу верша вапреностъ опрашта. А и
я самъ често очи на ню бацао, но увѣкъ самъ
ий таки на землю обарао, чимъ самъ смотрѣо,
да на мене гледаше. Ако самъ се што болѣ
могу и спарао да се крѣпкогъ духа покажемъ
и забуну мою сакрыємъ, ништа манѣ у ве-
ликомъ самъ недоумѣнію быо. Принцеца и
нѣне дворянке по добро примѣте, и покушаю
ободрити ме.— *Зелѣка* ме за име запыта, и
одъ кадъ самъ веѣъ Пажъ у Касоди. Почемъ
пышлюбію нѣномъ удовлетворимъ, рекне ми:
Хассане не плаши се, заборава да си у соби,
у кою е мужкарцыма доѣи забранѣно, забо-
рава да самъ я *Принцеца Персійска*, разгова-
рай се съ нама, као да си у дружству съ ма-
лымъ гражданскимъ изъ Шире кѣрма, по-
гледай редомъ све ове дѣвойке, али внима-
тельно погледай и право кажи, коя ни се
одъ насъ свію најболѣ допада.

Умѣ-

Умѣсто да ми *Принцеза Персійска* речма шимъ повѣреніе улые, умножи она недоумѣніе мое тако яко, да іой ни коимъ начиномъ отговорити не умѣдо.

Добро знамъ *Хассане*, настави она далѣ, да спварь одъ тебе ишшемъ, коя те кисело спае; ты се безъ сумнѣ плашишь, ако се за одну изяснишь, да ѣеишь све друге увредити, но та те брига не треба ни мало да вара. Мое су *Дворянке* све тако тесно скопчане, да ій ты раздвоити у спаню ни си. Погледай насъ све, и кажи намъ, кою бы ты за повелительницу избрао, кадъ бы ти бирати допушено было.

Премда робкинѣ *Зелікине* совершенно лѣпе бяху, а и *Принцеза* се сама великимъ отличіемъ хвалиши могаше, ништа маѣ, сердце мое, безъ да бы се колебало отсудно буде за лѣпошу *Кале-Каіре*; но я чувствованіе мое, кое ми се чиняше да бы *Принцезу* увредило, сакрыемъ, и рекнемъ: *Зеліка*. Она се ни коимъ начиномъ съ *дворянкама* своима успоредиши не може, ерь е нѣна лѣпоша тако велика, да бы свагдѣ, гдѣ бы се годъ само указала, човекъ за ню очи имати морао.

При шимъ речма задержати се ни самъ могао, да *Кале-Каіру* на нѣкій начинъ не погледимъ, кой іой доста ясно отккрые, да е само ласканіе речи ми те изчупало, а и *Зеліка* погледъ шай примѣши. *Хассане* рекне она, ты си худый ласкашель, но я желимъ одъ тебе чистосердечія; я самъ увѣрена да

ты сасвимъ другоячіе мыслишь, него што си садъ рекаѳ; учини ми шу радость те испину кажи, опвори намъ внушренность сердца швога, све те мое Дворянке за то моле, — та веѳегъ намъ повольспва учиниши не можешъ.

И заиста све Робкинѳ на мене нападну, да желю владѳшельке имъ испунимъ, а осимъ свію Кале - Каира се најжельнїя покаже, да усша опворимъ, као да е іоштъ напредъ знала, да ѳе се изреченїе мое нѳ највеѳма конуши.

Я се најпослѳ прекомѳрной молби нїювой попустимъ, надвладамъ страхъ мой, и окрешемъ се Зелїки, Принцезо, рекнемъ іой, гошовъ самъ заповѳсть ши испуниши; — не возможно ми е пресудити коя е овдѳ меѳу вама најлѳпша, ерѳ сте све за удывленїе лѳпе, но *Кале - Каира* е само любведостойна, за кою яку наклоность чувспвуемъ.

Едва што речи те изрекнемъ, а робкинѳ се гроопомъ засмѳю, безъ да и на єдне лицу најманѳїй знакъ неповольспва смотриши баше, ниши се освѳспиши мого, еда ли самъ буданъ, или самъ меѳу женама.

Зелїка, умѳсто да ми покаже да е изреченїемъ моимъ увреѳена, рекне ми: весьма самъ задовольна, што си *Кале - Каиру* опличїя шогъ удостоїо. Она е моя любимица и швой ми изборъ доказуе, да ши вкуса не оскудѳва. Ты іошниъ и не познаешъ сву важность особе. кою си избрао, и мы све, као

што

што насъ овдѣ видишь, признаемо ти весьма
радо, да ни полакъ вредне ни смо, као она.

И Принцепа и Робкинѣ шалише се съ *Кале-Каиро*, збогъ побѣде, кою лѣпоша иѣна
придобыла бѣше; она пакъ на шо съ вели-
комъ мудросцю опговараше. Послѣ шогъ
заповѣди *Зелѣка* врулу донети, и преда е лѣ-
пой робкинѣи, говореѣи: де! *Кале-Каиро*,
покажи Любовнику шоме, шша е вешшина швоя
кадра. Она удеси у врулу свирку, пѣваюѣи
узъ ню одну ошъ найлѣпши *Хафѣцовы* Ода,
овако:

„Свѣшли свѣшла круно землѣ испредъ лѣпы дѣва ты!
А вы сердца грабишелѣи, сви носите данакъ нѣой!
Тренешъ пада на младиѣе кадъ ше с' сыши нагледе,
Не Хиндоспанъ, нег' и Хина цѣну ш' кудрам' подае;
Зрачно ш' лице юшпъ миліе, него зора смѣши се,
Веѣма ни е полноѣъ шамна, него коса шпо ши е;
Но и изъ ше пече мени живешъ, сила, шамнине,
Ерь е' ты моіой прибавила сердца больи ушѣху.
Ахъ живоша како съ шол'ко сладкимъ медомъ пучину
Нацаяду уста швоя? одъ шеѣера Егѣпта
Позаймлюю устне швоѣе сву колику сладину.
Зашп' с' разкидашь, мой живоше, са сердцащемъ
так' швердо,
Са шимъ сердцемъ, шпо-и прошніе, него крѣсталь,
спворено?
Као за еломъ, так' за любовомъ швоіомъ гине *Ха-*
фѣцѣ младъ,
Ахъ да б' могао, робе вѣрный, прахъ при ногу швою
быш'!“

Колико е мало сама по себи пѣсма ша на
отношеніе наше возношенія имала, нишша
манѣ сасвимъ самъ восхищенъ быо, а кадъ
Кале-Каира нѣжный погледъ на мене бацы,
будемъ шолько изванъ себе, паднемъ на едан-
пушъ

пушъ заборавивши *тко?* и *гдѣ самъ?* предъ
ноге нѣне. Посшупакъ шай ново кликошанѣ
причини, кое дондѣ не престаде, докъ спа-
ра нѣка робкиня не дође, и не яви намъ, да ће
скоро сванупи, и да ни е выше времена про-
пусшипи, да ме изъ Харема удале.

Зеліка и *Дворянке* нѣне помысле садъ са-
мо, како ће ду оппочивати, а мени *Принце-*
за за шаромъ иѣи заповѣди, коя ме крозь
многе ходнике, и тысуѣу заилазака на мала
една врапаоца, одъ кои ключъ имаѣаше, до-
веде. Опвори ми ий, я изыѣемъ на полѣ и
примѣшимъ, кадъ свиташи поче, да самъ из-
ванъ Палаше кралѣвске. Послѣ нѣколико ча-
сова опидемъ опешъ къ моимъ друговима.
Ода - Баша *) ме запыта, зашто у Пала-
ши ноѣю ни самъ? Задержао ме е, рекнемъ
му, еданъ мой *Пріятель*, шерговаць изъ *Ши-*
ре, кой башъ овай часъ у *Базру* са *Фамилі-*
омъ опиде; съ нѣимъ самъ ноѣу у пиѣу про-
вео. Онъ ми шо повѣруе, укори ме мало, и
шако се избавимъ.

Чудный догаѣай мой веѣма ме е восхища-
вао, него да самъ га заборавипи могао; при-
ведемъ сва ноѣи оне у свакомъ шренуѣу збыв-
ша се и найманя обстоятелства, коя се су-
штиности моіой улагиваху, у памешъ, и за пре-
реѣногъ се держа, извѣстно знаюѣи, да самъ
внимашелность *Фаворішке* *Принцезине* на себе
при-

*) *Верховникъ* надъ *Пажима*, на комъ спои ка-
зниши ий, кадъ што погрѣше.

привукао. Послѣ осамъ дана ешо ти шкопаца єдногъ на врата касоде, кой рекне да ме жели видѣти. Я му се приближимъ, да искусимъ шпа ѣе?

Зовешъ ли се ты *Хассанъ*? запыта ме Шкопаць; а кадъ му рекнемъ: *єсть*, списне ми онъ писмо єдно у руку, и шаки умакне. Писано ми бѣше, ако волю имамъ ове ноѣи опеть у верпу *Сераїла* послѣ опредѣльлогъ часа на ономъ испомъ мѣсту, гдѣ самъ последний пупъ бѣю, наѣи се; по ѣу шамо лице єдно зашеѣи, кое є весма чувспвишело за опличіе оно, когъ самъ га измеѣу свію *Прінцезины* *Дворянкій* удостоію.

Премда самъ іошпъ пре себи вообразію, да *Кале - Каїра* нѣку наклоноспъ къ мени има: ал' опеть никако я писма одъ нѣ оче кивао ни самъ. Опоењь среѣомъ моіомъ, за молимъ *Ода - Башу*, да ми допусши *Дервиша* єдногъ изъ *Опечеспва* мога посѣшпи кой онай махъ изъ *Мекке* као дошао бѣше. Онъ ми дозволи, а я онда выше самъ лепію него ишао у верпъ *Сераїла*, гдѣ кадъ до ѣемъ, сакрыемъ се, докъ ноѣ не наступи. Што ме є первый пупъ време преварило, чисто пролетило: по ми се опеть садъ и прошивъ чиняше, да се сасвимъ не миче. У живой жельи обеѣаны радостій, мыслію самъ да часъ забранѣный не ѣе веѣъ выше ни до ѣи. Но опеть онъ приспѣ, и мало за шимъ спазимъ єдну *Госпу*, кою по спасу шаки по знамъ, да є *Кале - Каїра*.

Пунъ

Пушь радости и восхищенія приближимъ
іой се, паднемъ предъ ноге нѣне, и ошпанемъ
лице на земли держеѣи, безъ да словца про-
говорити мого.

Успани *Хассане*, рекне она, я самъ ра-
да знати, еда ли ме любишь: да ми пакъ
шо освѣдочишь, нужна су іошпъ друга до-
казашелспва, осимъ шогъ нѣжногъ ѣушаня.
Кажи ми безъ сваке припворности, е л' мо-
гуѣ, да си ме краснію нашао, одъ мои дру-
гарица, и одъ саме Принцезе *Зеліке*? могу л'
я вѣроваши, да ми є сердце швое наклони-
шіе, него свима нѣима?

Не сумняй се о шоме, любведостойна
Кале - Каіро, рекнемъ іой; іошпъ пре, не-
го што ме Принцеза и Госпе нѣне напераше,
да се о шеби и нѣима изяснимъ, сердце є се
мое за шебе ошсудило было. Одъ среѣне оне
ноѣи ни є ме ни єдно шренуѣ лѣпый об-
ликъ швой оставіо, и шы бы, да ми башъ
нигда умиляпа погледа поклонила и ни си,
опешъ у уму моме непрестано была.

Я самъ восхищена, возрази *Кале - Каіра*,
шшо самъ у шеби шако жестоку любовь за-
жегла, ерь шшо се мене шиче признаши ши
морамъ, да и я велику къ шеби наклоность
осѣхамъ; швоя младость, и швой лѣпый
спасъ, швой живой и сыйный разумъ, и може
быти іошпъ выше, него све шо, опличіе,
когъ си ме преко свію дѣвояка удосшоіо,
учишило ше є у очима моимъ шполиво любве-
доспойнымъ, да се и самогъ шогъ признашел-

спива, кое ти данасъ даємъ, не плашимъ, — но, ахъ! драгій мой *Хассане*, придода уздысаюћи, я не знамъ ил' да се збогъ любовногъ тогъ надъ побомъ побѣжденія радуемъ, или да то као стварь какву смапрамъ, коя ће нещаспіе живопу моме нанепи.

Како, Драга моя, рекнемъ іой, како можешъ у средъ восхищенія, кое ми присупсивіе швое причинява, тако цернымъ предчувспивованіяма мѣста дапи?

Ни є шо ни какво предчувспивованіе, опговори *Кале — Каіра*, ниши є безосновна каква брига, шшо у шренућу овомъ радость нашу узбунює; сузе ове премного узрока свои имаю, ниши шы погодиши можешъ, шша мене мучи. — Принцеца те *Зеліка* люби, скорымъ ће она препону, племеномъ іой на пушъ спавлѣну, разкинуши, и срећу швою теби обявиши, — ако ти она призна, да си срећанъ, и допадашъ іой се, како ћешъ шы сйину побѣду шу швою дочекаши? — хоће л' любовь швоя къ мени доста яка быши, да чеспи, перву Принцецу у свѣшу за любовцу имаши, прошивуспанешъ?

Хоће! драга моя *Кале — Каіро*, прекинувши іой речъ рекнемъ, шы ћешъ побѣду надъ *Зелікомъ* одержаши. О, да бы небо да ло! да іошшъ ужаснію соперницу имаши можешъ, да видишь, како нишпа у спаню ни є вѣрно сердце, кое є се теби већ едареді сасвимъ предало, поколебаша. Да башъ *Шаш-Тамасъ* сына, кой бы му престіола наслѣд

никъ было нема, и да бы се кралѣвства Персійскогъ одрекао, да га зету вручи, па да бы одъ мене зависило, да я то будемъ, драговольно бы велику ту честь прегорео, едине само среће ради, шебе да задобьемъ.

Нещасный *Хассане*, рекне на то Госпа, кудъ ли те спрасъ твоя вуче? — Каква ми ужасна увѣренія о любви твоей даешъ? ты забораляшь, да самъ я Принцезина робкinya. Ако ты доброту иѣну съ неблагодарностию замѣнишь: то ѣшь яросъ иѣну на главу намъ навуѣи, и мы ѣмо обое пропасти. Много е болѣ овако: я те сильной шако соперницы уступамъ, и то е едино избавленія нашегъ средство.

Ни е, не! опговоримъ живо, друго има средство, кое ѣу у очаянiю найпре и найпре избрати. Я ѣу изъ Двора опиѣи, и одлакъ шай, бранимъ ѣе те одъ *Зелкине* люпоши; она ѣе ши покой швой поврапити, и докле ты мало по мало несреѣногъ *Хассана* узабораляшь, онъ ѣе по пустынямъ блудити, и край свои спраданія пражити.

То ме, што самъ iой говорю, шако преиспуни, да Госпа сожаленія о шуги моeй почувствуе. Престани *Хассане*, рекне ми, престани одъ прекомѣрне шуге те; ты се варашь, и видишь ми се заслужанъ быти, да те обавѣшимъ: Я ни самъ Робкinya *Зелике* Принцезе, него я самъ сама *Зелика*. Ону ноѣ, кадъ си у собама моима бью, издала самъ се я за *Кале-Каиру*; а *Кале-Каиру*

си ты мѣсто мене держао. То рекне, па Госпу одну зовне, коя кадь иза нѣки Купарисса, гдѣ се скрыла бѣше, изаѣе, познамъ ямачно у Робкини той Госпу, кою самъ за Принцезу Персійску держао.

Ето видишь *Хассане*, рекне Зеліка, то е права *Кале - Каира*; я іой име нѣно враѣамъ, и узымамъ мое собствено напрагъ, ниши ѣу се выше одъ тебе крыши, ниш' ти величину побѣде твое ушаивати. Ако ты и имашъ выше любви него поносишоспи, то самъ опешъ освѣдочена, да безъ нове нѣке радости не докучуешъ, да е оно Кнегиня една, што те люби.

Я пакъ рекнемъ іой, да прекомѣрну среѣу мою поняти ни самъ кадаръ, и како самъ заслужио, да она са верха величине свое на кой ю е судьбна попела, къ мени се низпусти, и мене изъ *Ништа*, къ себи возвыси, за недостойна се среѣе такове изявимъ, збогъ кое бы ми найвеѣи свѣта Царевы завидѣли. На послѣдку збунѣиъ, и восхищенъ добротомъ Принцезиномъ пролыемъ се савъ у најяснѣя увѣренѣя благодарности мое, но она ме пресѣче говореѣи, *Хассане*, престани се томъ чудити, и высоко оцѣнявати, што ти чинимъ. — Гордостъ мало силе има надъ затворенымъ женама. Мы безъ прошивленѣя за чувспивованѣяма сердца нашегъ идемо. Ты си любведостоянъ; ты си ми се допао; и то е доста было, да ти любовь мою обезбѣди.

Цѣлу гошово ноѣ шетаюѣи се, и о любви нашей говореѣи, проведемо, и заиспа и данѣ бы насѣ у вершѣ застао, да се *Кале — Каира*, коя съ нама бѣше, не спараше опоменути насѣ, да е време распати се.

Здравствуй *Хассане*, рекне Принцеца, пре, него што одѣ нѣ опидемѣ, мысли о мени не престано; мы ѣемо се опешѣ видѣши, и я ши скорымѣ доказаши обѣѣавамѣ, колико те высоко уважавамѣ.

Я на то предѣ ню паднемѣ, да іой за тако ласкашело обѣѣанѣ благодаримѣ. По весма нѣжномѣ распанку изведе ме *Кале — Каира* онымѣ испымѣ заходцыма, кудѣ самѣ первый путь ишао, изѣ Палате кралѣве.

Люблѣнѣ одѣ племенице Принцеце, кою самѣ миловао, и у сладкой надежди исполненія обѣѣаня нѣногѣ, предамѣ се онай данѣ, и послѣ нѣга найпріятнѣимѣ мыслима, кое се радостномѣ, усреѣenomѣ уму представи могаху. Могло е се онда реѣи, да самѣ совершенно среѣанѣ человекѣ на земли, да ме іошпѣ кадкадѣ беспокойство и желя Зеліку опешѣ видѣши, не мучаше. Я самѣ у ономѣ веѣ положенію быо, кое залюблѣнымѣ найвеѣе наслажденіе причинява, то естѣ спаяо самѣ на тренуѣу, кое ѣе ми желѣ мое испуниши, кадѣ ал' непредвидимый случай нѣкѣй съ єднымѣ ударомѣ све ми горде надежде уничшожи. Чуемѣ гдѣ приповѣдаю, да е се Принцеца Персѣйска разболѣла, а послѣ два
дана

дана пукне гласъ смерти иѣне у кралѣвомъ Двору. Я ужасну шу вѣспѣ вѣровани не хпѣдо, ниши ми се сумня пре оконча, докъ и велелѣпный спроводъ приправлѣнъ не видимъ. И я самъ, соучастникъ будемъ спровода шогъ, кой слѣдуюѣимъ редомъ поѣе:

Сви Пажи одъ 12. соба ишли су напредъ, и бяху одъ главе до кукова голи. Една часъ одъ нѣи раздираше руке, за доказаши шугу свою и ревность, друга пакъ писмена у шѣлу изрезиваше; а и я лѣпу шако прилику не пропустимъ, пошайной шуги, коя у сердцу моме свирѣпшвовање, узде опшустити, гребѣо самъ се по шѣлу све шако, да е кровь пошокомъ извирала. Надзирашѣли наши иѣаху за нама лаганымъ коракомъ, и съ важности пунымъ погледомъ. Они имаѣаху дугачке одвыѣне копрлѣ одъ Хинезскогъ папура на шурбанима своимъ ушверѣене, на коима мѣспа изъ корана, и спѣхови на похвалу Принцезину списани бяху, и кое они са спрахочитаніемъ, и скорбнымъ гласомъ произношаваху.

За нѣима долазаше шѣло Принцезино у сандуку одъ санделдрвѣна, споеѣемъ на носилама одъ слонове кости. Дванайспѣ найопмѣнни Персіянаца носили су шѣло, а 20. Принцева одъ колѣна *Шах-Тамасновогъ* держали су, свакій за еданъ край, за сандукъ привезаногъ гайшана. Дворянке су све за сандукомъ ишли яукаюѣи ужасно. А кадъ мертвацъ

пваць до гроба донешень буде, свакъ вы-
каши почне: *Лаилла! иллалла!* *)

Конаць поржеспива шогъ видѣо нисамъ,
еръ прекомѣрна пуга моя, и многопрольве-
на кровь, свале ме у дугопраюћу несвѣспицу.
Едань одъ надзырашеля заповѣди ме у собу
нашу опнети, гдѣ велику бригу употребе,
да ме повраше. Тѣло су ми съ тако особы-
тымъ балсамомъ шрли, да по испеченію два
дана осѣшимъ, да су ми се силе опоравиле,
но мал' шпо не полудимъ помысливши на не-
накнадиму шпешу мою. Ахъ *Зеліка!* гово-
ріо самъ свакъ часъ у себи, заръ си тако
обѣщанѣ швое, при последнѣмъ ми распан-
ку учинѣно, испунила? Заръ ето засведоченіе
нѣжности, кое ми даши хопѣде?

Ушѣшити се могао ни самъ, а пребы-
ванѣ у Шири тако ми несносно посшане, да
мало дана по погребу Принцезиномъ изъ Дво-
ра пошайно побѣгнемъ.

У печаль мою погруженъ, ишао самъ цѣлу
ноћъ безъ да самъ знао кудъ ѣу допрети,
или кудъ самъ радъ. Кадъ се слѣдуюће ютро
одъ хода зауспавимъ, да оппочинемъ мало,
проѣе мимо мене младъ нѣкій у сасвимъ не-
обычномъ одѣлу човекъ, па се онда къ мени
приближи, и поздрави ме пружаюћи ми зеле-
ну грану, кою у руцы носяше. Принудивши
ме

*) Обычно Персіанаца ядикованѣ при погребенію
мершваца каквогъ, кое значи: *Нема другогъ
Бога; осимъ Бога.*

ме учпивоспю своіомъ, да му даръ пріймимъ,
почне персійскимъ єзыкомъ слѣдуюће спіхо-
ве говориши:

„На колѣн'ма родительскимъ, новороженъ
младенацъ
Лежао си ты плазуки, они с' око тебе смѣшили,
Живи дакле, да нѣкада у санъ дугій заспишъ
имъ
И тихо се осмѣуєшъ, кадѣ те плазук' обко-
ле.“

Добро самъ га разумѣвао, да милоспыню
иште, но я не имадо нишпа, не мого му
дакле нишпа ни даши. Онъ пакъ мысляше,
да я мож'да Персійски не разумѣмъ, и окре-
не говорити спіхове Арапски; но видѣвши,
да му и съ шимъ не изыѣе среѣніе за ру-
комъ, и да я іошпъ непрестано прошию нѣ-
гову не испунявамъ рекне ми: Брате, не вѣ-
руемъ да сердца добра немашъ, да се на
нужду мою смилуєшъ, него шпа выше, мы-
слимъ, да ши средсва оскудѣваю, милосер-
дія чиниши.

Ты погаѣашъ, отговоримъ му, као шпо
ме видишъ ни аспре у джепу немамъ, ни-
ши знамъ кудъ главе склониши.

Ахъ яднице, рекне онъ, да шужна спа-
ня пвога! я те сожалуемъ, и пріймит' ѣу
те се. Речи те одъ човека, кой мало часъ
одъ мене милоспыню искаше, чуюѣи, верло
се зачудимъ и помыслимъ, да ѣе се помоѣь
нѣгова у молишвама, и желаніяма благимъ

состояваши, но онъ ме, бесѣду свою проду- живши, са свимъ другчіе обавѣсти.

Я самъ — тако ми рекне — едно одъ добре дѣце у щаспія, коя се Факіри зову, и ако башъ одъ дѣленя добросердны людій и живимо: тога ради опетъ у изобылію плива- мо, ерь мы умемо милосердіе людій подъ видомъ покаянія, и сердцесокрушенія, кое смо све на себе узепи вешпи, лагко возбуди- ши, и тако одъ будала богате поклоне ма- мимо. Има исшина доспа глупы Факіра, кои дѣйствително оно есу, што се мы само при- тварамо, — кои тако строга живе, да че- спю по много дана безъ ела проведу, — но мы смо нѣшто свободніи одъ нѣи, мы нисмо тако горди, да желимо добродѣтели нѣіове припяжаваши, ако само наличіе нѣіово има- мо. — Хоѣешь ли намъ содругъ быти? я самъ намѣранъ двойцу, кои су у Боспу, по- тпражити, и ако ѣешь ты четвершый бы- ти, а ты се ништа не брини, него айде за мноми.

Боимъ се, рекнемъ му, будући вашимъ молишвама навѣкнушь ни самъ, да се не ѣу као што преба владаши.

Ты се съ молишвама швоима шалишь, пресѣче ме онъ, я ши іошшь еданпушь по- впоравамъ, да мы спроги они Факіри ни емо.

Премда ми се Факірь ясно издаде, когъ су духа онъ и нѣгови содругови дѣца, опетъ се я запезао ни самъ съ нѣима сдружити се; ерь осимъ тога, што самъ се у сожаленія

достойномъ находіо спанію, научіо самъ међу Пажима не башъ отвѣть сумнипелно у дружества приспаяши. Чимъ Факіру изявимъ, да предложеніе нѣгово пріймамъ, поведе ме онъ у Боспъ, ранѣи ме пушемъ урмама, пириичомъ и другимъ єломъ, кое у градовы, и селы, кудъ смо пролазили, добыяше. Еръ, чимъ є само завыкао, да га чую, шерчали су добри Мухамеданцы и претоваривали га съ раномъ.

Тако до Боспа dospѣмо и опидемо у малу нѣку у предградію кућицу, гдѣ друга она два Факіра обышаваху; они насъ съ разширенымъ рукама прійме, и чиняху се у восхищенію быши, што самъ и я намѣріо съ нѣима живиши.

Они ме таки у шайне свое посвете, шо єспъ: науче ме лудомъ своме рогаченію, и кадъ веѣъ доспа вешпъ поспанемъ, да народъ вараши могу, даду ми єдну хальину, какву су и сами имали. — Онда самъ по граду иѣи морао, и имуѣимъ людма цвѣѣа или гранчице пружаши, и спіхове имъ чипаши. Увѣкъ самъ съ нѣшто новца куѣи долазіо, и тако мы красно и весело поживимо.

Юшпъ самъ верло младъ быо, и веѣма за веселѣмъ погинуо, нег' да бы зломъ одъ Факіра данномъ ми примѣру прошивуспаши могао. Упаднемъ у свакояку раскошность, и тако се мало по мало спомена Принцезина забравимъ, не као да іой се лице нѣно не бы често по памепи моіой вршило, и изъ сердца

да

да уздышемъ чинило; него у мѣсно слабачке осшашке шуге мое да подранжемъ, ни самъ шруда жаліо, сасвимъ іѣ уничтожиши, говореѣи Chesno у себи: зашто о Зеліки да мыслимъ, кадъ Зеліке выше нема? Башъ да цѣо живошъ у сузама исплачемъ, шта же іоѣ сузе мое помоѣи?

Тако двѣ године съ шимъ Факіріма проведемъ, и іошпъ бы дуже при нѣима остао, да ми онаѣ, што ме за нѣи везао бѣше, и когъ самъ веѣма осимъ други любіо, не предложи, да пупуемо. Хассане, рекне ми еданъ данъ, мени веѣ у граду овомъ дуго време бываши починѣ, и желя се у мени диже, проѣи и крозь друге землѣ. Я самъ чудеса одъ Кандахара града слушао, ако хоѣешь дакле самномъ иѣи: по дай да видимо, е л' ми вѣрно предсшавленіе о иѣму учинѣно. Раздраженъ жельомъ, шуѣе землѣ видѣши, или, болѣ да рекнемъ вышшомъ силомъ нѣкомъ вученъ, коя дѣла наша по ѣуди своіоѣ управля, соизволимъ на то, и тако насъ обойца осшавимо Боспъ, и прошавши крозь различне градове Сегестана, а ни у едномъ се не задержавши, допремо до лѣпогъ града Кандахара, кой съ широки зыдовы обколѣнъ наѣемо. Уѣемо у едну караванску госпилницу, гдѣ насъ, — благодареніе буди одѣлу нашемъ, кое на нами бѣше све, што насъ препоручиваше — опвеѣь любезно дочекаю. Наѣемо обшпателѣ града у великомъ движенію, ерѣ сушра данъ

шре-

пробаше имъ славиши *Булусъ* *) и приповѣдаху, да є и дворъ цѣо у послу, за показани ревность свою къ кралю своме *Фіроуцки*, єрь га сви добри люди любе збогъ правдолюбія нѣговога, а зликовцы га се међупимъ збогъ строгости, коіомъ преступленія наказує, іошпъ веѣма боє.

Као што *Факіри* свудъ ходе, безъ да имъ шкогодъ гдѣ уѣи забранює, опидемо мы слѣдуюѣій данъ у Дворъ гледати торжество, кое управъ не бѣше складно, да очи ономе засѣнява, кой є *Булусъ* крала Персійскаго видѣо. Смапраюѣи внимашелно шпа се чини, осѣшимъ гдѣ ме нѣко за раме повуче; берзо главу окренемъ, и спазимъ покрай мене оногъ *Шкопца*, кой ми у *Шах-Тамаспвой* Палати писмо одъ *Кале-Каіре*, или шпа выше одъ *Зеліке* донео бѣше.

Господару *Хассане*, рекне *Шкопаць*, я самъ ше и преко шій чудны швои хальина, у кое си се увью, познао, но премда самъ швердо увѣренъ да се смео ни самъ, опетъ іошпъ непрестано очима моима не могу да вѣруємъ. Є л' могуѣе, да ше овдѣ наѣо?

А ты? — опговоримъ я, — шпа ты у *Кандахару* радишь? Є ли и шебе смерпъ *Принцезе* Персіиске, као што є мене, у свѣшъ ошерала?

То

*) Торжество, кое се єжегодно на данъ кралѣвогъ крунисаня слави.

То ти садъ, рекне Шкопаць, казати не могу, но пыполюбію ъу пвоме удовлешвориши, ако ти є воля сутра у ово доба самомъ се овдѣ наћи. Я ъу ти ствари приповѣдаши, коима ѣшъ се дывити, и іошпѣши напредъ кажемъ, да те се яко шичу.

Я му се обѣхамъ самъ самцышъ сутра опетъ доћи, ниши пропусшимъ речъ мою одержати. Опидемъ дакле шамо, а ето ши и Цослѣдовъ приѣе къ мени, говореѣи: айде да сѣ дѣора изыѣемо, и способніе мѣсто за разкъ^{воръ} нашъ попражимо.

Изыѣемо дакле у градъ, проѣемо крозь многе улице, и спанемо найпослѣ предъ велике нѣке куѣе враша, опъ кои онъ ключъ имаѣаше; уѣемо унутра, и наѣемо верло лѣпе собе, богато у нѣима посуѣе, и красне скупощѣне ѣилиме. Съ прозора погледамъ у верло лѣпо обраѣеный вертъ, у комъ на среди корыто одъ яспісь – мармора съ наилучііомъ водомъ напунѣно бѣше.

Шша мыслишъ, Господару, запыша ме Шкопаць, є л' ти куѣа ова по вољи? Те како, опговоримъ му. Весма се радуемъ, рекне онъ на шо; юче самъ све шо, као што шу видишъ, за тебе найміо; преба ши іошпѣнѣколько само робова за послугу; опиѣи ъу да ти ій купимъ, а шы ѣшъ се меѣупимъ купати.

То рекне, па ме опведе у собу єдну, гдѣ купатило за мене веѣь приправлѣно бѣше. Тако ши Неба, повычемъ, казуй, зашто ме ова-

МО

Dr. med. Корнел Радулеску

фтизсолог

ПЕТРОВГРАД, Пашиѣева 11, - Тел. 28.

мо доведе, и какве су то спвари, што ми
ошкрыши имашъ?

Све ће ти се казаши, опиговори Шко-
паць, чимъ само мѣсто и време дозволи:
за садъ нека ти е довольно знаши, да е се
щасшіе швое яко преокренуло, отъ како самъ
те нашао, и да заповѣсть имамъ поспуна-
ти съ шобомъ, као што видишь да поспу-
памъ. — Помогне ми хальина се опроси-
ши, и кадъ у кунашило уѣмъ ^{до} жести се
молећи ме, да се не узнемирумъ.

Попайный начинъ, коимъ самном ^{до} по-
спупано бѣше, довольно ми веществова ^{ко} (Suff)
къ размышленію даде, но да самъ памени
мою напрегао, колико самъ хпѣо, — опениъ
е зато све мое мышленѣ всуе было. — Ка-
пуръ ме позадуго у купѣли сѣдипи остави
и я веѣ нестерпѣльивъ быши почнемъ, кадъ
текъ онъ доѣе, и съ нѣимъ чепыри роба, одъ
кои двойца плашнене спвари и робу; друга
пакъ двойца свакоякогъ ела донесоше.

Молимъ те, Господару, опроси ми, рекъ
не Шкопаць, и самъ се верло люшимъ, што
самъ те дуго чекаши оставіо.

Таки поскидаю робови свой шоваръ на
софу, и заузму се послуживати ме. Убри-
шу ме съ шанкимъ новымъ убрусима, па ми
онда нову одоздо скупощѣну хальину, а по
нѣой другу пурпурну обуку, и великолѣпну
ми чалму завью.

На што ли ће то све изыѣи, рекнемъ
у себи; на чію ме заповѣсть Шкопаць ова

тако двори? — Горео самъ савъ одъ желѣ, да се о шоме извѣспимъ, а по берзо Капуръ примѣши. Жао ми е одвеѣъ, рекне, што те несперпѣливоспю плѣнена видимъ, безъ да те упишаша могу. Али башъ да ми и ни е озбильски забранѣно, или да бы те, заборавивши дужносшь мою, о свему извѣспію, што ти е садъ сакривено, опетъ запо не бы ты спокойни быо; друге іошпъ яче желѣ воспослѣдовале бы чувспвованіяма тимъ, коя те садъ узбуню. Ты пре не ѣешъ, него текъ ове ноѣи оно, што знаши желишь, искусиши.

Премда самъ изъ речій роба благу само надежду церпиши могао: ништа манѣ цѣо самъ оспалый данъ у найужасніемъ станю быо, и скоро бы мыслію, да е мучніе велику радосшь, нежели жалосшь очекиваши.

Найпослѣ и ноѣъ наступи. Свуда свѣѣе упале, а особыто се постараю собу у той куѣи найлѣпшу, гдѣ самъ се съ Капуромъ на-лазіо, освѣплиши. Капуръ ме свакояко упишаваше, и свак' часъ съ увѣриванѣмъ, да беду скоро доѣи, къ сперпѣльливоспи при-воѣаше.

У нѣко веѣъ доба чусмо лупу на враты. Шкопаць опиде самъ, те опвори, и врати се съ дамомъ едномъ напрагъ, коя текъ што покрывало свое скине, а я познамъ у нѣой *Кале — Каіру*. Удывленіе мое бяше не-описано, ерь ни на каквомъ у свѣтлу мѣспу, нег' у Шири да се находи, умао ни самъ.

Господару *Хассане*, рекне *Кале* — *Каира*, ма се колико чудіо, што ме овдѣ видишь; іошпъ ѣшь се веѣма чудити кадъ чуєшь, шша ѣу ти приповѣдаши.

Како по рекне, удали се *Капурѣ* са робовы, я останемъ съ нѣомъ самъ; сѣднемо на *Софу*, и она приповѣдку свою почне овако:

Хассане, рекне, пы се валяда іошпъ ноѣи оне опоминѣшь, кою *Зеліка* изабрала бѣше, да ти се изда, и обѣѣаня оногъ, кое ши е при распанку дала, валя да ти изъ памети изгубило се ни е. Слѣдуюѣе юпро запытамъ *Принцезу*, шша е намѣрила, и какавъ е по нѣжности знакъ, кой ти е даши рада? Она отговори, да те е рада сасвимъ усреѣиши, и почешо се шайно съ шобомъ састаяши, ма іой какве опасности прешиле. Не ѣу ши слагаши; я се на чувспівованія шайна уплашимъ, и нишпа не пропусшимъ, прошивуспаши іой. Представимъ іой, да е по бѣснило само одъ *Кралѣвске* кѣери, што о теби. и мысли, и за єдногъ *Пажа* драгій свой живопъ, и чешпъ да опважи, съ єдномъ речію: я любовь нѣну са свомъ снагомъ обараши спанемъ, што ѣшь м' лагко опроспиши, будуѣи да сва моя напоминанія ни къ чему другомъ не служише, него да пламень силне любви нѣне веѣма подпире.

Видѣѣи, да ю наговориши не могу, рекнемъ іой: *Принцезо*, ни е ми можно на прешеѣе ти опаснوشي помыслиши, да се не стресемъ. Будуѣи пакъ, да те одъ *Любовни*

ка твоего ништа одштергнути не може: мора-
мо средство какво попражити, да га барь
виѣати можешь, безь да и твоей и нѣговь жи-
воть у опасностьь ставляшь. Мени е едно
само познашо, што бы любви твоей про-
бытчно было, но то е шако нѣжно, да се
едва предложиши ти усугуемь.

Говори *Кале* — *Каиро*, рекне Принцеца,
было средство шо какво му драго, не кры-
га оть мене.

Ако га се лаптиши хоѣшь, отговоримь
той, морашь се и Дворь оставити отважи-
ти, да живишь, као да ти е Небо у най-
простіемь спаню родити се благоволило. —
Сваке се чести отказати морашь, коя съ
племенородіемь твоимь узь тебе иде, — а
любишь ли ты *Хассана* довольно, да му шо-
лику жертву принети можешь?

Любимь ли га! — рекне *Зеліка*, и уздане
изь свегь сердца, — еда ли га любимь?! —
найцрня судба узь нѣга выше те ми среће
чинити, него гордый блескъ окружаюћегь
ме престола. Кажи само, шша ми е пребе-
чинити, да га сасвимь моимь назвати могу.
Я бы то безь промышляня учинити.

Кадь те већь одь теженя твоего задер-
жати не могу, быт' бы ти барь, рекнемь
той, на руку. Познаемь праву нѣку, коя
сасвимь чудесно свойство има. Ако едань
листь оть нѣ у уво мешнешь: послѣ одногь
часа посташ' те шакова, да те свакій мы-

слиши, да си мертва. Сараниш' ъеду те, а
я ъу те слѣдуюъу ноъъ изъ гроба опвесши.—

При тимъ речма пресѣчемъ ю, и выкнемъ.
О Небо! е ли могуъе, да мертва ни е? шта
л' е се съ нѡмъ збыло?

Господару, отгогори *Кале — Каира*, она
живи, но молимъ те слушай ме съ миромъ,
све ъешъ чупи, што ши знаши треба. По-
велипельница моя, — тако продужи *Кале-
Каира* свою приповѣдку, — загерљи ме одъ
радоспи, тако іой се разуманъ планъ мой
чиняше, но мало за тимъ падну іой на умъ
погребне Церемоніе, и она ми сумню свою о
возможности извершенія плана шогъ сообщи.
Я пакъ сумню ту разшерамъ, и мы планъ
нашъ овако издѣйспвуемо: Зеліка се єданъ
данъ пошужи, да ю глава люто боли, и ле-
гне у постелю. Лѣкаръ кралѣвъ доъе, и да
се превариши; пропише лѣкъ, кой Принцеза
ни окусила ни е. Слѣдуюъе дне учинимо мы,
као да е болѣспъ поячала, и кадъ веъъ за
добро наъемъ, да е Принцези двора ради оп-
чиногъ умрети пробытачно, метнемъ іой
єданъ листъ чудотворне праве у уво. На махъ
оперчимъ къ *Шахъ-Тамасу*, те явимъ, да
му къи само іошпъ нѣколико магновенія живи-
ши има. Краль се таки къ нѡй упуши, и кадъ
види, — ерь права дѣйспвія свога промаши-
ла не бѣше, — да іой се лице часъ по часъ
мѣня, смупи се яко, и почне плакати. —

Господару, рекне онда Принцеза опцу
своме, нѣжноспію те швоіомъ, кою си ми

свагда, указывао заклинѣмъ, заповѣди, да се последня воля моя точно исполни. Рада самъ, да послѣ смерти мое нишко другій опъ Дворянкій мой, осимъ *Кале — Каіре*, шѣло ми не купа, и мирисавкама помазуе. Друге мое робкинѣ некъ чести те съ нѣомъ не дѣле. Потомъ ишшемъ, да она сама перву ноѣ у гробу моме бди, и да ми ни каква друга душа шѣло сузама своима не кропи. Хоѣу, да ми ревностна робкиня та сама Пророка моли, да ми прошиву нападенія злы духова у помоѣи буде *).

Шах —

*) Последовашельи *Мухамедови* вѣрую, да, чимъ кой Правовѣрни погребенъ буде, два зла Ангела: *Мункірѣ* и *Некірѣ*, оба црна и яросшна, еданъ се великомъ гвоздеомъ ѣуломъ, а другій съ бакарномъ у вапри усіяномъ мошикомъ предъ нѣимъ прешеѣи спов. Тѣи му заповѣдаю, главу издигнуши, на колѣна насши, и милосши за душу свою опъ нѣи искаши, шпо мершваць чиниши мора. Онда живошъ опешъ добые, и преда рачунъ о дѣлма своима. Ако в Мухамеда увѣкъ чеспвовао: пошунѣ се оба та Демона одъ спыда, и збуиѣни опиду, учинивши двама другимъ Ангелима, у хальине одъ бѣле свиле обученымъ, мѣсто. Ови доѣу, да га ушѣше. — Но напрошивъ, ако Алкоранъ вѣрно исполнявао ни в, не оставе га Мункірѣ и Некірѣ; они се обрадую, да надъ нѣимъ дяволску свою яросшъ извершиваши могу. Еданъ га ѣуломъ своіомъ 10. миля дальине дубоко у землю ушера, а другій га опешъ са своіомъ мошикомъ усіяномъ извуче на полѣ. И тако га муче, докъ се Мухамеду еданпушъ веѣ не поправи, и на всеобщій соборъ не сазове све, учению

Шахъ - Тамаспъ обѣха кѣри своіой, да ѣу я сама скорбне дужности, кое опъ мене иште, извершити мораши.

Господару, рекне онда Принцеца, іошпъ шо ни є све; молимъ те іошпъ, да Кале-Каіри по смерши моіой свободу поклонишъ, и съ поклонима є оппустишъ, какви су величешва швога, и иѣне, мени свагда освѣдочене привержености, достойни.

Кѣри моя, опговори Краль, спокойна буди о свему, што опъ мене иштешъ. Кадъ самъ толико несреѣанъ, и тебе хоѣу да изгубимъ, заклинѣмъ ти се, да ѣе любимица твоя съ богатымъ поклонима, и свободна, тамо, кудъ іой воля буде, опиѣи.

Єдва што Краль бесѣду свою сверши, а права силу свою покаже. Зеліка онесвѣспше, а ошаць иѣнъ держеѣій є за мершву, опиде у собе свое, и разлье се у сузама. Заповѣди, да я сама шѣло іой купамъ, и съ мирисавкама испремъ. Учинивши шо, увьемъ Принцецу у бѣлу плащаницу, и положимъ є у сандукъ. Спроводъ се учини; — я по воли кралѣвой останемъ перву ноѣ у гробницѣ сама; све шочно развидимъ, да се какавъ издатель гдѣ сакрыо ни є, и не нашавши никогъ, пробудимъ владѣшельку мою изъ снѣ мертвогъ, она изыѣе изъ сандука, я ю у
хальи-

нію иѣговомъ на земљи принадлежавше. Онда ѣе ій Онъ избавиши, и у соборъ шай пріймиши, будуѣи имъ є шо на мѣспунѣкомъ у *Ал-Корану* обѣхао.

хальину, подъ моіомъ донешену, обучемъ, пре-
бацымъ іой едно покрывало, и обадвѣ похи-
тамо на мѣсто нѣко, гдѣ насъ Капуръ веѣъ
чекаше. Вѣрный шкопаць отвѣде Принцезу
у малу нѣку, за ню подъ наямъ узешу ку-
щицу, а я се у гробницу врашимъ, да оспа-
такъ ноѣи тамо проведемъ. Смогамъ у-
вежляй еданъ плаіна, кой одъ прилике ду-
жину Принцезе износяше, увыемъ га у бѣлу
ону плащаницу, и брижльиво сандукъ опетъ
запворимъ.

Слѣдуюћій данъ доѣу друге Робкинѣ Прин-
цезине на мое мѣсто, кое не оставимъ безъ
припворногъ изясненія найлюѣе шуге. При-
повѣде крало съ каквымъ самъ се очаяніемъ
рогачила, и то едино веѣъ бы га побудило,
да ме царски награди, да іошпъ раіе на-
мысліо не бѣше то учиниши. Заповѣди изъ
Сокровищнице свое докети ми 10. тысуѣа це-
кіна, и поклони ми измолѣну одъ нѣга свобо-
ду, *Шуру* оставиши, и шкопца Капура са-
мноу узети. Таки онда похисимъ Повели-
тельку мою попржиши, да се съ нѣомъ о
среѣномъ успѣху плана нашегъ радуемъ. Слѣ-
дуюћій данъ пошлѣмо Капура у Касоду, да
ши писанце едно преда, у комъ самъ те мо-
лила, да къ мени доѣешь; но нѣкій *Зулуф-
флія* рекне му, да ши є зло, и да съ шобомъ
говориши не може. Три дана за шимъ, кадъ
га по другій пущъ пошлѣмо, добые вѣстъ,
да те выше у Двору нема, ниши да знаду,
шпа є се съ шобомъ збыло.

Но

Но зашто — прикинемъ я *Кале—Каіри* речъ, — зашто ме ни си о лукавству вашемъ извѣстила? Зашто ми по *Капуру* само намигнути дала ниси? О да колике бы ми муке само една єдина речъ заштедила!

Да є Богъ дао — уѣ ми *Кале—Каіра* у речъ — да то одъ шебе затаяле ни смо: *Зеліка* бы садъ гдѣгодъ у свѣту среѣно съ тобомъ живила, — но я крива ни самъ, што вы соединѣни ни сте. Текъ што планъ измыслимъ, а я га теби сообщиши зажелимъ; но *Принцеца* ми то не дозволи. — Не! ни пошто, рекне она, онъ треба да ущербъ мой оѣти, съ шимъ ѣ веѣма среѣу свою, што ме опетъ види, почувспвовати, и съ шимъ ѣ веѣа и пріятнія быти забуна нѣгова, а съ шимъ опетъ слаѣе мени, што ѣу га имати, почемъ му смертъ моя сву надежду уничтожила буде.

Ту волю *Принцезину* са свимъ одобриши ни самъ могла, као да самъ жалостна слѣдспвія нѣна предчувспвовала, а и *Зеліка* є се веѣ шысуѣу пуша каяла. Описаши ми є не могуѣе, како се яко, удалѣніе твое разумѣвши, опечалила бѣше. Ахъ я несреѣница! выкала є непрестано, — на што ми є садъ, што самъ све за любовь жерспвовала, кадъ ми є любимый *Хассанъ* на вѣки за мене изгублѣнъ.

По цѣломъ смо те граду спражити дале. *Капуръ* нит'є се даню ни ноѣу одмарао, и
шекъ

пекъ кадъ сву надежду игда те выше наѣи изгубимо, оставимо Ширу, и упушимо се къ Инду, воображаваюѣи себи, да си и ты тамо кренуши се могао. Свудъ у свакомъ, поредъ рѣке те лежеѣемъ граду задержавале смо се, и свудъ те пражиши дамо, но всуе. Еданъ данъ, пушуюѣи съ еднымъ карваномъ одъ града до града, обколи насъ една велика чеша разбойника, пошуче шерговце, и кола имъ ограби. И насъ ухваше, опму намъ новце и драго каменѣ, опведу насъ у Кандахаръ, и продаду нѣкомъ робова шерговцу.

Купаць шай *Зеліку* іошпъ ни у руку имао ни е, а веѣъ заключи, представити ю кралю Кандахарскомъ. *Фіроуцка* при первомъ угледу нѣномъ восхищенъ буде, и запыша е за мѣсто роѣня нѣногъ. *Зеліка* му каже, да е изъ Орма, и на све проче упыте съ подобнымъ му чистосердечіемъ опговори. Краль оба двѣ насъ купи, опведе у Палашу свои жена, и заповѣди, те намъ тамо найлѣпше себе даду.

Кале — *Каира* уѣуши, а я се занесемъ. Ахъ Небо, повычемъ, та смѣмъ ли се среѣи радоваши, што *Зеліку* опетъ наѣо? но шта я говоримъ, зове л' се по наѣи е, кадъ е сильный краль у Харему своме зашворену держи? Ако се она съ постоянствомъ любви *Фіроуцкиной* прошиви, и у шуги и жельи у днима своима чезне? какво е по ужасно за мене чувствованіе, гледати е да спрада! —

а напротивъ ако е са щасіємъ своимъ задовољна, могу л' я быши са моимъ?

Я самъ восхищена, рекне *Кале — Каира*, што тако нѣжно чувспвуєшь, ерь Принцеzata и заслужує. Премда е краль *Кандахарскій* спрасшно люби, ни е те опетъ забора-виши могла, ниши самъ игда живе тако радости у нѣ видла, као юче, кадъ памъ *Капуръ* рече, да те е сусрѣо, она е цѣо оспалый данъ изванъ себе была; и заповѣди Шкопцу шаки, да ти сасвимъ намѣшшено обышалиште погоди, данасъ те у нѣга уведе, и пази, да свашта избылно имашъ. Садъ ме е послала, да ти све изяснимъ, кое самъ ешо и учинила, и да те приправна учинимъ, да ѣеши еслѣдуюћу ноћъ видѣши. Мы ѣемо изъ Палате крозь мала една одъ верпа врапа изыѣи, ошъ кои смо ключъ добавиле, и къ теби овамо доѣи.

То Фаворішка Принцезе Персіѣске рекне, устане, и врапи се съ Капуромъ къ своіој повелишельницы.

Цѣо оспашакъ ноѣи ништа друго ни самъ чиніо, него о Зеліки мысліо. Любовь се моя съ удвоєнымъ пламеномъ зажегла бѣше. Санъ ми ни едногъ пренуѣа очи запворили не могаше, а слѣдуюћій данъ учини ми се дужій одъ сполѣшя. Позадуго ме плѣнила бѣше најжестѣа нестерпѣљивость, кадъ ал' у нѣко доба чуємъ, гдѣ се на враты куѣе мое луна. Робови мои понагле опворили, и мало за тимъ ешо ни возлюбѣне Принце зе

цезе мое, уће ми у собу. — Каква сметња, каква буря забуне и восхищенія узмућаваше при виђеню иѣномъ сердце мое; а какву опешь радость она имаћаше шшо ме види! я іой къ ногама паднемъ, и подержимъ іой позадуго колѣна обузеша, безъ да самъ речце проговориши могао. Она ме најпослѣ већъ подигне, и обое на софу сѣднемо.

Хассане, рекне ми, благодаримъ Небу, кое насъ опешь саспави; мы ћемо се надаши, да благость иѣгова не ће само припомъ оспаши, него да ће и ново препяпствіе међу насъ се ушерпавше, уништожиши. Очекиваюћи срећный шай часъ, живиш' ћешъ шы овдѣ на миру, и у изобилію, ако се башъ свободно разговараши и не узможемо, нишпа зато, мы ћемо поне свакій данъ вѣспъ едно другоме о себи даваши, и кадкадъ се у пошай виђаши. *Кале — Каира* ти е чудесне мое догаћае приповѣдила, желимъ дакле, да ми и шы швое садъ сообщишъ.

Я іой очаяніе, у кое ме лажно уманѣ о смерти иѣной погрузило бяше, опишемъ, и рекнемъ, да ме е тако изванъ себе занело было да самъ таки *Факірь* постао?

Ахъ, драгій мой *Хассане*, рекне *Зеліка*, збогъ мене си заръ шолько време спрогій шай живошъ проводіо? ахъ, я самъ свему узрокъ, шшо си годъ терпіо!

По свой прилицы, да е знала *Прінцеца*, како ли самъ живіо, манѣ бы ме жалила, но я особыше какве дужносши осѣћао ни самъ,

да

да іой приповѣдамъ, него шта выше, говоріо самъ све само о спрасши моіой. — Съ каквомъ скоростію протеку тренуѣа разговараня нашегъ! Премда выше одъ при часа заедно бысмо, разлюtimo се ништа манѣ на *Кале* — *Каіру* и *Капура*, кадъ насъ опомену, да е време о распанку помыслиши. — О, каколи су шегопни люди ши, кой не любе, рекнемъ имъ, ша овай смо се махъ саспали, — идите само, оставите насъ на миру. — Ништа манѣ, да смо іошпъ мало само за едно оспали, данъ бы насъ было запекао, ерѣ шекъ што Принцеца опиде, а оно свану.

И преко умилны мыслій, съ коима се духъ мой занимаше, опоменемъ се *Факіра*, съ коимъ самъ у *Кандахаръ* дошао было, и будуѣи, да самъ неспокойство нѣгово збогъ изоспаяня мога себи преспавляо, поѣемъ изъ обшпалища мога попражити га. Случайно срѣшнемъ га на улицы, и шу се загерльимо. Пріятелю мой, рекнемъ му, управъ самъ ево у намѣри было, у госпилницу иѣи, да ши приповѣдимъ, шша се самномъ збы, и да ше поублажимъ мало, ерѣ заиста самъ ше у недоумѣніе нѣко ставіо.

Заиста, отговори *Факірѣ*, я самъ се верло забринуо было; но каква се то промѣна съ тобомъ учини? у каквомъ ше шо одѣлу видимъ? шы ми се сасвимъ у среѣи быши видишь, и докъ е мене неизвѣспносшь, шша се съ тобомъ случи, смущавала, дошле си шы,

ты, као што ми се чини, време швое весма весело проводіо.

Тако є, пріяне мой, опговоримъ му; признаємъ, да самъ іошпъ тысућу пуша срећни, нежели што себи представи можешъ, радъ самъ, да ми свѣдокъ щастія мога будешъ, и самномъ соучаспвуешъ. — Остави госпилницу, и айде при мени, да обытавашъ. То рекнемъ, на га опведемъ кући моіой, и пусшимъ га, те ми све собе види. Онъ ій нађе да су лѣпе, а посуђе шако скупоцѣно, да є повикао: о Небо! шша Хасанъ осимъ насъ свію учини, те заслужи, да толико избыліє на нѣга проспешъ. — Како Факіру, запытамъ га, заръ ты са зависшію добро спанѣ мое, у комъ се налазимъ, гледишь? чини се, као да те благостояніє мое люпи.

Ни подъ кой начинъ, опговори онъ, не то іошпъ напропивъ верло ме развеселява. Удалѣнь одъ шога, да благополучію пріятеля мой завидимъ, шша выше савъ самъ изванъ себе, видѣћи ій у спаню цвѣпућемъ. То рекши, приписне ме яко у обяпія своя, заувѣриши ме іошпъ болѣ о искрености речій свои. Я му повѣруємъ, и безазлено о нѣму чувспвуюћи, предамъ се шако безъ подозрѣнія найспрашльвїємъ найзавидльвїємъ, и найневѣрніємъ између свію людій. Мы данасъ заедно банчиши морамо, рекнемъ му, и счедавши га за руку, опведемъ у Саалу, гдѣ робови малу едну прпезу за двойцу засперли бяху.

бяху. Съднемо за прпезу, и донесу намъ се
 выше чинія пиринче одъ различне бое *) и
 верло сладке у Сірупу урме; іошпъ смо и
 друга ела ели а попомъ пошлѣмъ едногъ ошъ
 Робова мои на нѣко мѣсто у граду, гдѣ самъ
 знао, да се віно пошайно продае **) Робъ
 намъ шпо е найболѣ было донесе, а мы га
 се преко мѣре напіємо тако, да се нигдѣ
 явно указаши не смѣдосмо; ерѣ бы насъ без-
 законіе шо скупю спало. — Усредѣ банченя
 нашегъ почне ме *Факірѣ* къ сообщенію шайне
 мое позываши. — Та де приповѣди ми *Хас-
 сане*, рекне, све швое чудне догаѣае, он-
 гри ми покрывало шайне швое, шы шу ни-
 шта не меѣшь на коцку, ерѣ я оѣушаши
 знамъ, и заиспа самъ ши найвѣрніи Прія-
 шель. О увѣренію шомъ не треба ши се су-
 мняши, развѣ, ако си ме увредиши радѣ;
 отвори ми дакле внушренность сердца шво-
 га, дай да ши сву колику среѣу познамъ,
 да

*) *Персіанцы*, и прочіи сосѣдни народи справляю
 пиринчу на различный начинъ, и бою му даю,
 какву хоѣду.

**) Віно е обшашельима *Кандахарскимѣ*, зако-
 номъ забранѣно, но ошешъ запо любе га они
 яко, ниши пропушѣаю ниши га у пошай. Узму
 се пакъ добро у памешъ, послѣпика на явномъ
 мѣсту не указываши се. Ерѣ кадѣ бы се комъ
 пригодило, да га піяна виде, воѣенъ бы было,
 по цѣлеме граду, сѣдеши на магарцу, и лице
 къ реду окренувши, преко шогъ прашила бы
 га луна малогъ едногъ бубня, и выка све, по
 улицама шерчаюѣе дѣце.

да се скупа радувати можемо. Преко много,
хвалиши се могу, да самъ човекъ, кой за-
испа и добаръ совѣтъ даши могу, а ты до-
бро знашь, да таковогъ пріятеля отбацыши
не валя.

Віномъ, піюћи га прекомѣрно, угрѣянь,
и данымъ ми пріятельсшва и соучастія зна-
дыма преварень, попустимъ се найпослѣ сил-
ной молби. Увѣренъ самъ, рекнемъ му, да
кадаръ ни си повѣреніе, кое ты покланямъ,
злоупотребиши, и шако ти нишпа запаяши
не ѣу. Ты се опоминѣшь, да самъ верло
невесео было, кадъ си ме нашао; онда самъ
башъ Госпу єдну у Шири изгубіо было, кою
самъ преко свегъ любіо, и коя є шакоѣе ме-
не любила. Держао самъ, да є мертва, а
она іошпъ живи, и ево самъ є у Кандахару
опетъ нашао, — а да ти башъ све кажемъ;
она є Фаворішкиня краля *Фіроуцке*. —

Факірь се учини, као да є се весма за-
удіо моіой приповѣдки, па ми рекне: *Хас-*
ане, ты ме весма збогъ даме те пышлю-
вивымъ чинишь; она не изказане лѣпотѣ бы-
ти мора, кадъ ю є краль Кандахарскій оми-
ловао.

Ахъ, пріятелю мой, ушавши му у речъ,
рекнемъ: шо є Госпа одъ несравнине лѣпо-
те, и да є любовникъ кой, како му драго
писує, опетъ ни є можно, да улагиваю-
у се само живопись нѣну представи. Она
є скорымъ овамо доћи, ты ѣешь є видѣ-
ти, и радъ самъ, да се очи твоє саме о лѣпо-

ши иѣной увѣре. То кадъ рекнемъ, загерльи
 ме Факірь живо, увѣраваюѣи ме, да ѣу му
 верло велику радость учиниши, ако речъ мою
 испунимъ; Я га на ново увѣримъ, попомъ устпа-
 немо одъ шрпезе, да мало оппочинемо. Е-
 данъ одъ Робова мои опведе ми пріяшеля у
 собу за нѣга намѣшпену. Слѣдуюѣе юшро
 доѣ Капуръ, донесе ми одъ Зеліке писмо, у
 комъ ми являше, да ѣе идуѣу ноѣ къ ме-
 ни доѣи, и самномъ се часшипи. Писмо шо
 покажемъ Факіру, кой се среѣи моіой весма
 радоваше. Цѣо ми е данъ о Госпи говоріо,
 и на ноѣ е тако несперпѣльиво изгледао,
 као да е се оноликомъ испо, као я, веселю на-
 даши имао. Я за Зелікино дочеканѣ све при-
 правимъ, робове пошлѣмъ, те найизреднія
 ела покупую, и оногъ испогъ віна, одъ когъ
 смо прешедше вече онако малый гупляй у се-
 бе усули.

Кадъ ноѣ наступи, замолимъ Факіра,
 те у собу свою опиде; ни е ши, рекнемъ
 му, свободно, кадъ ми Любезница доѣе, овдѣ
 быши. Я ѣу найпре дозволенѣ одъ нѣ иска-
 ши, да ше као пріяшеля мога ньой предспа-
 вимъ, а увѣренъ самъ да ѣу шо добыши. Ма-
 ло за шимъ чуемо лупу на врашы. То бяше
 Принцеца. Факірь се сакрые у оближню собу,
 а я опидемъ Зеліки на сусрѣшъ, пружимъ
 іой руку, и уведемъ е у мою собу. Прин-
 цезо моя, — шако онда почнемъ, — молимъ
 те, само ми едну милость учини. Факірь
 съ коимъ самъ у Кандахаръ дошао, и коме

самомъ за срећу благодаримъ, што те опеть
имамъ, овдѣ у кући живи, я самъ му одну
собу распремю; онъ е мой добаръ пріятель,
не бы л' дозволила, да съ нама еде и пиє?

Хассане, ошговори *Принцеца*, еси л' се
смыслио, што иштешъ? Умѣсно, да ме предъ
очи човека каквогъ изводишь, шребало бы,
да ме одъ свію найбрижльивіе сакривашъ.

Драга моя *Зеліко*, рекнемъ іой, та шо е
памешанъ и учпивъ человекъ, о когъ пріятель-
ству постоянно искусшо имамъ. Емаць самъ
ши, да никаква узрока имати не ћешъ ка-
яши се, збогъ учинѣне милосши, кою одъ
шебе просимъ.

Я ши ништа отбити не могу, возрази
Зеліка; но драгій *Хассане*, я предчувству-
емъ, да ће намъ исполненіе желѣ твое не-
пріятности учинити.

Не ће, не, *Принцецо* моя, не узбунюй се по-
га ради — тако я рекнемъ — ослони се на
мою речъ, ниши мѣсна уступлюй спраху
каквомъ, кой бы намъ веселѣ умалиши мо-
гао. Съ шимъ речма зовнемъ *Факіра*, и пред-
ставимъ га *Принцеци*. Она га изъ любви къ
мени весма добровольно прійми, и по взаим-
номъ указанію учпивы знакова, сѣднемо за-
едно съ *Кале - Каіромъ* за шрпезу. Другъ
мой бѣше человекъ одъ едно 30. година, кой
досна разума имаѣаше, и Госпама мудрому
и досѣпльивому бесѣдомъ своіомъ украшко
засвѣдочаваше, да веселѣ люби, и заводити

уме, или шпа выше, да за хальине оне, кое носи, ни мало не приличуе.

Кадъ се ела однесу, донесу намъ вино, кое робови у чаше одъ Агапа сыпаху, и шако намъ послуживаху. Факіръ чашу свою друго празну не оставляше. Свакъ часъ е пуниши пружаше тако, да се за крашко време у не сасвимъ добромъ станю нахоѣаше. Нарави не бѣше весма задержльиве; а будуѣи да испареніе вінско, смѣлостъ му поумножи, заборави онъ све колико почипаніе, кое до то доба наблюдаваше, и шако се незадовольи само съ шимъ, што спыдльивостъ жена безсрамнымъ речма вреѣаше, него се іошпъ толико заборави, те руку свою око врапа Принцезе Персійске обвѣе; и съ найвеѣимъ безобразіемъ полюбаць іой еданъ украде. — Зеліка се на ту безспыдноспъ нѣгову разлюти, и люпина іой силе да, ше се изъ оруку нѣговы изчупа. Стани несреѣниче! — выкне — незлоупошреблюй доброшу, кою имамо, и овдѣ те шерпимо! Ты заслужуешъ, да те робовима куѣе ове избипи дамъ; но почипаніе ме спрамъ мужа овогъ, кой се прішпелѣмъ швоимъ называ одъ шогъ задержава.

То рекне, узме покрывало свое, покрыве лице, и опиде изъ себе. Я берзо поѣемъ за ньомъ, спанемъ е молиши, да ми збогъ збывшегъ се опроспи; но сва мука моя за ублажиши е, буде безплодна; ерь здраво увреѣена бѣше. Садъ видишь, рекне мы, еси ли право имао, или не, Факіра шогъ у дружштво

наше пріймиши, а безосновно ни є было, што самъ желъи твоіой пропивила се, ниши же ми нога выше преко прага твогъ сшупиши, докъ годъ онъ у кући овой живи.

То рече, па опиде, не слушаюћи, ма іой шпа за задержати є казао. — Я се у собу врашимъ, ше пріяшеля попржимъ. Шпа си радіо, рекнемъ му, заръ си почипаніе справмъ краля *Кандахарскогъ Фаворішкинѣ* са очію смешнуши морао? съ неучтивымъ нападеніемъ шимъ навукано си на себе нѣну мерзость, па и мени мож'да не же нигда опросиши, што самъ є навео, да се взору твоему укаже.

Не смућуй се *Хассане*, опговори *Факірѣ*, шы жене слабо познаешъ, кадъ люшину Любезне твое за истину держишь, буди паче увѣренъ, да се у сердцу своемъ шоме радує; ерь нема жене, коіой се овака почипанія заборавность не бы допала. Люшина, кою в показала, само є измышлѣна; а знашь ли, зашто є се на неуспрашимость мою разгнѣвила? — шо є зато само было, што су очі твое свѣдокъ быле — а да самъ я самъ съ шомъ быю, увѣренъ самъ, да бы човечнія была.

То кадъ рекне, што ясно доказываше, да є соку лозномъ наудіо, прешанемъ прещивавани му, желећи, да же супра пре ушпаню быши, разума се лапши, и погрѣшду свою признаши. Заповѣдимъ єдномъ одъ *Робова*, ше га у собу нѣгову опведе; я у тоіой останемъ, гдѣ ми мысли о приклячєнію шоме, ни како не допусте мирно заспати.

И заиста, слѣдуюћій дань у юшру сасвимъ е другимъ пономъ Факіръ говорио, увѣраваюћи ме, да е весма смућень, што ме е разлютіо; за казниши пакъ самъ свою безспыдность каже ми, да е заключіо изъ *Кандахара* удалити се. Све то изрекне на нѣкій начинь, кой ме яко возбуди, и я съ мѣста напишемъ Принцези, како се яко Факіръ нашъ за смѣлоспъ свою кае, и да понизну молбу свою съ моіомъ союжава: віну да се одроспи, кое му смѣлоспъ шу улыло бѣше.

Кадъ опъ писаня престанемъ, ето ши *Капура*, и яви ми, да се Повелипелька нѣгова іошпъ непрестано люпи; я му дамъ писмо, и онъ се шаки къ Принцези врапи. Послѣ нѣколико часова донесе ми одъ Зеліке отговоръ. Она ми писаше, да смѣлоспъ Факіру истина опрашѣа, ерь се самъ кае, но подѣшимъ условіемъ, да у кући моіой не ошави, и самъ *Кандахаръ* за 24. часа ошави.

Писмо Принцезино покажемъ Факіру, и онъ ми предѣ Капуромъ рекне, да е у мысли своіой сасвимъ съ Принцезомъ согласанъ, и да добро види, да се по несмысленомъ дѣлу своме, кое учиниши несрећанъ бѣше, выше усудиши не смѣ, предѣ очи іой спупиши, и да ѣе іошпъ овай часъ *Кандахаръ* ошавиши. — Таки по изясненію Факіровомъ врапи се Шкопаць у дворъ кралѣвъ, да Принцези рачунъ о спаню да, у комъ е шако рѣаво спроћу нѣ пресступившегъ човека нашао.

Обрадуемъ се, што е бурьи тишина воспослѣдовала, ал' опетъ признаемъ, да ми е весма жао было, пріяшеля изгубиши, зауставимъ га дакле іошть онай данъ кодь мене; чекай, рекнемъ му, ша можешъ и супра ошиѣи, радъ самъ се съ побомъ іошть и данасъ провеселиши, мож'да се выше нигда видиши не ћемо. Будуѣи да се расшапи морамо, да жалоспный шай распанка часъ мало поудалимо. — Да бы последний данъ нашегъ заеднобышя што велелѣпнїе провели: заповѣдимъ прекрасну вечеру сгоповиши, а кадъ гошова буде, сѣднемо за аспаль. Веѣъ смо много ела ели, а ето *Капура* доѣе намъ у собу, съ едномъ поклоплѣномъ чинїомъ. — Господару *Хассане*, рекне, ево самъ вамъ ело нѣко донео, кое е овай махъ на аспаль *Краля Кандахарскогъ* изнешено было; *Фіроуцки* е се тако было осладило, да га е шаки *Фаворішкинѣи* своїой послао, а она га опетъ шилѣ шеби.

Мы одъ ела того [узмемо, и наѣемо, да е заиспа прекрасно; *Факір* се зауставиши не могаше, него све еднако, докъ е годъ вечера праяла, о добромѣ щасїю моме говораше, и выше опъ двадесеть пуша веляше: О, младићу, да величествене судьбе твое! Ноѣъ у пићу проведши, чимъ данъ наступи, опомене ме пріяшель мой, да е време мыслиши о распанку. Я опидемъ те донесемъ пуну едну кесу *Цекїна*, кою ми *Капур* прешедшїй данъ одъ владѣшельке свое донео баше,

ше, и дамъ е Факіру. Узми, рекнемъ му, кесу ову, доѣи ѣшь у случай, гдѣ ѣшь е пребати. — Факіръ ми захвали, загерльимо се, и онда онъ ошиде изъ куѣе. По оплазку нѣговомъ останемъ нѣко време у скорбне мысли погружень. О лудый Пріане, повычемъ, самъ си распанка нашегъ узрокъ. Защо се не могаше съ шимъ само задовольши, да Зеліку гледашъ, и величешвеный погледъ шай уживашъ!

Покой ми весма нужданъ бѣше, и тога се ради проспремъ по Софи, и заспимъ. Послѣ нѣколико часова спаваня мога силна ме нѣка у дому моме лупа пробуди, скочимъ шпо берже, да видимъ одъ кудъ ша лупа, и са ужасомъ число едно войника одъ кралѣве тѣлохранилице смотримъ. Они сви у собу мою покудяю. Айде за нама рекне ми Предводитшель нѣивъ. Мы заповѣспъ имамо, водипи те у Палашу кралѣву.

Какво самъ пресшупленіе учинію, запышамъ, и збогъ чега ме обшужую.

То мы не знамо, опговори Предводитшель, нами е само наложено, водипи те предъ краля; узрокъ намъ е непознапъ; но я ти на ушѣху швою кажемъ, ако си невинъ, ништа се небрини, еръ ѣшь предъ Судилище найправедніегъ княза изыѣи, кой берзо и лагкомыслено обшужене не осуѣуе, него шекъ съ освѣдочаваюѣимъ доказашелствама до тога долази, да смершну казнъ одсуди; но и крив-

це

це съ великомъ строгостію казни, и я те сожалюемъ, ако си еданъ одъ нѣи.

Морао самъ за Предводителѣмъ Тѣлохранителнице иѣи. У пупу къ Палати све ми вѣрояшиіе бѣше, да е *Фіроуца* споразумѣніе мое са *Фаворішкиномъ* дознао, но не мого поняши, коимъ начиномъ онъ то прокопа. До Палате дошавши, и у придворіе ушавши, спазимъ четвора подигнуша вѣшала, и весма лагко погодимъ, да се мене шичу, и да е смертъ ша найманя казнъ, кою самъ одъ краля *Кандахарскогъ* очекивати могао;—подигнемъ очи мое къ Небу, и замолимъ га, да *Принцезу* поне подъ обрану свою узме.

Уѣемо у *сераиль*, и онай ме испый предводителъ, кой ме допле довео бѣше, онведе у собу *кралѣву*, гдѣ се *краль* са своимъ великимъ *везіромъ*, и *Факіромъ* налазаше. Чимъ *зликотца* овогъ смошримъ, погодимъ шаки цѣлу обширность издае нѣгове.

Ты си дакле, рекне ми *Фіроуца*, шы си онай што тайне договоре съ *Фаворішкомъ* моіомъ водишь? Ха! одмешу, колика л'ши е смѣлостъ, да се шы самномъ поредишь! Казуй, и почно на упыте опговарай: кадъ си у *Кандахаръ* дошао, еда су ти казали, да я *Преступнике* строго казимъ?

Есу, опговоримъ.

Добро дакле, продужи онда *краль* далѣ, кадъ ти е то іошшь иапредъ казано, зашто си найвеѣе одъ свою преступленія учиніо?

Господару, опговоримъ му, да Богъ да дани высочества твого до конца свію вѣкова праляи! — но знашъ, да и самогъ голуба любовь неустрашимымъ чини, а кольми човека, когъ е бурна страсть обузела, онъ выше ништа не смышля. Готовъ самъ праведногъ гнѣва твого жертва быти. Ма за каквеша драго муке мене одложю, не ѣу се на строгость твою шужити, само ако Фаворішкннѣ твоіой опросишъ. Сырота — она е пре долазка мога мирно у Харему твоме живила, — и задовольна, усрећаваюћи великогъ шако Краля, почела е веѣъ любовника свога заборавляши, когъ нигда выше наѣи не мысляше. Дозна пакъ да самъ овдѣ у граду; огань перве любви нѣне поджари се на ново, и я самъ самъ, кой самъ е одъ нѣжности твое одпергао: мене дакле самогъ треба збогъ шогъ да накажешъ.

Докъ самъ то говорю, доѣе и Зеліка на Кралѣву заповѣсть у собу. — *Капурѣ* и *Кале-Каира*, слѣдоваху іой. Принцеца последнѣ речи мое чувши, пошерчи кралю предъ ноге пасши. Господару, повыче, опроси младиѣу овоме, само казни достойну Робкиню, коя ше издаде, нека удари гнѣва твого смлаше.

О, вы издашелѣи! выкне Краль, ниши се едно, ниши друго одъ васъ милости моіой надайте, — вы умрети мораше. Неблагодарница ова, милости проси само за нишкова, увредившегъ ме шако яко, а онъ се опешъ само спроѣу смерши любезне свое
чув.

чувствительнѣе показуе, шпѣ выше, усугубяю се предъ очима ми бѣснѣлу своемѣ узде опущеннѣи. Везіру — настави далѣ, — окренувши се Міністру своемѣ, нека обѣщени буду, а по смертнѣи псима и пшицама нека на рану служе.

Стани о Кралю, повычемъ, узми се добро у памешъ, и съ кѣерю Краля едногѣ срамно тако не поступиай; люборевнѣивый гнѣвъ швой некѣ почише племенишу кровь Фаворіш-ке, у жилама нѣнымъ шекуѣу.

Речи те чиняху се, да Фіроуцку запрепешаше. Кой є Князѣ, запыта Зеліку, живота швогѣ виновникѣ?

Прінцеца ме поносило и люшило погледи, па рекне, сулудый *Хассане*, зашто ошкры, што бы радіе сама одъ себе сакрыла? смертѣи є унѣха была, што не знаю одъ когѣ самъ порѣкла, а овако казавши шо, срамомѣи ме облажешъ. Но некѣ є и тако. Знай дакле, окренувши се къ кралю *Кандахарскомѣ* рекне, знай, шко самъ: *Робкиня*, кою си на смертѣи срамну одсудіо, єсть єдиница *Шах-Тамасова* — и приповѣди му припомѣи цѣлу свою повѣснѣи, не заборавивши и за наймащѣ обстоятелство. Кадѣ сверши приповѣдку, коя удивленіе кралѣво повысила бѣше, рекне му: ешо садѣ знашъ *Господару* шайну єдну, кою ми нигда на умѣ не паде теби вовѣриши, и кою ми само несмысленостѣи любезника мога изшерже. Признавши ши шо, што съ найвеѣимъ сердца сокрушеніемъ чинимъ, молимъ те

ше заповѣди, да ме таки убію, що є последня милость, што одъ тебе просимъ.

Принцезо, отговори краль, я поричемъ смертно швое осужденіе. Я правду веѣма любимъ, него да ти невѣрность твою не опростимъ, кою си ми учинила. То, што си ми приповѣдила, предсшавля ми збывше се у другомъ сасвимъ наличію. Преспаемъ обвинявати те, и шта выше свободу ти покланямъ. Ты за *Хассана*, а щаспльивый *Хассанъ*, когъ ти є сердце избрало, нека за тебе живи! И *Капуру* и пріятелицы твоіой живопъ покланямъ. Идите, совершени Любовницы, и нигда нишша некъ вамъ шокъ наслажденія вашегъ не прекида: што се пакъ тебе издапелю шиче, окренувши се *Факіру* рекне, одлази, и буди за свирѣпу издаю швою наказанъ; подла, завидльива душо! — шы щаспие пріяшеля и благодарѣя свога гледаши ни си могао, да си дошао, да га самъ освети моіой издашъ. — *Кукавицо*, шы самъ шребба као жертва люборевнѣивости мое да паднешъ. Таки заповѣди вел. *Везіру* *Факіра* одвешти, и у руке вешашеля предаши.

Злофу шогъ на смерть одвуку, а мы обоє предъ краля паднемо; покромимо му ного сузама восхищенія и благодарности, кое намъ великодушіе нѣгово на очи натера. Найпослѣта увѣримо, да ѣемо, спрофу благодарѣшельне душе нѣгове чувспвишелни, вѣчный спомень нѣнъ у сердцама нашимъ сачуваши. Онда са *Кале* — *Каіромъ* и *Капуромъ* Палату оспави-

мо, и упушимо се кући, изъ кое є тѣло-
 хранилица кралѣва мене одвела, но мы є
 срушену наѣмо. Краль у ярости заповѣди,
 шаки є са земљомъ сравниши, а воилицы,
 коима заповѣсть ша дана бѣше, тако су є
 берзо испунили, да веѣь сви соспави куѣе ше
 пограблѣни и разиешени бѣху, тако, да ни
 камичка одъ нѣ выше шу не бѣше. И посу-
 ѣе су воилицы и проспота Кандахарска са-
 свимъ разграбили были.

Хопя да смо восхищени были, што се
 опетъ скупа видимо, и што є любовь наша
 послѣ толики бѣда награѣна: ништа манѣ
 были смо опетъ видѣніемъ шимъ мало упла-
 шени. Єрь истина, куѣа ша само ꙗподъ наямъ
 узеша бѣше, слѣдовашелно и посуѣе у нѣой
 не бѣше наше: но *Зеліка* є послала была по
Капуру много скупощны стварій, кое ша-
 коѣе у грабежу пошшеѣене не бѣху. Новца
 смо мало имали: почнемо се дакле са *Кале-*
Каіромъ и *Шкопцемъ* о начину, кой намъ
 предузети валя, совѣшовати. По многомъ
 расмышляню заключимо за време у какву го-
 спилницу опиѣи.

Мы се тамо упушимо, а епо ши нѣкогъ
 чиновника кралѣвскогъ наиѣе на насъ. Высо-
 кій повелишель мой, рекне, послао ме є, да
 васъ съ єднымъ обыпалищемъ понудимъ. Вели-
 кій Везіръ куѣу єдну за васъ успремлюе, кою
 при врапы града има, и коя є много лѣпша
 одъ ове, што є срушена. Вы ѣете тамо ве-

сма

сма удобно живити, ако вамъ е дакле воля, одвеш' ъу васъ таки шамо.

Пођемо за нѣмъ и угледамо весма лѣпу и благосозидану кућу. Внутренность нѣна соопвѣтствовала е са свимъ внѣшности. Све е шу велелѣпно, све по найлѣпшемъ вкусу было. Нађемо іошпъ къ шоме выше одъ 20. робова, кои намъ рекну, да имъ е Владѣтель нѣовъ овай махъ заповѣсшъ послао, да насъ богато са свачимъ провиде, што намъ годъ узшреба, и да насъ послужуѣ, као нѣга самогъ, докъ намъ годъ воля буде у кући му оспаши. — Два дана потомъ дође намъ великій Везіръ на посѣщеніе, и донесе намъ множешво найскупоцѣниі поклона одъ краля Кандахарскогъ. Поредъ многи одъ велике цѣне стварій, было е много шруба (Ballen) найлѣпше свиле, и 20. кеса, у свакой по 1000 Цекіна. Будући намъ у шуђой кући сасвимъ повольно не бѣше, а и поклони насъ Краљви у станѣ поставише, да се на другомъ мѣсту гдѣ одомити можемо, пристанемо по краткомъ времену узъ великій еданъ карванъ шерговаца Персійски, и допремо съ нѣма щасливо у Багдадъ.

Ту се смѣшимо у мою кућу, гдѣ перве дне опоравляюћи се, и одъ шруда толикогъ и шако шежкогъ пуша оппочиваюћи проведемо. Потомъ опидемъ я у градъ, потражимъ пріятелѣ мое, кои кадъ ме виде, яко се зачуде. Е л' могуће, рекну, да си іошпъ живъ? Твои другови увѣрише насъ при по
вращ-

врашку своѣ, да си умрео. — Чимъ до-
знамъ, да су Іувелѣри мои у Багдаду, опер-
чимъ што берже, и паднемъ предъ вел. Везі-
ра: приповѣдимъ му нѣово невѣрство, а
онъ іѣ обоицу заповѣсти заповѣди, и нало-
жи ми, да іѣ у присуствію нѣговомъ испы-
туемъ.

Ни е л' истина, рекнемъ имъ, да самъ
се пробудіо, кадъ сте ме у наручія узели,
и да самъ васъ пышао, шта сте ради са-
мною; вы пакъ, безъ да ми опговорите, низ-
вергнусте ме крозь лаѣ одушку у море? Они
на то опговоре: по свой прилицы ты си по
саняши морао, ниши по другіе быши може,
него да самъ се у сну у море спровошшао.

А зашто, запыта іѣ садъ Везіръ, за-
што сте се чинили, као да га не познаете,
кадъ сте се у Орму опеть съ нѣимъ сасшали.

Они увѣраваху, да ме у Орму ни видѣли
ни су.

Издайници, продужи онда Везіръ, съ пре-
шеѣимъ погледомъ, а шта ѣете онда опго-
ворити, кадъ вамъ свидѣтелство одъ Орм-
скогъ *Кадіе* покажемъ, кое сасвимъ прошив-
но свѣдочи?

Речи те, кое Везіръ за искушати іѣ са-
мо казао бѣше, уплаше зликовце; они по-
блѣде, и збуне се.

Вы бою мѣняте, рекне судія; добро
дакле, признайте добровольно преступленіе
ваше; заштедите ми мученя, коя су при-
правлѣна, да вамъ признаніе злочинія вашегъ
изтегну.

Они

Ону злочиніє своє признаду; а Везіръ ій у тамницу бацѣши заповѣди, да почека, какву ће смершь *Калифа*, когь о приключенію шоме извѣстиши хотѣде, назначиши. Но они средство наѣу, чуваре свое преваре, или ій подмише, побѣгну изъ тамнице, и сакрыю се у Багдаду шако, да сва произпраживаня великогь Везіра, да ій опешъ ухвати, бесплодна остану. Меѣу шимъ добра нѣова *Калифи* припадну, осимъ мале єдне частіи, кою мени за накнаду опешогь ми драгогь каменя дадоше.

Ни о чемъ садъ выше мысліо ни самъ, него како ѣу са возлюблѣномъ *Зелікомъ* моіомъ радостно и мирно поживиши; и заиспа, мы дане наше у найлѣпшемъ согласію проведемо, ниши самъ се о другомъ чему Богу моліо, него да ми и остатакъ живоша у среѣномъ спаню шоме сачува. Да суешне желѣ! — а зарь може задуго човекъ пріятно щастіє уживаши? не узбуиѣ ли шуга и патня непрестано нѣговъ покой? — Єданъ данъ веселіо самъ се съ нѣки пріятельи мои изванъ града, и доѣмъ шекъ доцне у вече куѣи. Лупимъ на врашы; нема ни когь да ми опвори; зачудимъ се шта є шо, и скорбно нѣко предчувшвованіє наиѣе на мене; лупу мою удвоимъ, но іошпъ ни каква роба не изылази; забуна се моя умножи; шта да мыслимъ, рекнемъ у себи, да ни є опешъ нова каква несреѣа, коя ми се надъ главомъ руши?

На лупу мою, чинѣну на враты, дођу многи сосѣди изъ домова свои. Они се тако испо као и я зачуде, што ми слуге не опвораю; помогну ми изспавити врата; уђемо у кућу и нађемо у предгорњицы (*Zog-aa!*) робове мое поубіае; потерчимо у собе Зелікине, но каква ужасна позорія тамо имадосмо видѣши! Капуръ и *Кале-Каира* мернви, и у крви своіой огрезли. Спанемъ выкаши: *Зеліка! Зеліка!* но она ми се не одываше; потерчимъ крозь цѣлу кућу, и кадъ нигдѣ, што самъ пражіо, не нађемъ, ноге ми клецаши почну; паднемъ онесвеспненъ у наручія добры мои сосѣда; благо бы ми было, да ме смерть у пренућу поме одесе, но Небо є хопѣло, да іошпъ дуже живимъ, да ужасъ судбе мое сасвимъ прегледимъ.

Кадъ ме сосѣди мои свирѣпомъ услугомъ воіомъ опешъ у живопъ повраше, како є можно было запышамъ ій, да се ужасно шаво крвопролише у кући моіой збуде, а они и каква шума да не чую? На то ме увѣре, а ни найманѣ што примѣшили ни су, и да и сами, као и я поме дыве. Оперчимъ да Кадіи, кой *Намба* свога са свима чепицыма пошлѣ, да убійце праже, но прудъ мѣ буде безплоданъ. — Свакъ є потомъ о прашиномє збышю поме мыслію, како є хпѣо.

Што се пакъ мене пише, я самъ као и многи други мыслію, да є шо масло мои ерговинє другога. Изгубленіє супруге тако въ сердцу пріймимъ, да самъ у болѣсть пао.

Ду-

Дуго самъ се болешльивъ по Багдаду вукао ,
 на онда кућу продамъ , и у Музель опидемъ
 са свимъ имѣніемъ , кое самъ сгрнути могао .
 То самъ мѣсто изабрао , будући самъ шамо
 любезногъ нѣкогъ сродника имао , кой у шѣ-
 сномъ союзу са великимъ везіромъ *Крала Му-*
зелскогъ спояше . Спрыць мой весма ме лю-
 безно дочека , и за крапко време позна ме и
 Везіръ , кой у мени даре за послове державне
 примѣпиши чиняше се , и посла ми преда . Я
 се пошрудимъ , и наложене ми послове ко у-
 довольствію нѣговомъ посвершумъ ; срећу
 самъ пакъ имао , те ми є све за рукомъ ишло .
 Опъ дана до дана бывао є опъ самномъ задо-
 вольніи , и мало по мало цѣло нѣгово повѣ-
 реніе придобуемъ тако , да самъ найпослѣ и
 за найшайнія державе дѣла знао , и теренію
 му правленія сносиши помагао . Послѣ нѣко-
 лико година умре Везіръ , а краль , може бы-
 ти сувыше ме милуюћи , преда ми нѣгово мѣ-
 сто . За двѣ године опшправляо самъ све дуж-
 носши званія мога ко удовольствію и краль-
 и народа , и шо тако , да ме монархъ за до-
 казаніе удовлестворенія свога служби моіоу
 „ *Аталмулкомъ* “ назове . Но таки зашимъ
 зависшь прошиву мене оружану смошримъ
 многа велика Господа пошпану ми неприятне-
 льи , и заклуче упронашити ме . Да бы ко-
 наць шай безбѣдніе домашили , учине ме кодъ
 Принца Музельскогъ подозришелнымъ . Принцъ
 се за речма нѣовымъ поведе , и заиште од-
 опца да ме съ достоинства сбацы . Краль
 на

на то не узхнѣ съ почепка соизволиши, на послѣдку пакъ сынъ навали, и онъ му дуже прошивиши се не може. Я *Музель* оставимъ, и у *Дамасъ* доѣдемъ, гдѣ се чеспи удостоимъ, величеству швome представлѣнъ быши.

То є, о Кралю, повѣсть живоша мога, то є узрокъ дубоке мое скорби, у кою самъ погружень. Све ми се єднако по глави верти, зашто ми *Зеліку* опведоше, и то чини, да никаква радосшь до мене не доспѣва. Кадъ бы дознао, да нещасна *Принцеца* выше неживи, може быши пре бы се утишао, но не извѣспноспть судбе нѣне понавля ми єжедневно образъ нѣнъ у памети, и шугу мою подранює.

Повѣспть Крала *Бедреддіна Лоле*. (продолженіє)

Кадъ *Аталмулкъ* везіръ приповѣдку догаѣан свои сверши, рекне му Краль: не чудимъ се, што си шако скорбанъ, заиспа довольна шоме узрока имашъ, но ако си шы, ни є цѣо свѣшь *Принцезу* какву изгубіо; неправо дакле мыслишь, да измеѣу свію людій ни єднога нема, кой бы совершено задоволянъ быо. То є заиспа велика превара. Да ти не говоримъ о шысуѣу нѣи, увѣренъ самъ, да любимаць мой, *Принць Серф ел Мулукъ* совершену среѣу ужива.

Не знамъ Господару, опговори *Аталмулкъ*. Хопя да се сувыше среѣанъ чини:

ал' опешъ ни подъ кой начинъ не бы добаръ стояо, да е дѣйствително среѣанъ.

О поме ѣу се рекне Краль, шаки увѣрши. Дозове поглавицу шѣлохранилнице, и заповѣди му попржити Принца *Серф-ел-Мулука*. Капешанъ по шшо берже учини, и любимадъ Кралѣвъ доѣе у собу повелителя свога. Принцу, рекне му Краль, я знаши желимъ, еси ли са щасшiemъ швоимъ задоволянъ?

Господару, отговори Принцъ, како ме попыташи можешъ? Хошя да самъ шуѣинацъ; ништа манѣ у граду овоме високо почиую ме; великаши Царства праже свакояко да ми се допадну, нижій ме дворе; я самъ олукъ, крозь кой сва милость швоя тече, съедномъ рѣчию: шша бы среѣи моіой не доспаяло?

Нуждно ми е, рекне Краль, да ми безъ зашаваня испину исповѣдишъ. *Аталлукъ* пошверѣуе, да среѣна човека нема; а я самъ прошивна мнѣнія и мыслимъ, да си пы шай; кажи ми дакле, еда ли се варамъ, еда шуга каква кою прикрывашъ горчиномъ своіомъ среѣу ти зачинява, среѣу, кою ти се приправляши шрудимъ. Казуй — чистосердечіе швое нека ми найшайнія волненія швоя открье.

Господару, отговори *Серф-ел-Мулукъ* кадъ зановѣдашъ сердце мое да ти открьемъ, признаши ти морамъ, да и супрошъ сво доброты съ коіомъ ме претоваруешъ, и супрушъ свимъ увеселеніяма коя ми овдѣ з

сшопама моима слѣдую, и коя су дворъ швой
 као што се чини за прибѣжище свое избрала,
 чувспвуемъ я нѣко неспокойство, кое ми
 живоша мога пишину узмуѣуе. Церва у серд-
 цу момъ имамъ, кой ме непрестано у нѣга
 гризе, и да бы се бѣда моя довершила нема
 средства прошиву напаси мое. — Чуюѣи
 Краль *Дамаскій*, коимъ му пономъ люби-
 маць говори, весма се удыви помысливши, да
 е и нѣму Принца каква украдена. Припо-
 вѣди ми рекне повѣсть твою; заиста и шу-
 мора Госпа каква уплешена быти, и ако се
 не варамъ шуга е швоя *Аталмулковой* подоб-
 на. — На повелѣніе владѣтеля свога прихва-
 ти *Бедреддіноеѣ* любимаць речъ, и почне при-
 повѣдку чудны догаѣаи свои овако:

Повѣсть Принца Севф-ел-Мулука.

Кралою! веѣь самъ чеспъ имао казапи ти,
 да самъ сышъ преѣашиѣгъ Султана Егупеш-
 скогъ *Азем-Бен-Зефуана*, и да самъ брапъ
 Принца, кой овоме у царству послѣдоваше.
 Шеспнайствъ ми е година было, кадъ самъ
 случайно еданъ данъ врата сокровищнице оп-
 ца мога отворена нашао; уѣемъ унутра и са
 великимъ вниманіемъ спвари, кое ми се най-
 реѣе и найскупоцѣніе быти чиняху смапраши,
 почнемъ, особышо пакъ задержимъ се осмо-
 триваюѣи малый еданъ Сандучиѣь одъ црве-
 на санделдрвета, искиѣенъ са бисеромъ, бри-
 ѣаншы, смарагды и топазы. Отвориши га
 е требало са златнымъ, у нѣму споеѣимъ

ключи́емъ; я га отворимъ и на́демъ у нѣму перстень предывне лѣпоше заедно съ єдномъ маломъ злапномъ кушійцомъ, у коіой женскій нѣкій живописанъ образъ бѣше. — Черте образа того бѣше су шако правилне, очи тако лѣпе, погледъ тако благъ, да таки съ почешка помыслимъ, да е само изобрѣшеніе каквогъ живописца, кое е изъ усердія къ вѣжеспву сочинію. Дѣла еспешива рекнемъ у себи, ни су тако совершена; и колику бѣ честь принела лѣпоша на художнику, кой бѣ е произвео. Дывіо самъ се сили воображенія живописца, тако лѣпо поняти умѣвшегъ. Очи ми се одъ те живописи одшергнути не моглоше, и што іошъ найчудновитіе бѣше, ошѣшимъ, да ми се сердце любовомъ запламши. Мыслиши спанемъ да шо опешъ може Принцеze какве образъ бѣши, и мысль се та у мене све шо ве́ма ушверѣивати почне, што залюблѣніи постанемъ. Запворивши кушію, мешнемъ е заедно съ перстеномъ, кой украси задержати се не мого, у джеспъ, па онда опидемъ изъ сокровищнице.

Имао самъ искренногъ нѣкогъ пріишеля именовъ *Saida*, когъ самъ весма любіо. Онъ нѣколько година одъ мене шаріи и сынъ великаша єдногъ у двору опца мога бѣше. Приповѣдимъ му чудесный догаѣай и кадъ образъ заише да види, дамъ му га. *Saida* га изъ кушіе извади за видѣши, еда ли наспражньюспрани каква уписа нема, кой бѣ насъ може бѣши о ономе, што самъ тако я

ко знати желію, извѣстію, то єсть име Прин-
цеде, чій образъ тай быше. Около кутіе на-
ѣмо арапски словы слѣдуюѣе речи: *Беди ал*
Іемалъ, *кѣи Краля Кахбала*. Откроуеніе
то восхиши ме, быо самъ одъ радости ванъ
себе, што нисамъ художническе шекъ вообра-
зительности существо любіо. Наложимъ да-
кле пріятелю моме шаки, да пропытуе гдѣ
Краль *Кахбалъ* влада. Саїдъ є найученіе у
царству пышао, но ни єданъ о шоме извѣ-
стїя даши не знаѣше. Тако найпослѣ се оп-
важимъ пушоваши, и ако нужно буде цѣо
свѣшъ преѣи, ниши се пре у Египтѣ врапи-
ши, докѣ *Беди ал Іемалъ* не знаѣемъ. Замо-
лимъ Сулшана, опца мога, да ми допусши у
Багдадъ у дворъ Каліфинъ иѣи, да чудеса
града шогъ видимъ, о коима ми толико при-
повѣдано быше. Онъ ми то допусши, а буду-
ѣи да самъ не познашъ хтѣо ошати, опидемъ
изъ Каїра безъ свакогъ великолѣпія; свиша
ми се само у Саїду соспояше съ нѣколико ро-
бова, кои су ми ревностъ свою и вѣрностъ
доказательсвама искусиши дали.

Текъ што ми Каїро за леѣи буде, напак-
немъ першенъ на перстѣ, и цѣлымъ самъ пу-
темъ съ пріятелѣмъ моимъ само о Принцези
Беди ал Іемалъ, образъ нѣнъ непрестано у ру-
цы держаюѣи, говоріо. Дошавши у Багдадъ
и све достопамятности града шогъ видѣвши
запытамъ учене, еда ли казати знаду, у ко-
іой є части свѣта держава Краля *Кахбала*?
Они ошговоре да не знаду, кажу ми приномъ,
ако

ако ми е то отвећъ знаши нужно, треба само да у Базру идемъ; тамо живи спараць еданъ одъ 170 година именовъ *Подманаба*, коме ништа сакривено ни е, и безъ сумнѣ онъ ће пыполюбію моме удовлешворити. — Оспавимъ дакле Багдадъ и похишамъ у Базру; запышамъ за спарца, и чимъ дознамъ гдѣ живи, опидемъ и наћемъ у нѣму честногъ спарца, кой іошпъ доста крѣпости имаѣаше премда близу 200 година живяше.

Сыне мой, дочека ме онъ са смѣшећимъ се лицемъ, а са чимъ те могу служиши?

Опче, возразимъ я, желіо бы знаши, гдѣ Краль *Кахбалъ* влада. Верло ми е нужно то извѣстіе; мудрацы Багдадскіи, кое самъ о томе пытао, и кои ме извѣстиши не знадоше, увѣрише ме, да ћешъ ми ты име и пушь у державу *Кахбалову* знаши назначити.

Сыне мой любезный, опговори спараць, мудрацы, къ мени ше упупившіи, знаню моме выше повѣраваю нежели га я дѣйствително имамъ. Не знамъ ти извѣстно назначити, гдѣ держава *Кахбалова* лежи, и само се шекъ опоминѣмъ, да самъ нѣшто одъ пупника о нѣму слушао. Краль тай влада, ако ме памтенѣ не вара, на ошрову нѣкомъ близу *Серандиба*; но то е шекъ едно догажденіе, а може лагко быти да се варамъ. — Захвалимъ *Подманаби*, што ми е поне мѣсно назначіо, гдѣ се надаши смѣмъ о ономе што желимъ извѣщенъ быши. Заклучимъ таки у *Серандибъ* ит., и навеземъ се у *Базре* зальву

са Саїдомъ и робовы мои на купеческомъ нѣ-
комъ броду у Сураме полазеѣемъ. Изъ Су-
раме опидемо у Гоу, гдѣ дошавши дознамо,
да бродъ еданъ на мачки спои, кой ѣе у ма-
ло дана вѣтрила оппустиши, за поѣи у о-
спровъ Серандибъ. Мы се приликомъ томъ
ползуемо и съ тако поспѣшнымъ вѣтромъ
Гоу оставимо, да за первый данъ добру стру-
ку пуша пребродимо. Но слѣдуюѣій данъ о-
крене се вѣтаръ, и подигне се тако яка бу-
ря, да морнари пропасшъ нашу као извѣсш-
ну смашраку, и бродъ напраситости вѣтра
и волній оставише. Чась намъ волне, опвара-
юѣи се да насъ прогушаю, показываху ужас-
нѣйшу бездну, чась се опешъ подизаху, и вер-
таваху насъ у высь къ облацыма, и тако
позадуго будемо сиграчка разярене спіхіе; но
што намъ свима за чудо быше, кораблѣкру-
шенія не оперписмо. Кадъ се буря поушиша,
бацымо мачку край оспрова нѣкогъ у сосѣд-
ству Малдіваца.

Оспровъ шай быше мале окружности, и
чиняше се не обышанъ быти. Мы башъ на
суво изыѣи намыслимо и у густу нѣку шуму,
кою на средъ оспрова уочисмо, опиѣи, а
старъ нѣкій Морнаръ, выше веѣь пуша око
прибрежія Індійски пушовавшій, рекне намъ,
да на оспрову томъ обитаваю арапскіи Ідо-
лопоклоницы, кои змію едну обожаваю, и
све іой пуѣинце на разперганѣ даю, кое не-
щастіе на оспровъ имъ доведе. Онъ мысли
дакле да є болѣ, умѣсто овдѣ на суво изыѣи,

Мора

Мора се дочепати, и све силе употребити, да до *Малдіваца* допремо. Капешанъ брода спарогъ морнара шогъ, као искусногъ, и на когъ се човекъ ослониши може, мужа познаваюћий, повѣруе му речма, и заключено буде, да са сванућемъ єдра опустимо, и опасно шако мѣсто оставимо. — Заключеніе то весма є памешно было, но іошмъ бы памешніе учинили да смо га шаки у дѣйствіе привели, и ону саму ноћъ мору се вовѣрили, ерь насъ све, у найслаћемъ сну спаваюће, велико Негра число, продревше у бродъ нашъ нападне; окую насъ у ланце и опведу у своя обиталища.

Оданило є се већъ сасвимъ было, кадъ крозь шуму, прешедшій данъ усмошрѣну, проћосмо, и до Хорде Негарске доћосмо. Хорда та сосшояше се изъ многи малы одъ блапа колеба, а усредъ нѣи дизаше се великій єданъ одъ дрвеша сграћеный шаторъ. Нѣга Негри навываху „*Палатомъ Кралѣвскомъ*“ Уведу насъ унушра, гдѣ краль осшрова на престолу одъ кораллій и школькій сѣћаше. Краль бѣше Негаръ исполинска шѣла, и шако гадно ружанъ, да є выше Демону, нежели човеку приличіо. Принцеца, кѣи нѣгова, сѣћаше узъ нѣга. Она могаше до 30. година имаши; опцу своме у величини ни мало не попушѣаше, а у прочемъ много му и у лицу подобна бѣше. — Єданъ одъ найопшмѣниіи ухвашивши насъ Негра знакъ намъ да, да се приоме Монарху томъ, и кѣери нѣговой до землѣ поклонимо, па онда извѣспіе учини о срећномъ предпріяшніо своме. Краль

Краль му бесѣду съ благоволеніемъ са слуша, увѣри и нѣга и оспале, бывше му у помоѣи, о задовольствѣ своемъ; онда пакъ на насъ перспѣ пруживши великомъ Везіру рекне: „иди, и заповѣди ов о робль подѣ за нворѣ метнуши; свакій дань нека се по едань одѣ нѣи Богу, комъ се кланямо, на жершву принесе.“ — Везіръ га послуша, и отвѣде насъ у велико олеплѣно зданіе, кудъ намъ на заповѣспѣ нѣгову прое сишне и друга питателна ела донесу, за обдержати жершве при месу. Друго ютро доѣду два Негра, и отвѣду єдногъ одѣ наши, да га змѣи предаду; послѣдуюѣій дань отвѣду другога, и тако чудовище оно свакій дань нову грабежѣ добыше, докъ сви мои робови, Капешанъ брода, Корманошъ и морнари пошрошени не бяху. Ни єдань выше веѣъ не оста, осимъ Саїда и мене. И мы приправны бысмо, подобно щастіе искусиши, и чекасмо Негре, кои ѣе доѣи на вѣки да насъ разспаве.

Ахъ драгій Принцу мой, рекне вѣрній пріянъ мой, будуѣи да обоица жершвовани быши морамо, да бы баръ небо дозволило, да пре шебе умремъ; горѣ бы ми негъ тысуѣгубу смершъ терпиши было, кадъ бы гледао да ше на смершъ вуку.

О Саїде, Саїде отговоримъ му, зашто се ты за несреѣу мою привеза? кадъ я несмысленомъ любовію заслѣплѣнъ, шихо обыталище мое у Каїру остави, да по вси зачкульина землѣ предметъ пражимъ, кой можда ни-

гда

гда мой быти не може; зашто ме не пусти, да самъ пушумъ? шы си се чувствованіяма моима прошивуставляю, а я мудре совѣше твое опбацы, е ли могуће, да съ човекомъ пропаднешъ, кой ши вѣроваши не хпѣде? Ме-ђу шимъ, докъ смо се мы изльвали у бесплодно ядикованѣ, дођу два Негра, и окренувши се мени рекну ми: „айде за нама.“ Я се при речма тимъ окаменимъ, и окренемъ се къ Саиду, да му последнѣ „сѣ Богомъ остай“ рекнемъ, но ни еданъ одъ насъ речце рећи не могаше; оба смо шугомъ и спрахомъ обузета были. Задовольимо се дакле погледомъ возмущаваюћи насъ чувствованія изразити.— Негри ме подъ великій нѣкій шапоръ опведу, гдѣ помислимъ, да ѣду ме убиши; но церна една, шу бавећа се жена освѣсти ме. Не плаши се младиђу рекне ми, тебе судба другова швои постићи не ће, ерь е Хуснара, Повелительница моя, слађу судбу за тебе опредѣлила. Выше ши казаши не смѣмъ, ерь она сама сређу ће ти швою объявити. Я самъ Фаворітकिनя нѣна, и заповѣспъ имамъ, у найпошайнію те зачкульину дома нѣногъ опведи, гдѣ ше она съ несперпѣніємъ очекива.

При шимъ речма удале се оба, дондѣ допрашивша ме Негра, а Фаворітकिनя ме Принцезина узме за руку, и опведе у мало нѣко зданіе, гдѣ владѣтельница нѣна сасвимъ сама на нѣкогъ вида софи, съ кожама одъ дивы звѣрова застершой, сѣђаше. Она имађаше кожу маслинаспу, мале, весма живе очи, запо-
пер-

перченый носъ, уста велика, устне дебеле и зашубасте, а зубе бѣле као Амбра; коса іой бѣше кратка, чеспа, и кудрава, и іошпъ церня одъ Санделдрвета. Као украшеніе на глави имаѣаше капу одъ жуша платна са црвены концы извезену и са кипомъ различношареногъ перя украшену. Низъ на врапу носяше одъ велики Талагаіски *) зерна, жушы и плавешны, а дуга халбина одъ шігровы кожа покрываше є одъ плеѣа до доле. Предметъ шай ни коимъ начиномъ способанъ не бѣте, образъ возлюблѣне *Беди ал Јемалъ* изъ сердца ми изгониши. — Оди ближе, младићу, рекне Принце за спазивши ме, сѣди узъ мене, я ши нѣшто казаши имамъ, што ће те утѣшити, што си у руке Краля, опца мога допао.

Кадъ узъ ню сѣднемъ, продужи она далѣ: ты си весма желанъ и неспокоюнъ чупи, шпаши казаши имамъ, и я ши несперпѣливостъ ту праштамъ, будући се овдѣ о ствари ради, коя є за тебе весма важна, и коя ће ти наймилія быти на свѣту. Іошпъ оно тренуѣ кадъ самъ те у шатору опца мога видѣла, допао си ми се, и рада самъ не само живошъ ти спаси, него те и за любовника мога удостоиши, предпоставляюћи те найоптмѣніой и найхрабріой господи придворной, коя су лѣпошомъ моіомъ обузета.

Хошя

*) *Талагаіа* єсть дрво, у когъ є листъе крезаво или болѣ реѣи изцѣпано. Плодъ се нѣговъ сбере, нашара се различномъ шаромъ, па га онда же не у низовима на врапу носе.

Хотя да ме признаніе то зачудити не требаше, будући ме на нѣга Фавориткиня приправила бѣше: ништа манѣ неописано смути ме. Не могавши опважити се онако отговорити, као што она жели, зашшедіо самъ себи и спрахъ, яросшь іой раздражити, говорећи онако, као што самъ мысліо. — Видѣћи ме да ништа не отговарамъ, и да самъ се сасвимъ збуніо, наспави далѣ: млади-ћу, не чудимъ се што ѣутишь, и што си се смео, ерь ни си заиста очекивао, да се *млада* овако и *лѣпа* Принцеца тако яко понизи, и да ти на сусрѣтъ дође. Неожидаємо щасіе то єзыкъ ти веже. Заиста, признаемъ ти, умѣсто да ме ѣушанѣ то вреѣа, весели ме паче, и одшудъ добро значенѣ за любовь мою изводимъ. То, што си занѣміо, еспѣ найизвѣспніи знакъ прекомѣрногъ восхищенія швога, и веѣма ме весели, нежели найблагодарнія и найзалюблѣнія бесѣда, кою бы ми изговориши могао.

То рекше, па ми руку свою пружи, да е полюбимъ, да ми као ослади очекиваюѣе ме радости, ерь тако яко увѣрена бѣше, да е человекъ видѣши не може, а да е не люби, да све на лицу момъ указываюѣе се гнушенія знаке, за сама любви и восхищенія о среѣи моіой доказательствва держаше. Меѣу шимъ доѣу двѣ черне робкинѣ, простру по споду коже и поставе таки нѣколико чиия са сипномъ проіомъ, пірінчомъ и месомъ, справлѣнымъ съ медомъ. Принцеца ми заповѣди да

као

као и она на кожу сѣднемъ, и едемъ. — Ело
 принешено, слабо самъ уважавао, преида ме
 Принцеца непрестано ести нуѣаше. Како,
 рекне ми, заръ немашъ волѣ ести? О како се
 шо сладко улагуе моіой спраспи! Щаспіе о-
 бѣѣано ожидаваюѣи, свако ши е тренуѣе, кое
 исполненіе надежде швое закаснява, сувыше
 тегопно, и шога ради ни волѣ ести немашъ.
 Но, наставивши далѣ рекне, ма како силна
 чувствованія, коя мене ради имашъ, была,
 оцешъ ши пре не могу, негъ ову шшо иде
 ноѣъ, щаспіе швое навершиши. Садъ ѣу къ
 ошцу момъ иѣи, и молиши га, да и шеби и
 другу швome, кой е сердце фаворішке мое
 дирнуо, живошъ поклони.

То рекши устане, заише покрывало, и
 справляюѣи се да предъ ошца изыѣе, рекне
 ми: младиѣу, иди меѣу шимъ напрагъ, попра-
 жи друга швога, кажи му, да ѣе среѣанъ бы-
 ши и фаворішку мою имаши, однеси му па-
 ки пріяшну шу вѣспъ, радуйте се скупа, и
 благодарите небу, кое васъ одъ несреѣе кою
 су содругови вашіи искусили, спасава, и ондѣ
 вамъ, гдѣ е нѣи смерть посшигла, найпріяш-
 ніи живошъ справля. Чимъ луча дневна о-
 стровъ освѣшлявати пресшане, даши ѣу те
 довести, да съ шобомъ вечерамъ, а пошомъ
 ѣемо цѣлу ноѣъ заедно провешши. — Я Прин-
 цези *Хуснари* на доброти иѣной захвалимъ,
 хошя самъ швердо науміо быо, пре умреши,
 нежели одъ доброте иѣне употребленія учи-
 ниши. Негаръ, кой дозванъ бѣше да ме оп-
 праши

прапи, опведе ме опетъ у преѣашній запворъ. Ни е можно изказати, колика е *Saidu* радостъ была, кадъ ме опетъ смопри; веѣа быши не бы могла, кадъ бы чудомъ каквымъ изъ свирѣпы руку Негарски избавлѣни, и у тренуѣу помъ у Егвптъ пренешени были. Ахъ драгій Принцу мой, повыче онъ, а ты опетъ овдѣ? я самъ веѣъ очаяо, да ѣу те іошпъ еданпушъ видѣши, мыслио самъ да си веѣъ, ударцыма нелюдій тій раздроблѣнь, као жертва гадне оне змиюрине пао, и одъ Ідола погъ, комъ се овдѣ жертвеницы подижу попрошенъ. Е ли могуѣе да су ми ше опетъ поврапили, и да си дошао, сузе ми за ущербомъ твоимъ прольвене, осушиши?

Есть, *Saide* опговоримъ му, и кажемъ ти да избавленіе мое само одъ мене завыси, и да судби, содругове наше пусшигнувшой, само ако хоѣу, избѣѣи могу. — Ахъ Господару, напрасно ме пресѣкнувши рекне *Saidъ*, смѣмъ ли ши речма вѣроваши? смѣмъ ли вѣроваши, да си одъ смерти избѣгао? какву ми среѣну шо вѣспъ доносишъ? Нишпа ти не кажемъ опговоримъ му, него само што е одъ слова до слова истина, но ты не знашъ, за какву ми цѣну живопъ избавиши валя, а шо дознавши, пресшати ѣешъ толике радости просыпаши, и мож'да ѣешъ ме за веѣма сожаленія достойна держати, нежели да самъ веѣъ живопъ изгубіо. Я му онда разговоръ, кои самъ са кѣерію кралѣвомъ имао, приповѣдимъ, и онъ ми приповѣдку до конца са-
слу-

слушавши на шо опговори: признаемъ, да е доспа шегошно у обяшяма шакове любезне быши, ниши е безъ узрока, што се одъ нѣногъ миловапя гадишь, и што се шога шиче сасвимъ самъ едногъ съ побомъ ощущенія; али опешъ и живопъ е лѣпа стварь! помысли само, како е шо ужасно у тимъ швоимъ годинама пропасши. Савладай, Кнеже мой, вкусъ швой и нужди попусши.

О Саиде, выкнемъ при тимъ речма, шша ми шо совѣшуешъ? заръ мыслишь, да ѣу у шаню быши совѣшъ шай испуниши? садъ ѣемо видѣши, хоѣешъ ли и шы кадаръ быши оно чиниши, шшо одъ другога ишпешъ; ерь казаши ши морамъ, да се Принцезино спаранѣ и до тебе чакъ просшире. Любимица Хуснарина очи е свое на те бацыла, шы си съ нбомъ у ономъ случаю, у комъ самъ я са Принцезомъ, а она ни мало ни е любведоспойнїя одъ свое владѣтельке. — Осѣхашъ ли? да си наклонъ доброшу не отбиши, коя ши е за ову ноѣ намышлѣна? — Саидъ на те речи преблѣди. Праведно Небо, рекне, разумѣмъ ли те добро? Любимица Принцезе церне жели, да за ню живимъ? О, ша пре некъ ме Негри у гадный Храмъ свой опвуку, и некъ ме болѣ по шысуѣу путшй змїя нѣова прождере, него шшо милованѣ нѣно возврашимъ.

Но, Саиде, рекнемъ му, шы се на Госпу, шако яко милуюѣу те гнушавашъ, а заборавїо си „да е и животъ лѣпа стварь.“ Да како,

ко, любезный мой, чимъ насъ тако напераша
 жели, да гнушенія досшоанъ предметъ люби-
 мо, смерть намъ ни мало выше страшна не
 чини се, и опешъ заръ ишпешъ, да се нѣ бо-
 имъ? Признай самъ, да е не възможно чув-
 ствованія сердца савладаши, и любовь свою
 онаковомъ существу указани, кое намъ са-
 мо гнушеніе улыва. Усиляванѣ по и самой
 е найкрѣпчійою младежи не възможно, и болѣ
 е да оба пропаднемо, него да се понизимо, и
 о нѣжности два предмета, коя нигда любити
 ни смо кадри, увѣравамо. — Пріятель мой,
 совѣшь шай, комъ ме очаяніе мое научи, ша-
 ко одобри, да веѣь ни о чемъ другомъ, него
 о смерти мыслисмо. Ноѣь смо съ несперпѣ-
 ніемъ очекивали, не да веселѣ обречено ужи-
 вамо, него да лѣполице наше съ поругама
 преиспунимо, и све имъ гнушеніе, кое о нѣи-
 ма чувствуемо, познаши дамо. Обхожденіе
 по у насъ два любовника сасвимъ ново быше,
 но мы се надамъ съ шимъ у яроспѣ ій дове-
 спи, и возбудиши, да насъ што берже убію,
 ерь смо увѣрени были, да, кадѣ една само
отбагена лѣпотица; *найвеѣу ярости неумѣ-*
реность упада, мы двѣ тако нагрдне и сви-
 рѣпе женшине ненаказани увредиши не мо-
 жемо.

Кадѣ ноѣь насшупи, доѣе Негарѣ еданѣ
 кой поглавица шѣлохранилнице Принцезини
 быше, попражи насъ и рекне намъ: среѣне
 роблѣ! преправте се да найслаѣе радости у
 живате; двѣ нѣжне любезнице очекую васъ
 спра-

справляюћи вамъ найлѣпшю судьбу. Благословише данъ онай кадъ васъ | є благоволеніе мора и вѣпра къ бреговима нашимъ пришера-ло. — Мы за Негромъ ни рече му не отговоривши поѣмо: но на нѣму само сшояше да изъ ѣупаня нашегъ заключи, да Госпе, очекиваюће насъ, не ѣеду съ нама сувыше задовольне бѣти. Скорбъ, или шта выше очаяніэ на лицу намъ изражено бѣше. Онъ насъ у шаторъ кѣри кралѣве уведе, гдѣ принцеца са любимцомъ своіомъ на великимъ жожама при трпези сѣѣаше. Сѣди узъ мене, рекше *Хуснара*, кадъ унутра уѣемъ, а содругъ швой може узъ *Міхрафію* сѣсти. Донесе се много ѣла, понуде насъ ести, а церне намъ Робкинѣ часъ по часъ пиѣе нѣко одъ прое справлѣно, у шаренымъ чашама землянымъ пружаху.

Кадъ се плашишь, почне Принцеца, окренувши се къ мени, и очима нѣжно повлачећи, и ни како се не усуѣуешъ, чувспівованія мѣ швоя изявиши, некъ шѣ *Міхрафія* чувспівованія ша у пѣсми одной одпѣва; може быши да ѣешъ се онда охрабриши, и самъ іѣ изявиши. Двѣ церне робкинѣ уѣу унутра, и почну у мале одъ слонове кости свирайке свираши, а *Міхрафія* пѣсму заведе овако:

„Ахъ любимъ ше, о ідолу нѣжна сердца мога!
Тако ш' любимъ, да се сумнямъ о бышю веѣь
моме;

Али опешъ, ма колико слабъ и шужанъ быю,
Да м' є судба и шысуѣу даровала живоша,
Све б' іѣ редомъ жерпвовао пред' ногама швоима!

Кадъ

Кадъ ѣу радость я имаши, рецы само, уз' тебе
Ты што сердца восхищавашь! да пошаю вну-
преню

За любовь те швою молеѣ', я предъ тобомъ
изльемъ?

Ахъ ал' не знамъ! достойно ли хоѣешь держат',
орле ты,

Вел'чеспвеный, ложе мое низко лица швогъ?

Ако и еспь свирѣпие души швоіой свойспвено —
Недостойно ал' е тебе, — укрочавай прави те,
Ерь ниш' мѣдно, ниш' гвоздено сердце еште у
тебе,

Корачай ми преко главе, вйша моя любезна,
И сматрай ме, као што сматрашь, прага
швога пращину;

Я любви само сладость молимъ саде одъ тебе,
И за цвѣшну само вѣрность непреспано па-
шшимъ се,

Удворности пушь е само, по комъ иѣи шру-
димъ се,

Тайне швое ни комъ не ѣе сердце мое казати,
Ни предъ киме славу швою не ѣе разглашивати.

Изворъ среѣе мое любко-й швое присуспв'е,
Нек' задуго шы внушавашь сердца швога же-
ланѣ!

Заповѣсти казуй само любезнику шы швome,
Свака му е лагка, кою воля швоя измышля,
Само ако му не велишь, да одлази одъ тебе.

Свирка ућупи; обѣ робкиѣ удаде се, а *Михрафія* опеть сѣдне узѣ Саида. Принцеца се почне свакояко умилявати, само да ми се допадне, а пріяпельица нѣна то ишо са *Саидомъ* чиняше. Найпослѣ тако яко у вапру дођу, да се веѣъ затезапи не могосмо дапи имъ познапи, да време бадава губе. Я *Хуснари* шысућу опоры речій рекнемъ, а пріяпель мой не бѣше ни мало учпивѣи спроћу свое лѣпопице. Скорымъ онда спазимо пожелане плоде обхожденія нашегъ. Лице се у обѣ жене те страшно развуче, и сасвимъ насъ яростно погледе.

Ха! бѣдни, зарѣ шимъ начиномъ, повыче церна Принцеца вы добропу нашу награђуе-ше? зарѣ сте заборавили, како е опасно за васъ дражити ме. Неблагодарный настави далѣ окренувши се къ мени зарѣ съ равнодушїемъ сва доказашелства благонаклоности мое прїимати можешъ? но шпа я велимъ, съ равнодушїемъ! чини се као да се ты на *Хуснару* гадишъ. Шпа ты налазишъ на мени, што те одъ мене отвраћа? примѣчавашъ ли какву погрѣшку? При шимъ речма окренесе къ *Фаворішкинѣ* своіой. *Михрафіо*, рекне іой не улагуи ми се, есамъ ли мож'да ружна, или наказна? ели шѣло мое необразно, или лица могъ черте неправилне, съ едномъ речію: заслужуемъ ли я презрѣніе, кое ми спранный оваи указуе?

О Принцецо моя, возрази *Михрафія*, нема жене на свѣту заслужне, да се съ шобомъ сравни; ништа тако совершено ни е, као лѣ-

попа твоя; нишпа окрепниє и правилнє одъ
шѣла твога. Овай є младиѣть паметь изгубы-
ти морао; кадъ дражеснма твоима замѣра.
Кадъ си ты неблагодарнога нашла, не могу
се выше чудити, што и овай другій мало вку-
са на мени находи. Я не докучуємъ, како те
мужкараць кой видѣти може, а да те не обо-
жава. Кадъ дакле младиѣть овай дражесни свое
равнодушно сматрани може, заслужує, да одъ
любви при ногу твоей умре, или да полуди.

Право имашъ, *Міхрафіо*, одговори Прин-
цеца, и ты си по све любведоспойна, ниши є
добропа твоя за презрѣнїє. Мы ѣмо се надъ
нѣима обоицомъ освешити. Я самъ имъ одъ
кряля, опца мога, милоснъ добыла; но они
доспойни ни су живоша, кой самъ имъ сачу-
вати хошѣла; нека умру! зови таки погла-
вицу шѣлохранилнице, нека шуѣинце те у
Пагоду води, и некъ їй шамо божеснву на-
шемъ жерснвує. *Міхрафіа* похипа по По-
главицу да га зове, кой за шиль чась съ два
Негра доѣ. Одише, рекне имъ Принцеца, у-
хванише оба ова роба, и водите їй у Паго-
ду. — Негри се нама приближе, нашоваре
намъ на руке данце, и мы не прощивеѣи се
доѣмо за нѣима, но онай махъ, кадъ насъ
изъ шапора повесити хешѣше, вѣкне їи Прин-
цеца наспрагъ. Спанише, рекне имъ, не знамъ
какво ми се опешъ чувснво у сердцу подиже,
и смерши оба ша кривца прощивуполаже. За-
исша, то мора быти мерзоснъ моя, коя се
съ лагкомъ тако казню не задоволява. Ерѣ

берза

берза смертъ ни є ни каква за несрећу какву казнь. Нека дакле обоица за повседневно обновляеме муке живе. Хоћу, да ий при жерняню проэ упошребляваше, и дань ноћь посломъ забавляше. Трудань шако живопть сѣице ће насъ надъ нѣима освещиши, нежели смертъ.

Онѣда наложи Негрима, да насъ на нѣко мѣсто острова опведу, гдѣ злочинцы жервиѣ окрећу, и да намъ при послу шоме ни мало одмора не даду, кое су нелюди шии вѣрно исполнявали. Приморавали су насъ прою жерняши, а будући да насъ посао шай іошпъ задоста не умориваше, морадосмо и велико бременѣ дрва изъ шуме носили. Ненавыкнуши пешкомъ шако послу, морали смо попадати подъ нѣимъ. Кадъ насъ Негри, кои намъ полове уређиваху, и насъ чуваху по гдѣкой нупъ сасвимъ уморене виде, ел' вамъ іошпъ воля, запышаю покосшно, да залюблѣни не будете. Пышаѣ шо, образъ лѣпошица наши увѣкъ намъ предъ очи спавляюће, свагда намъ нове силе улываше, и волѣдосмо паче у млини оспаши, нежели ий опешъ видѣши. — Едань дань оспаве намъ Негри много прое да сажернямо. Мы идемо, рекну, у Хорду, а при повратку нашемъ нека є сва проя самлевена.

Видѣвши се съ пріятелѣмъ сама, пробуди се у мени мысль свободе. *Saide*, рекнемъ му, докле злоковарины чувара наши нема, дай да ее приликомъ ползуемо, и прибрежія дочепамо; може быши да ћемо іошпъ срећни быши да ће се бродъ какавъ провезши; мы ће-

мо га знакомъ побудиши, да къ брегу при-
плови и насъ прійми. — Я самъ съ шимъ за-
доволянъ, кнеже мой, онъ говори *Saidъ*. Да
нишпа себи пребацываши не узимемо, дай све
да покушамо за избѣћи изъ несреѣногъ овогъ
острова. Ако намъ Небо ни каква предмеша
за избавлѣніе наше сходна не пошлѣ, скочимъ
ѣмо у море, — мыслимъ да ѣе слаѣа смертъ
быши у волнама ушопиши се, нежели на по-
слѣдакъ при жервню полако увенуши.

Я съ пріяномъ моимъ будемъ у споразу-
мѣнію, дочепамо се морскогъ прибрежія, кое
не одвеѣъ далеко одъ первогъ пребывалища
нашегъ бѣше, смопримо шамо одну за панъ
привезану ораницу, коя Негру нѣкомъ шу у
сосѣдству живеѣемъ, къ рыболову служаше,
одрѣшимо е шно берже, счепамо весло, до-
машимо се ширине морске, и предамо се ми-
доспи вѣпра и шадасій.

Край III. Свезке.

(Продуженіе по нѣмачкомъ орігіналу слѣ-
дуе о идуѣемъ Пешшанскомъ вашару.)

ПРЕДНАПИСАВШИ СЕ.

БАНОВЦЫ СТАРИ. Чесши. Г. Дим. Лазаре-
 вичъ, Пар. Г. Ранковичъ Економіе Фелдвоб. у Бан.
 Комп. Почш. ГГ. Дим. Георгиевичъ, Георгій Іанко-
 вичъ, Гавр. Вуичъ. Ісакъ Спасоевичъ, шерговцы
 Бан: и Г. Пешръ Н. Делиѳорѳевичъ шерг. изъ Беле-
 гиша — 7. **БЕЧЕЙ СТАРЫИ.** Благ. Г. Ева опъ
 Чокичъ. Бл. Г. Іосифъ опъ Гаванскій Ц. К. Oberleut.
 ad honorem, Бл. ГГ. Іоанъ Мучаловъ и Трѳф. Іой-
 кичъ закл. Адвокаши; Бл. Г. Вас. Пекаровичъ мѳсп.
 закл. Ном. Почш. Гжа Анаст. Спояновичъ шргов-
 киня; П. ГГ. Дан. Спайчъ, Григ. Дражичъ, Георг.
 Мандровичъ, Пав. Елчичъ и Сам. Шефановичъ шр-
 говцы; П. ГГ. Андрей Пешровичъ Аренд. и Феод.
 Старачкій Шпекул.; Почш. Г. Мовсей Райковичъ
 шрг. и скуп. — 14. **БЕЧКЕРЕКЪ ВЕЛИКІИ.** ЧЧ.
 ГГ. Іосифъ Докичъ, Леонш. Михайловичъ Пароси
 Фелдвар: Ч. Г. Куріллъ Марковичъ Пар. Дыняшкій;
 ЧЧ. ГГ. П. Куруцкій Діаконъ Вел: Бечкер: и Аѳан.
 Луяновичъ Діаконъ и Учип. Сенш-Маршон. ББ. Го-
 спода. Прок. Гаичиновичъ; Шеф. Вуковъ; Владисл.
 Поповичъ и Нік. Пайдакъ Маѳ. закл. Адвокаши;
 Бл. Г. Пав. Савичъ Бировъ; Бл. ГГ. Ал. Прошичъ
 и Ааронъ Шаинъ высокосл. Кр. М. Таб. закл. Ном;
 Бл. Г. Гавр. Георгиевичъ закл: Канцелл. Бл. Г. Мовс.
 Торговичъ закл. Пракшк. Г. Мравишь Цайгваршеръ
 Б. Г. Софр. Павловичъ Ном. Фелдвар. Блграз: ГГ.
 Дан. Спайчъ сов. Богословъ, и Арк. Косаничъ Уч.
 Вел. Бечк. Б. Г. Дим. Цвешковичъ 2-ре Комп. Ка-
 пішенъ; П. Г. Жив. Феодоровичъ; Г. Макс. Евгеніе-
 вичъ Ц. К. Соларъ изъ Перлеза П. Г. Поповичъ
 шерг. Г. Георг. Нікіфоровичъ шерг. П. Г. Алексан.
 Вуковъ Ѓурч. Почш. Г. Георг. Шаинъ Pflaster-Mauth
 Aрендator у Вел. Бечк. и скуп. — 25. **БЪОГРАДЪ**
СЕРБСКІИ. Благор. Г. Іаковъ Якшичъ Княж. Каз-
 начей и пр. Бл. Г. Лаз. Поповичъ Писаръ, род. изъ
 Враниѳа за сына Срепена, Г. Пав. Зорничъ Секр.
 Шол. Бѳоградске за сына Константина и Іоана, Г. Ра-
 дованъ Капаничъ Вице-Полицай Бѳогр. са супругомъ
 своіомъ Анномъ роѳ. Феодосіевичъ изъ Земуна за
 дѳцу свою, Г. Дим. Станоевичъ Кметъ Беогр. за

сына Косту; Г. Манойло Зака за сына Александра;
Пш. ГГ. Манойло Анжелковичь, Никол. Христичь;
Алекса Маринковичь и Дим. Радовановичь шерговцы
Ббогр: Г. Коста Иоанновичь род. изъ Земуна, Бла-
тонадеждный ученикъ Владимирч. І. Якшичъ, Поч-
шенор. Г. Аѣимъ Оомичъ шерговаць и скупишель
Пдеди. са супр. своимъ Анастасіомъ роѣ. Феодосіе-
вичь изъ Зем: за сынове свое Георгіа, Оодорче и
Марка. — 16. БУДИМЪ Высобл: Г. Ник. отъ Те-
мешварій при выс. сл. Кр. Консіл. Секретарь сл.
Коміт. Шімегск. Т.С. Асс. приспавлѣный школа нар.
Надзыраш. и сл. деп. Ф: шк. управл. Президентъ,
Бл. Г. Иоанъ Беричь СС. ХХ. и Філ. Докт. и сл.
деп. Ф. шк. управ. Актуарь Почш. Г. Андрей Весе-
линовичь найспарій Членъ Ком. Будимскогъ, Благ.
Г. Павель Коичъ Фішкаль, Благор. Гжа Кашаріа
Коичь роѣ. Бозішоваць Фішкалица, Бл. Г. Пав. Спе-
фановичь Адв. Бл. Г. Дим. Иоанновичь Адв. и Маг.
Буд. Архівар. Бл. Г. Урошъ Неспоровичь Беамп.
Кам. Пошп, Г. Евѣ. Продановичь куп. Г. Иоан.
Гужовичь куп. Г. Иоанъ Іличичь изъ Слав. Гжа На-
тал. Белецкій, Гдична Елена Марковичь, Благ. Г.
Анш. Арновлѣвъ Адв. Высокоуч. ГГ. Міланъ Міашо-
вичь, Спур. Анастасіевичь, Иоанъ Беричь и Никол.
Маленичъ Іураши и Бл. Г. Аван Кука Беамп. Конс.
Г. Гавр. Иоанновичь пѣваць. — 16. ВЕРБАСЪ. Г.
Косма Спояковичь Учишель. ЗЕМУНЪ (посл. чрезъ
Г. Сум. Феодоровича учип.) Благ. Г. Калешанъ и
Быргермайшеръ Василій Лазаревичь за сынове свое
Іоанна Александра и Стефана, Благор. Г. Ігняшій
Василіевичь Ц. К. Вост. Єзыка Толмачъ, Бл. Г.
Пешаръ Спояновичь Зем: Кошум. Магазіонеръ Г.
Ігняшій Феодоровичь 30igst Revisorats Waag-Diener,
Г. Паип. Стефановичь шерг. Г. Консп. М. Иоанно-
вичь Geschirrhändler Г. Феодоръ Р. Оомичъ Geschirt-
und Nürnbergger Waarenhändler Г. Георг. Маршновичь
шерг. Г. Радованъ Андреевичь за кѣрь свою Марію
Г. Иоанъ Даліанъ за кѣрь Екашеріну, Г. Пав. Івко-
вичь за сына Феодора калфу шишлер, Г. Сав. Ко-
сшичъ за сына Павла учен: 1-ве кл. Г. Споянъ По-
повичь шрг., Г. Георг. Р. Триковичь садунаръ, Г.
Стеф. Коспичъ дрваръ за сына Сумеона, Г. Марко
Сумеоновичь за сына Косту, Г. Лазаръ Димитриѣ

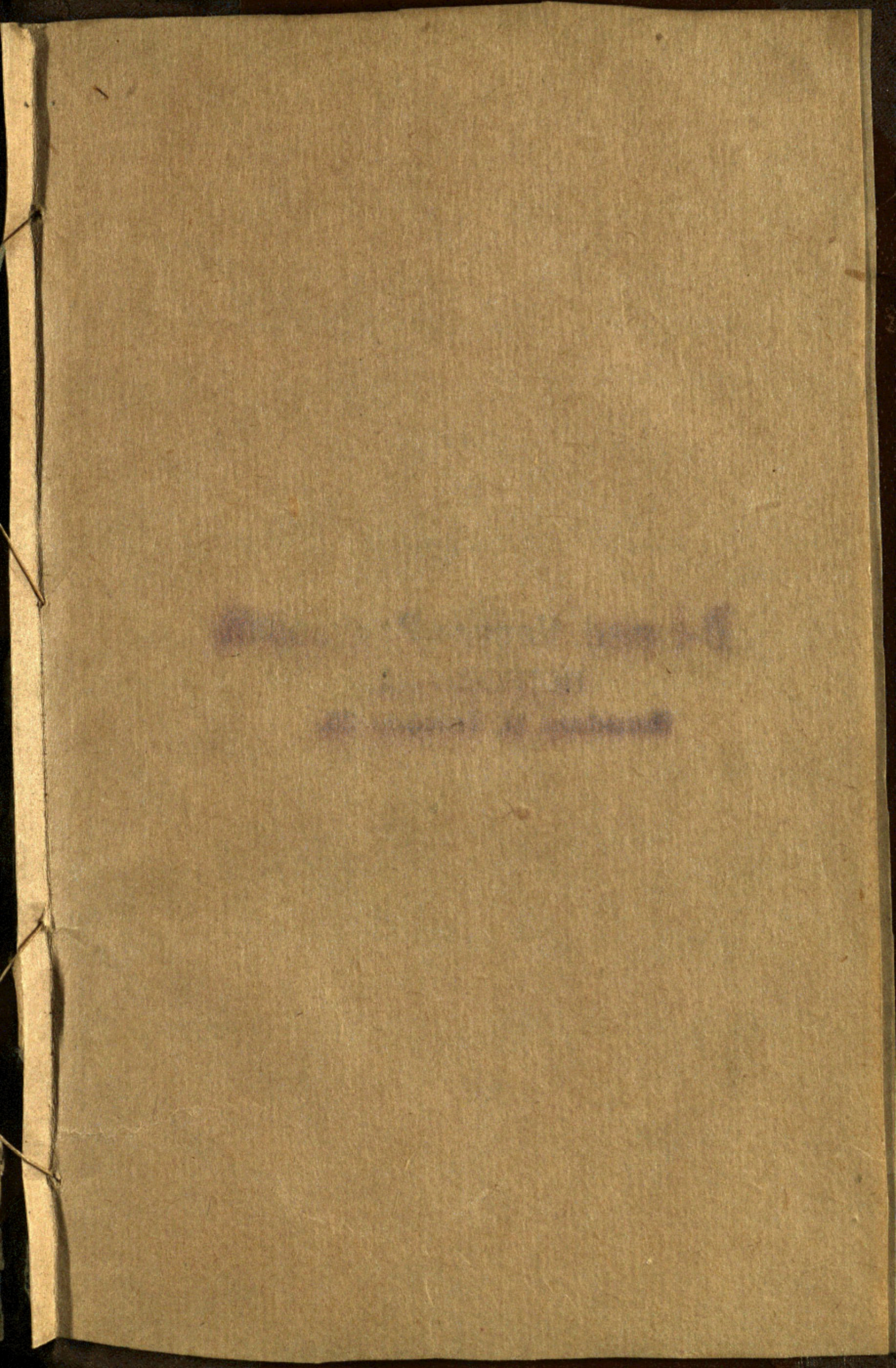
вичъ за кѣрь Милицу, Г. Неделько Спачъ за сынъ
Георгіа, Г. Дим. Миличевичъ биршашъ родомъ изъ
Іріга, Г. Ніколай Сп. Поповичъ, Г. Мих. Миліано-
вичъ за сына Феодора калф. шерг. Г. Дим. Іанко-
вичъ шрг. Г. Сумеонъ Г. Іоанновичъ шерг. Г. Алек.
С. Іоанновичъ шерг. Г. Стеф. Іличъ за сына Павла,
Г. Іоан. Киежевичъ калф. берб. Г. Оома Ошефано-
вичъ калфа ковачкій, — Послани чрезъ Г. Феодора
Феодосіевича: Чесш. Г. Лазаръ Савичъ Парохъ и
Адмін. Прошопр. Земунск. Чесш. Г. Авраамъ Жива-
новичъ Пар. Земун. и Юноши Капихешъ, Высоко-
уч. Г, Милошъ Лазаревичъ верх. учип. Серб. юности.
Высокоуч. Г. Гавр. Ковачевичъ Книггов. и Списан.
Почпенородна ГГ. шерговцы; Анц. Феодоровичъ,
Спаса Поповичъ, Павелъ Г. Іоанновичъ за сына Ге-
оргіа, Іоанъ М. Спида, Консп. Р. Оомичъ, Алекса
Іоанновичъ за сына Ніколаа. Мих. М. Іоанновичъ,
Дим. Ніколичъ, Консп. Іанковичъ, Васа Вукомано-
вичъ, Алекса Калунчіа, Іоанъ Д. Іоанновичъ, Стеф:
Петровичъ, и Аншонъ Дренчевичъ В: Корпораль —
Почпенород. ГГ. Майшори: Іоаннъ Петровичъ,
ковачъ, Живко Лазичъ Ћурчіа за сыновца Гавріла,
Пав. Вуковичъ курч. Георг. Коспичъ курч. Феодоръ
Димитріевичъ чизмаръ — Георгій Спояновичъ се-
супр. своіомъ Фемомъ роѣ: Феодосіевичъ за сынове
Стефана, Петра и Димитрія, Манойло Георгіе-
вичъ (Абажіа, Дим. Георгіевичъ Mannß - Schneider,
Феод: Недельковичъ Mannßsch. Паип: Спояновичъ
Damenßsch. Георг: Спойшичъ Абажіа, — Феодоръ
Миличевичъ старый радений калфа, Іоаннъ А. Іу-
рукъ шерг: калфа — Посл: чрезъ Г. Гавріла Спасое-
вича: П. Г. Василій Угришичъ Коншум: Weinigungß
diener, П. Г. Косма Флора Спойковичъ Коншум:
Wein. diener, П. Г. Косма Везиличъ Конш: Wein: dien.
Г. Ааронъ Вучешичъ, ПП. ГГ. Алекса Лончаревичъ
чизм: Георг: Іоанновичъ Mannßsch: Стеф: Конспан-
тиневичъ чизмаръ, Філл: Машичъ калф: чизм: род:
изъ Бингуле, Г. Аранѣль Ніколичъ шерг: изъ Бео-
града — Доцніе послани: Почпен: ГГ. Майшори.
Лука Іоановичъ Сурсабовъ за брата Стеф: Тончеви-
ча, Феодоръ Ніколичъ курчіа изъ Димитровице за
сына Стефана, Михайль Ніколичъ Barbier: Мих:

Шанковичъ Zürf. Schneider и Г. Живко Ніколичъ
перговачъ калфа — свега 76.

ИЛЛОКЪ. Послани опъ Преч. Гдина Курілла Ні-
колича Пар: Іллочк: Чеспи: Г. Філіпъ Хрістофо-
ровичъ Пар: Нешп: Чест: Г. Шеф: Тімічъ Пар.
Суєбчк: Высок. Г. Пешръ Іоанновичъ Юрашъ у Іл-
локу; Благораз: Г. Алѣкс. Горянчевичъ Дѣшон: Іл-
лочкій Почшенор: ГГ. Терговцы: Нік: Георгіевичъ
Лаз. Пешлянскій, Шеф. Арсеичъ: Макс: Мичичъ;
Сум: Марковичъ; Савва Іоанновичъ и Іоанъ Ніко-
личъ; Евѣца Іоанновичъ и Софіа Міхайловичъ учен:
Пошп: ГГ. Гавр: Поповичъ пл: Спах: Ілл: Salz-
verschleif. Григор. Васичъ Саууж. Павель Іоанновичъ
Саууж. Г. Лука Дароничъ и Андриа Велиміровичъ
ГГ. Ачанасій Пеичъ и Евшимій Ковачевичъ землѣ-
дѣлци. — 20. **МАРІА - ФЕРЕСІОЦЕЛЪ** послани
опъ Пошп. Г. Шеф. Коледича, Граждан. Пошпен:
Г. Георг. Арадскій членъ Комунишета, Высокоуч.
Г. Лазаръ Манойловичъ К. М. Таб. закл. Ношарій.
Пошпенор. ГГ. Терговцы: Анп. Спшойковичъ, Аар.
Милосавлѣвичъ, Аар. Поповичъ, Філіпъ Заричъ,
Григ. Лукичъ, Георг. Манойловичъ, Еман. Уваличъ,
Савва Поповичъ Аренд: Пошп: ГГ. Іоанъ Арадскій
Екон. Авраамъ Спанимировичъ шнайд: Благ. Гжа
Іул. Поповичъ Віце-Фішкалка, Гжа Іул. Арновичъ,
удаша Харишъ, Гдична Маріа Димитріевичъ, Бла-
гонад. учен. Еман: Манойловичъ, Пошп. ГГ. Феод.
Младеновичъ, Лепц. Пешръ Ніколичъ, злато и сре-
бродѣл. Солом. Іовичъ землѣдѣл. ГГ. Шеф. Сте-
фановичъ, Феод. Врижичъ, Конспанп. Ігняшовичъ,
Дим. Тубичъ калфе купеческе. — 23. **МЕЛЕНЦЕ:**
пос: опъ Преч: Г. Пар: и Намѣспн: Павла Бибича:
Преч: Г. Іоанъ Іоанновичъ Протопр: В. Кикинд: и
Ч. Конс. Ассесс. Чеспи: Г. Марко Іоанновичъ Пар:
Благ: Г. Дан. Тріфунацъ опъ Башфе С. Тороншал:
Варм. Юрассоръ, Благ. Г. Жив. Поповичъ закл. Адв:
Бл. Г. Дим. Ранковичъ мѣспн. Кассіръ, Пошп. ГГ.
Терг: Сум: Субичъ, Пав. Крешичъ, Лаз. Хажичъ и
Аван. Ніколичъ, Благ. Учен: Пав: Граничъ 4. Лаш
школ, Нікол. Бибичъ 4. Лаш. Школ. слыш. Алѣкс.
Іоанновичъ учен: Благ. Шеф: Ковачевичъ соверш:
Богословъ изъ Беодре — 13. **НОВЫЙ САДЪ.** посл.

опъ Почп: Г. Моусса Димитріевича Кафеч: В.
Георгій Сервицкій млаїй; Г. Іоан. Кацдемордъ 4,
кл. учен. ПП. ГГ. Пешрѣ Жекичъ Шпек. Евш: Ра-
довановичъ злапа и Сребр: Дѣл: Гавр: Феняиць
Мушки халь: Сабовъ; Пешрѣ Абадиць Бырпашъ
Спур. Марковичъ и Іосифъ Марковичъ Шуспери и
Георги Дражичъ Сурс: Высокоуч. Гавр: Байяць Па-
шверіста; Пошп: Г. Моусей Димитріевичъ Кафе-
чіа Лазаръ Стефановичъ Юріст — 11. ПАКРАЦЪ
Пречестн. Гдинь Павель Баришичъ Намѣспникъ
Пропопр: Пакрачк. и Даруварскогъ, и Епарх: Конз.
Пакрачк. Сосѣд. Честн. Г. Нікол. Меичъ Парохъ
Пакрачк: Честн: Г. Іоан. Докпоровичъ Адм: Па-
крачк: Пошпенор: Аванасій Іанковичъ Куп. 2 кн.
Высок. Георгій Пауновичъ Дѣшонаст: Пакрачк 6—
ПАЛАНКА СТАРА посл: опъ Гдара Марка Іва-
новича Купц. и Аренд. Честн: ГВ. Димитр, Попо-
вичъ, и Марко Доичъ Пароси Палан. Честн: Г.
Паип. Каленичъ наим. пар: Палан: Высокоуч. Г.
Георг: Хажичъ кр. Маѣ: Таб. Закл. Ном. Бл. Г. Іліа
Ракичъ Нопар: Сп: Паланач: Благораз. ГГ. Учиш.
Іоаниъ Іоановичъ Нешпинск. Даміанъ Суббошичъ
Бегечк. Дам: Гргуръ Паланачкій Пошп. Г. Марко
ко Івановичъ Купц. и Аренд. Скеле Пал. ПП. ГГ.
Георгій Девичъ Древорѣзашель; Гавр: Бачличъ
Сшакларъ, Стеф: Папуличъ Сурсабовъ, Стефанъ
Савичъ Шнайдеръ; Ел. Г. Дим: Шіяковъ Кассиръ
Пал: Благораз: Г. Павель Івковичъ учиш. и Сово-
куп. пренум: — 15. ПАНЧЕВО: Пречестн: Г. Кон-
стант: Арсеніевичъ Пропопр: Панчев: Преч: Г.
Феод. Живковичъ Пар. Панчев: и Консіст. Ассес:
Благор. Г. Іоан: Богдановичъ КК. 30-ger Salz-
neher; Пошп: ГГ. Трговцы: Брашія Коспичъ,
Ігняшъ Бараеваць; Пешрѣ Бараеваць; Споянъ Спа-
сичъ изъ Серб: Беорг: Стефановичъ и Феод: Стани-
савлѣвичъ; П: Г. Коспа Леквичъ Молеръ изъ Зем:
Гжа Елена Токаличъ; Г. Васа Барякшаровичъ Чиз-
мар; Іоан. Барякшаровичъ; ПП. ГГ. Пав: Драгиче-
вичъ и Дим: Крестичъ Калф: Лебцелш: Высок.
Іоаниъ Бараеваць соверш: Маѣ: Юріста и Скуп.
Пренум: 16. — ПЕТРИНЯ: Честн: Г. Дам. Грубо-
ровичъ Капеланъ у Тріесту, Бл: Гдинь Пешрѣ Ра.

иць 2-ре Банск: Рег: Фур: Гдинь Міх: Бе-
иць Писарь кодъ Рег: Высокоуч: Г. Адамъ Вра-
чаревичь Учиш: Глинск: ПП. ГГ. Терговцы: Іоан:
Чакое; Пав: Котнаръ; Іліа Лафевичь изъ Карлава;
Радов. Зець Клерикъ; Гжа Ек: Петровичь роф.
Лафевичь люб. кнѣж. Г. Василій Вуковичь Скуп:
Прен: 10. — ПЕШТА: Пошп: ГГ. Гавріиль Бо-
зишоваць Член: Ком: Буд. Іосифъ Миловукъ и Іос:
Міхайловичь Терговцы: Высокоуч: Г. Георгій Сто-
яковичь соверш: Іуріста: РУМА: Благор: Гдинь
І. опъ Рогуличь Кассаперц: за Сына свога Міхаила
Почп: ГГ. Алекс и Сум: Спаичь, Брашя Воино-
новичь и Петръ Васичь Купцы Г. Петръ Палеша-
шевичь учен: 3 Лап: Шк: у Карл: Благораз. Г. Ва-
силій Суббошичь Діаконъ и Учишель 3 Серб. Шк:
и Скуп: Прен: 6. — СЕНТА: Чеспи: Г. Георг:
Поповичь пар: Сенѣанске Спомощ: Благор: Г. Геор:
Брановачкій Кор: прів: пош: Дішпр: Таначникъ.
ПП: ГГ: терговцы: Самуиль Арадскій; Іоан: Оо-
мичь и Стеф: Спаичь; ГГ. Аар: Вуичь Чизмаръ;
Іоан: Куничь Кожуаръ; и Андр: Ніколичь учен:
Благораз: Г. Іосифъ Феодоровичь учиш: Чоканскій
и Бл: Гдинь Георгій Ніколичь учиш: Сенш: и
Скуп: Прен: 10. — СОМБОРЪ: Преч: Г: Авр:
Максімовичь Парохъ Сомб. и Капѣх. Препар: Преч:
и. Іоан: Феодоровичь Адмін: пар: Бл: Г. Ніколай
Леовичь Варошк: Ексакторъ Бл. Г. Косма Проко-
довичь КК. почесп. Лайпнаиша и избр: Граф:
Благор: Г. Дім: Мороквашичь Дѣшон: Благ. Гжи
Дафіна Аванацковичь Б: Гжа Александра Вуичь
Благопочп: Г. Іоан: Аванацковичь, избраный Граф:
и Сководп: Пр Б: Терговцы: Марко
Бирзалск: ушоръ: Граф: Петръ
Феофановичь за кѣрт Елісаве: Петръ Поповичь
избр: Граф: и Сабовъ; Феод: Петровичь за сына
Самуила, Лаз. Машіровичь; Стеф. Проко: вичь
Авр: Топаловичь за кѣрь. Георг. Гергуровъ за
кѣрь; Савва Гергуровъ и Васил: Поповичь Сабовъ
и избр: Граф: Благон: Гжа Марія Машіровичь — 20.
ТЕМИШВАРЪ: Благородна ГГ. Нік. Маленица
опъ Спаморе. Г. Іоан. Остоичь опъ шем. Варм. Тем.
Фішкаль Г. Іоан Ніколичь опъ Рудне. и пр. 30. —

Д-г мед. Корнел Родуловић

ПЕТРОВГРАД

Машинева 11, Телефон 28.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

P₁₉ Срп II 1055/3.1